СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1840.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XIX.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1840.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2145

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

О ФИННАХЪ И ИХЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Юбилей Гельсингфорскаго Университета.— Черты характера Финновъ. Степень образованности.— Природныя дарованія.— Крестьянинъ совѣтникъ царей.— Бытъ древнихъ Финновъ.— Колдуны Финскіе.— Крестьяне-импровизаторы.— Народныя пѣсни.— Леннротъ, ихъ собиратель.— Письмо Рунеберга.— Финская эпопея.

Въ послѣдней книжкѣ Современника было упомянуто мимоходомъ о торжествѣ, которымъ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ готовится встрѣтить третье столѣтіе своего благотворнаго для Финляндіи существованія. С. Петербургскій университетъ вскорѣ послѣ того получилъ оттуда приглашеніе на предстоящее празднество, и мы помѣщаемъ здѣсь переводъ этихъ строкъ * тѣмъ охотнѣе, что онѣ по-

* Вотъ онѣ въ подлинникѣ:

«*Viris celeberrimis, Academiae Petropolitanae professoribus ceterisque docentibus. S.* Quae in ultima Fennia condita est Academia, has septentrionales oras artium et litterarum cultu subactura, terrae illius instar, frigoris vi coelique intemperie saepius vexatae, damna pertulit

сятъ на себѣ вѣрный отпечатокъ мѣстности и обстоятельствъ.

«Университетъ, учрежденный на краю Финляндіи для водворенія въ сихъ сѣверныхъ странахъ наукъ и искуствъ, претерпѣлъ, подобно здѣшней землѣ, часто разоряемой холодомъ и ненастьемъ, много самыхъ горестныхъ потерь и бѣдствій. Но пронеслись времена мрачныя: наслаждаясь наконецъ отраднымъ сіяніемъ солнца, уже кончая второе столѣтіе, онъ намѣренъ празднествомъ возобновить память своего рожденія. Сіе торжество совершитъ онъ конечно съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о помощи Промысла Божіяго и о щедротахъ Августѣйшаго Императора; онъ будетъ проникнутъ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ древле спасенные отъ кораблекрушенія вѣшали

et infortunia plurima, tristissima. Abierunt vero tempora nubila: solis gratissimo adspectu demum laeta, ducentorum mox annorum, ortus sui memoriam festo die agere meditatur. Instituet sane haec solemnia, Providentiae divinae opem Augustissimique Imperatoris beneficia pie recolens, eodem permota sensu, quo naufragio erepti tabulam votivam in templo olim solebant suspendere. Quum autem animus ingenti perfusus voluptate aliis usque cognosci gestiat, testibus laetitiae frui faventissimis nostra Alexandrina ardentissime optat. Vos igitur, Viri celeberrimi, officiose, amice rogamus, velitis his votis satisfacere, sacrisque saecularibus, die $\frac{\text{III}}{\text{XV}}$ instantis Julii mensis in urbe hac celebrandis, humanissimi adesse. Quo animo estis in artium optimarum cultores, quippe quos universos jure sodalitio inter se junctos aestimetis, haec gaudia a vobis minime aliena, speramus, judicabitis. *Helsingforsiae, die* $\frac{\text{XXVII } aprilis}{\text{IX } maji}$ *MDCCCXL.*»

въ храмѣ скрижаль обѣтную. Но какъ душа, преисполненная великимъ удовольствіемъ, жаждетъ открыться другимъ, то нашъ Александровскій университетъ пламенно желаетъ найти благосклонныхъ свидѣтелей своей радости. И такъ, мужи знаменитѣйшіе, усердно и искренне просимъ васъ, благоволите исполнить желаніе наше и почтить своимъ присутствіемъ юбилей, имѣющій совершиться въ семъ городѣ $\frac{III}{XV}$ будущаго іюля. Надѣемся, что сочувствуя труженикамъ благородной науки и считая всѣхъ ихъ соединенными товариществомъ, вы не признáете торжества сего чуждымъ для васъ. Гельсингфорсъ, $\frac{27\ апрѣля}{9\ мая}$ 1840.»

И нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящія минуты ученое сословіе не только Русскаго, но и всего Европейскаго сѣвера ожидаетъ съ братскимъ участіемъ юбилея, объявленнаго Александровскимъ Университетомъ. Въ эти минуты, когда угрюмая страна Финновъ составляетъ предметъ общаго любопытства, и когда прелестный Гельсингфорсъ едва вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ своихъ посѣтителей, для многихъ конечно было бы пріятно ознакомиться короче съ духомъ кореннаго народонаселенія Финляндіи. Вотъ что побуждаетъ насъ представить здѣсь нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ сему предмету, хотя, можетъ быть, и весьма далекихъ отъ безусловнаго достоинства. Что касается до самаго университета, то мы уже въ предыдущей книжкѣ представили легкій очеркъ его исторіи и настоящаго состоянія.

I.

При ближайшемъ знакомствѣ съ Финнами *, всякаго прежде всего поражаетъ рѣзкая противоположность между ихъ наружностью и внутренними силами. Члены у Финна грубы, неповоротливы; его глаза и черты лица, котораго окладъ особенно отличается выдающимися скулами, выражаютъ глубокое спокойствіе души, даже безстрастіе; онъ угрюмъ и несловоохотенъ. Но, будучи по видимому неспособенъ къ дѣятельности, онъ сохраняетъ флегму свою только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не разбудятъ дремлющихъ силъ его: тогда онъ являетъ энергію, вполнѣ соотвѣтствующую мощному, хотя и тяжелому сложенію тѣла его.

Финны одарены рѣдкимъ терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ и нуждъ, и такимъ постоянствомъ въ совершеніи предпринятаго, что ихъ не безъ основанія укоряютъ въ упрямствѣ. Набожность ихъ, честность и вѣрность данному слову извѣстны всякому, сколько-нибудь знакомому съ симъ народомъ. О послѣднемъ свойствѣ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Финская пословица: «вола держи за рога, а мужа

* Подъ симъ именемъ должно преимущественно разумѣть поселянъ Финскаго племени, живущихъ во внутренности Финляндіи; чѣмъ ближе къ берегамъ и особенно къ юго-восточной границѣ, тѣмъ менѣе замѣтенъ въ сельскихъ жителяхъ края ихъ первоначальный характеръ.

за слово (Sanasta miestä, sarwesta härkää).» Отъ того ничто не убѣдитъ Финна измѣнить клятвѣ или присягѣ, а съ этимъ неразлучна въ немъ неограниченная преданность законнымъ властямъ и неколебимая довѣренность къ Монарху.

Финнъ не избалованъ ни судьбою, ни окружающею его природой; онъ искони привыкъ повиноваться безропотно первой, и неутомимо бороться съ послѣднею. Не смотря на то, онъ страстно привязанъ къ родинѣ и къ жилищамъ своимъ. Случается однакожъ, что крайняя нужда заставитъ ту или другую семью покинуть свою хижину. Тогда можно видѣть съ одной стороны, до чего нищета доводитъ несчастныхъ, а съ другой, сколько добродушія и братскаго состраданія природа вложила въ сердца этихъ бѣдныхъ людей. Телегу, въ которой съ трудомъ помѣщаются женщины и дѣти, тащатъ, за неимѣніемъ лошади, сами крестьяне, пока не доберутся до перваго двора; тамъ, если хозяинъ зажиточнѣе странниковъ, онъ ссужаетъ ихъ лошадью и самъ смиренно везетъ ихъ до слѣдующаго жилья. Вообще бытъ поселянъ Финскихъ представляетъ донынѣ много патріархальнаго и такія черты, которыхъ тщетно стали бы мы искать у другихъ новѣйшихъ народовъ. Между сими чертами одна изъ главныхъ есть гостепріимство, о которомъ достаточное понятіе даетъ Рунебергъ въ статьѣ уже извѣстной читателямъ Современника.

Всегдашняя борьба съ трудностями не могла остаться безъ вліянія на характеръ Финновъ: испытавъ много зла и привыкнувъ встрѣчаться съ опасностями, они вообще недовѣрчивы къ иноплеменникамъ, и надобно много искуства, чтобы восторжествовать надъ ихъ скрытностью и часто упорнымъ молчаніемъ. Но жестокость судьбы имѣла для нихъ и благія последствія: въ нуждѣ окрѣпли и тѣло и духъ Финна; она пріучила его довольствоваться малымъ и переносить суровость не одной природы, но и ближняго. Онъ требуетъ въ отношеніи къ себѣ только соблюденія справедливости; малѣйшее благодѣяніе, малѣйшій излишекъ сверхъ того, что ему по праву слѣдуетъ, словомъ, всякая милость или ласка доставляютъ ему непритворную радость. За то онъ при всей своей кротости и видимой безотвѣтственности, легко свирѣпѣетъ, когда видитъ себя оскорбленнымъ. Онъ равно помнитъ добро и зло; умѣетъ быть благодарнымъ — но бываетъ и мстителенъ до лютости.

Никогда не бывъ воинственнымъ, онъ однакожъ искони отличался рѣшимостью предъ лицомъ опасности и мужествомъ въ бояхъ. Густавъ Адольфъ особенно дорожилъ бывшими въ войскахъ его Финнами, и во время тридцатилѣтней войны, въ которую они ознаменовали себя не однимъ подвигомъ, употреблялъ ихъ преимущественно тамъ, гдѣ не столько требовался пламенный порывъ отваги, сколько спокойный отпоръ и холодное присутствіе духа. Новые опыты

храбрости, явилъ народъ сей при участіи въ отечественной войнѣ 1812 г. и въ послѣднемъ походѣ противъ Польскихъ мятежниковъ.

Удачно обрисованъ характеръ Финновъ немногими словами въ рѣчи, которою въ 1809 г. профессоръ Финляндскаго университета Валеніусъ привѣтствовалъ въ Або Императора Александра. «Государь!» говоритъ онъ: «Ты видѣлъ народъ суровый, бѣдный, терпѣливый въ трудахъ, привыкшій довольствоваться малымъ, гостепріимный, простой въ своихъ нравахъ, сильно привязанный къ вѣрѣ, къ уставамъ и обычаямъ предковъ, свято почитающій законъ и правосудіе, храбрый, твердый, преданный повелителямъ, готовый на все, ради вѣры и отечества, упорный, мнительный, опасающійся быть предметомъ презрѣнія или порицанія, но воздающій любовью за любовь, кроткій, податливый, смирный и чуждый всякихъ смятеній.» *

* Изъ: Plausus et Vota quibus Alexandrum Primum, Imperatorem, celebre ad Auram Athenaeum d. 11 Apr. MDCCCIX gratiosisimme invisentem, universae Academiae nomine subjectissime excepit J. F. Wallenius. «Gentem vidisti duram, pauperem, operum patientem, parvo adsuetam, hospitalem, simplicem, priscae religionis et fidei, recti aequique et morum institutorumque a majoribus profectorum tenacem, strenuam, fortem, imperantibus devotam, sed oppressionis impatientem, pro aris, laribus, focis quidvis audentem, pervicacem, suspiciosam, negligi aut male haberi timentem, sed a quo amari se sentit eum vicissim amantem, tumque docilem, tractabilem, mitem atque a turbis ciendis alienissimam.»

II.

Въ Финляндіи низшее сословіе народа образованнѣе, нежели во многихъ другихъ странахъ. Въ мѣстныхъ законахъ есть постановленіе, что жениться можетъ только тотъ, кто былъ у причастія, а къ причастію допускаются одни грамотные. Явись къ пріобщенію святыхъ таинъ кто-нибудь непосвященный напередъ въ таинства азбуки, пасторъ немедленно отошлетъ его въ школу. Отсюда проистекаетъ для каждаго простолюдина необходимость умѣть читать, и каждая мать семейства учитъ тому дѣтей своихъ. Мало того: духовенство обязано повѣрять публично успѣхи, оказываемые поселянами въ домашнемъ ученіи. Пасторы разъ въ годъ разъѣзжаютъ по своимъ приходамъ для испытанія всѣхъ отъ-мала до велика, заставляя ихъ читать, говорить наизустъ молитвы и т. п. На эти экзамены (läs-förhör), для которыхъ избирается преимущественно время, свободное отъ сельскихъ работъ, жители окрестныхъ селеній сходятся въ одно мѣсто, всякій съ тѣмъ, что знаетъ. Такія постановленія должны были развить въ народѣ набожномъ и склонномъ къ созерцанію, любовь къ чтенію, особливо духовныхъ книгъ. По воскресеньямъ почти въ каждой семьѣ праздный отдыхъ замѣняется симъ благочестивымъ занятіемъ; сверхъ того для Финновъ издаютъ обыкновенно одну или двѣ простонародныя газеты, которыя, смотря по содержанію

своему и другимъ условіямъ, находятъ болѣе или менѣе подписчиковъ въ смиренныхъ хижинахъ.

Еще замѣчательнѣе этой, такъ сказать, прививной образованности, особенный инстинктъ ума, которымъ одарены Финны. Ихъ молчаливость не безъ значенія; часто подъ нею скрывается раздумье, и медленная рѣчь ихъ обличаетъ иногда необыкновенную зрѣлость разсудка, житейскую опытность и даръ наблюденія. Финнъ рѣдко начнетъ говорить, не подумавъ напередъ нѣсколько времени; посѣщаетъ ли онъ своего пріятеля — онъ не прежде заводитъ разговоръ, какъ посидѣвъ безмолвно съ опущенными неподвижными глазами, иногда съ трубкою въ зубахъ. Въ сужденіяхъ его, нерѣдко очень оригинальныхъ, поражаетъ васъ логическая строгость, а въ словахъ и выраженіяхъ какая-то разборчивость, точность, знаніе приличій и въ высокой степени свойственная всему народу поэтическая способность. Такому странному въ устахъ простолюдина изяществу рѣчи много способствуетъ самый языкъ Финскій, неимовѣрно богатый во многихъ отношеніяхъ. Между крестьянами почти никогда не слышно грубой брани или неблагопристойныхъ шутокъ.

Когда же Финнъ объясняется на бумагѣ, то часто не знаешь, чему болѣе удивляться: простодушному ли искуству, съ какимъ онъ выражается, обилію здравыхъ понятій и тонкихъ замѣ-

чаній, или отчетливой послѣдовательности изложенія. Въ письмахъ Финновъ замѣтна большая разница съ письмами живущихъ иногда рядомъ съ ними Шведовъ: послѣдніе, подобно нашимъ крестьянамъ-грамотѣямъ, обыкновенно наполняютъ листъ поклонами, распросами о здоровьѣ и извѣстіями того же рода; но Финнъ любитъ разсуждать о своихъ дѣлахъ и судьбѣ, а нерѣдко и о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи изумительно, что многіе Финны, въ своихъ отдаленныхъ пустыняхъ, не теряютъ изъ виду главныхъ явленій политическаго міра, и — непонятно какимъ образомъ — имѣютъ всегда свѣдѣнія, хоть часто и превратныя, о томъ или другомъ важномъ событіи. Здѣсь кстати замѣтить, что даже и Лапландцы, которыхъ по умственнымъ способностямъ никакъ нельзя сравнивать съ Финнами, обнаруживаютъ по-своему участіе въ томъ, что дѣлается у людей; они обыкновенно встрѣчаютъ путешественника тремя вопросами: все ли въ краю миръ? живъ ли Государь? живъ ли Епископъ?

III.

Желая показать, какъ оригинально и забавно Финнъ смотритъ иногда на вещи, мы приведемъ въ примѣръ крестьянина Петра Війляйнена (Peter Wiiliäinen). Съ дѣтства отличался онъ страстію къ изобрѣтеніямъ и безпрестанно сочинялъ новые планы; но важнѣйшимъ его произведеніемъ былъ составлен-

ный имъ въ царствованіе Императора Александра проектъ *боевой колесницы*, которую онъ назначалъ для истребленія Турковъ, этихъ (по его понятію) единственныхъ виновниковъ всѣмъ бѣдствіямъ Христіанскаго міра.

Чтобы вѣрнѣе успѣть въ своемъ предпріятіи, онъ рѣшился лично представить модель своей колесницы Государю, и для того пѣшкомъ отправился въ Петербургъ со всеподданнѣйшею просьбою, которую самъ сочинялъ и переписывалъ. Предлагаемъ этотъ драгоцѣнный документъ въ самомъ точномъ переводѣ:

«Если Ваше Императорское Величество признаете возможною и нужною эту боевую колесницу, которой модель изготовлена и изобрѣтена мною нижеподписавшимся: то я съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ прошу Ваше Величество, буде можно, заключить вѣчный миръ и союзъ съ Королями этой нашей Европы и подать такой совѣтъ, чтобы всѣ христіанскіе Короли изготовляли подобныя колесницы и единодушно ополчались противъ Турка. Я бы желалъ, чтобы это дѣлалось, какъ предрекли Пророки. Въ пророчествѣ Іереміи читаемъ слѣдующее: ««Яко се азъ воздвигну, и приведу на Вавилонъ собранія языковъ великихъ отъ земли полунощныя и ополчатся нань: оттуду плѣненъ будетъ, яко же стрѣла мужа сильна и искусна не возвратится праздна. И будетъ

земля Халдейска въ разграбленіе, вси грабители ея наполнятся, глаголетъ Господь. Се людіе идутъ отъ сѣвера, и языкъ великъ, и царіе мнози возстанутъ отъ конецъ земли. Наострите стрѣлы, наполните тулы: воздвиже Господь царей Мидскихъ, яко противу Вавилона гнѣвъ его, да погубитъ и, понеже отмщеніе Господне есть отмщеніе людей его. Воздвигните знамя на земли, вострубите трубою во языцѣхъ. Яко еще взыдетъ Вавилонъ на небо, и аще утвердитъ на высотѣ крѣпость свою, отъ мене пріидутъ губителіе его, глаголетъ Господь *.»

«Конечно странное дѣло, что я, простой крестьянинъ, вздумалъ давать совѣты Императорамъ и Королямъ и высокимъ сановникамъ. Но я полагаю, что Вашему Императорскому Величеству недосугъ заниматься такими предметами, равно какъ и другимъ Королямъ и высокимъ сановникамъ. Причины тому слѣдующія: Когда въ прежніе годы Русское царство было въ воїнѣ съ Туркомъ, тогда Шведская земля возстала войной на Россію. Хотя много было мудрыхъ и смышленыхъ Королей, и въ большихъ школахъ воспитанныхъ, высокихъ, ученыхъ въ писаніи сановниковъ, но имъ не было времени обдумать, что лучше бы единодушно воевать противъ Турка, съ тѣмъ благоразуміемъ и тою силою, съ какими они воевали противъ Русскаго, такъ-что наконецъ пробрались за крѣпость Кронштадтъ въ Русское море. — *Второй*

* Іерем. Гл. 50 и 51.

пунктъ: Когда была послѣдняя война съ Туркомъ въ Ваше, Государь, царствованіе, то Франція поднялась на бой съ Русскимъ, склонивъ и другихъ къ войнѣ. Хотя много было Королей и знатныхъ мужей въ союзѣ, однакожъ имъ не было времени обдумать, что лучше бы единодушно воевать противъ Турка съ тѣмъ благоразуміемъ и тою силою, съ какими они воевали противъ Русскаго, такъ-что наконецъ до самой Москвы проникли въ государство. Въ слѣдствіе реченныхъ пунктовъ я желаю и съ вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ прошу, чтобы по Всемилостивѣйшему и Высочайшему совѣту Государя Императора, всѣ Христіанскіе Короли и власти согласились на вѣчный миръ и союзъ, такъ-чтобъ впредь подобныхъ войнъ не случалось въ нашей Европѣ между Христіанами, развѣ только противъ язычниковъ и Турковъ.»

Эта необыкновенная просьба, безъ сомнѣнія, не мало позабавила Государя, который за столь благую мысль пожаловалъ простодушному Финну 500 руб. въ награжденіе.

Такая удача сильно подстрекнула изобрѣтательность его, и съ той поры онъ уже весь предался составленію проектовъ и плановъ. Г. Ленротъ, извѣстный Финляндскій литераторъ, о которомъ говорили мы въ предыдущей книжкѣ и которому мы обязаны знакомствомъ съ Віиляйненомъ, расказываетъ въ путевыхъ

запискахъ своихъ, что этотъ крестьянинъ служилъ ему однажды проводникомъ въ верхней Кареліи. Черновой отпускъ достопамятной просьбы и рисунокъ страшной колесницы всегда были при немъ; чуть ли не сдѣлалъ онъ распоряженія, чтобы эти важныя бумаги послѣдовали за нимъ и въ могилу.

Любопытно было бы взглянуть на самый рисунокъ. Онъ изображалъ карету, заложенную парою лошадей, которыя вмѣстѣ съ нею помѣщались въ жестяномъ футлярѣ, открытомъ только снизу. Футляръ, довольно широкій сзади, съуживался къ переднему краю, такъ-что представлялъ съ боку родъ усѣченнаго треугольника. Впереди и на сторонахъ было нѣсколько небольшихъ отверстій, только для того, чтобы сквозь ихъ смотрѣть и стрѣлять. Снаружи, вдоль стѣнокъ, какъ передней, такъ и боковыхъ, тянулись острыя желѣзныя полосы, шириною въ порядочную косу.

«Легко вообразить» шутитъ Лепротъ, «какое ужасное опустошеніе эта колесница могла бы произвести въ рядахъ Турка: стоило бъ только ворваться съ нею въ густоту полковъ и поѣздить вокругъ, вмѣсто прогулки, потому-что сидящій въ каретѣ оставался бы совершенно закрытъ и безопасенъ Кто бъ избавлялся отъ смертоноснаго дѣйствія острыхъ полосъ, тотъ былъ бы застрѣливаемъ на бѣгу, и такимъ образомъ не спасся бы ни одинъ непріятель.»

IV.

Въ Віиляйненѣ видѣли мы образчикъ народнаго ума Финновъ; но примѣръ сей даетъ понятіе только объ одной сторонѣ способностей ихъ. Еще болѣе вниманія заслуживаетъ доставшееся имъ въ удѣлъ поэтическое дарованіе. Изъ множества старинныхъ пѣсень, живущихъ въ устахъ простолюдиновъ, между которыми доселѣ являются счастливые импровизаторы, видно, что поэзія составляла нѣкогда общее достояніе всей націи. Сверхъ того, эти произведенія свидѣтельствуютъ о нѣкоторой степени образованія, самобытно развившагося у древнихъ Финновъ. Посему, весьма занимательно было бы обозрѣть состояніе ихъ до Шведскихъ завоеваній, начавшихся съ XII вѣка. Но къ сожалѣнію, объ этомъ предметѣ сохранилось слишкомъ мало извѣстій. Попробуемъ однакожъ, пользуясь и тѣми скудными средствами, какія имѣемъ, бросить бѣглый взглядъ на образъ существованія Финновъ въ древности.

Гражданское устройство ихъ конечно было еще весьма несовершенно. У нихъ не было общаго главы или Государя, но существовало, вѣроятно, семейное или патріархальное правленіе, т. е. въ каждомъ семействѣ отецъ былъ неограниченнымъ властелиномъ, и въ случаѣ войны старѣйшіе становились вождями. Были общественныя сходки; но городовъ и крѣпостей народъ еще не зналъ; онъ жилъ въ деревняхъ,

а крѣпостями служили укрѣпленныя пещеры и скалы. Главными промыслами Финновъ были рыбная ловля, охота, скотоводство, и преимущественно земледѣліе, которое искони приняло у нихъ особенный видъ: донынѣ, какъ извѣстно, они выжигаютъ лѣса, и удобренную пепломъ землю обращаютъ въ пашни. Этотъ родъ земледѣлія, существующій не только въ Финляндіи, но и въ тѣхъ изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ Финны составляютъ часть народонаселенія, называется *пàла* (по Швед. svedja).

Сосѣдство съ враждебными народами и съ моремъ, на которомъ нерѣдко являлись грозные Скандинавскіе удальцы, издавна заставляло миролюбыхъ Финновъ помышлять о средствахъ къ оборонѣ, а иногда приманка легкой добычи или мщеніе побуждали итти и къ нападеніямъ. Вотъ чѣмъ объясняется искуство въ мореплаваніи, которымъ съ незапамятныхъ временъ отличались жители Финляндскихъ береговъ; купеческія суда, ходившія изъ Ганзейскихъ городовъ въ Новгородъ, часто подвергались опасности со стороны этихъ хитрыхъ и смѣлыхъ моряковъ.

Приготовленіе оружій было у Финновъ искони однимъ изъ важнѣйшихъ искуствъ. Они всегда занимались разработкою металловъ, особливо желѣза, и этому обязаны тѣмъ, что даже въ Швеціи преданіе приписываетъ имъ открытіе большой части находящихся тамъ желѣзныхъ рудниковъ. Въ Скандинав-

скихъ сагахъ Финскіе мечи пользуются особенною славой. Вообще ремесло кузнеца издревле было распространено и высоко цѣнилось у Финновъ, которые до позднѣйшей поры слыли знатоками въ кузнецкихъ работахъ.

Одинъ изъ главныхъ боговъ ихъ во времена язычества — *Ильмариненъ* — былъ ковачемъ. Общность сего ремесла въ народѣ отражалась даже и въ языкѣ Финскомъ: слово Seppä (кузнецъ) означало вообще дѣлателя, такъ-что, назвавъ и предметъ работы, можно было выразить тѣмъ словомъ всякаго производителя; даже поэта или пѣвца называли иногда ковачемъ пѣсень.

Другимъ любимымъ занятіемъ Финновъ было и есть ткацкое ремесло. Зналъ ли народъ еще какія либо искуства — опредѣлить трудно; вообще нѣтъ возможности очертить съ точностію кругъ его образованности; достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что употребленіе письменъ еще не было ему извѣстно.

О бытѣ его можно судить только по разнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ древнихъ его пѣсняхъ. Обращеніе съ женщинами, какъ заключать должно, было еще сурово; есть основаніе думать, что женъ пріобрѣтали покупкою — обычай, и теперь еще существующій у нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ, живущихъ внутри Россіи. Въ Финляндіи, напротивъ,

водится нынѣ между простолюдинами, что невѣста даритъ родителей жениха.

Не смотря на свою природную угрюмость, Финны искони любили увеселенія; кромѣ тѣлесныхъ упражненій разнаго рода, какъ то: катанья на лыжахъ, стрѣльбы изъ лука, плаванія и борьбы, имъ служили забавою обильныя пиршества. Свадьба, обрученіе, родины, похороны, всѣ эти случаи давали поводъ къ веселымъ сходкамъ; сверхъ того, пирами праздновались постоянно извѣстные дни, напр. весной день посѣва, осенью день окончательной жатвы. Главнымъ наслажденіемъ на такихъ пирахъ было неумѣренное употребленіе пива и меда, отъ чего самое понятіе *пировать* выражалось у Финновъ, какъ и у Скандинавовъ, словомъ *пить*. Вино узнали они уже въ позднѣйшее время отъ иноземцевъ, почему еще и донынѣ всякое вино называютъ Нѣмецкимъ (Saksan Wiina). На пиръ допускались одни мужчины; женщины же участвовали въ немъ только приготовленіемъ яствъ и напитковъ. Особенною торжественностію было ознаменовываемо пиршество послѣ счастливой медвѣжьей охоты; сходившіеся по этому случаю сосѣди давали каждый свою долю хлѣба и мяса; наряжались какъ можно богаче; и, избравъ мальчика и дѣвочку, какъ подобіе жениха и невѣсты, пили и ѣли при звонѣ чашъ. Сперва вносили медвѣжью голову, которую вѣшали на дерево, а потомъ появля-

лось и остальное мясо убитаго звѣря, вареное въ гороховомъ супѣ.

«День,» говоритъ Финская пословица, «пополняется ночью, а скудость пива пѣніемъ.» Въ самомъ дѣлѣ, лучшую принадлежность пировъ составляли пѣсни, которыя одинъ изъ присутствовавшихъ обыкновенно и пѣлъ и сочинялъ въ то же время: онѣ сопровождались иногда игрою на струнныхъ орудіяхъ, до сихъ поръ употребляемыхъ народомъ, но только въ немного измѣненномъ видѣ. На однихъ играли пальцами, на другихъ смычкомъ. Струны, бывшія первоначально изъ конскаго волоса, въ послѣдствіи приготовлялись изъ металла. Древнѣйшимъ инструментомъ была *кантела* (kantele, родъ арфы), иногда называвшаяся и арфою. Сверхъ того Финнамъ издавна были знакомы и духовые инструменты — рогъ, пастушескій рожокъ и родъ флейты.

V.

Главнымъ и почти единственнымъ памятникомъ древней самобытной образованности Финновъ остаются ихъ пѣсни и прекрасный языкъ сихъ безыскуственныхъ, но часто драгоцѣнныхъ изліяній души. Они носятъ на себѣ рѣзкую печать той національности, которой не могли изгладить въ народѣ ни утрата самобытности политической, ни время.

По характеру своихъ способностей Финны имѣютъ нѣкоторое сходство съ восточными народами: въ стремленіи Финновъ къ умственному развитію не замѣтно той всеобщности, разносторонности и подвижности, которыя составляютъ отличительныя черты духа Европейскаго; напротивъ, они довольствовались всегда дѣятельностію однообразною, спокойною, и притомъ чисто-внутреннею, рѣдко обнаруживавшеюся дѣломъ.

Финны искони были равнодушны ко всему внѣшнему: къ силѣ, къ почестямъ, къ вліянію въ житейскихъ дѣлахъ, къ красотѣ тѣлесной. Этимъ-то объясняется и всегдашнее ничтожество ихъ въ мірѣ политическомъ: никогда не искали они могущества и власти, не прельщались славою завоевателей, не предпринимали громкихъ подвиговъ; но смиренно уединялись въ самихъ себѣ, и съ неизмѣнною вѣрностію покорялись владычеству чуждому. Отъ того и самородное образованіе ихъ никогда не приходило въ столкновеніе съ образованіемъ повелителей; среди политическихъ перемѣнъ страдательный характеръ ихъ остался неприкосновеннымъ въ корнѣ своемъ, и такимъ только образомъ національность Финновъ могла выйти невредимою изъ кровавыхъ бурь ихъ существованія.

Но что же замѣняло для нихъ власть, славу, независимость? Высшимъ благомъ считали они *му-*

дрость, которую поставляли преимущественно въ *знаніи* сокровенныхъ силъ природы и въ тайнѣ дѣйствовать на нихъ посредствомъ *слова*. Вотъ начало ихъ *колдовства*, общаго Финнамъ въ старину и состоявшаго главнымъ образомъ въ цѣленіи болѣзней или въ нанесеніи вреда—посредствомъ *заклятій*.

Извѣстно, что народъ сей еще въ древности славился своими колдунами; еще Тацитъ расказываетъ о тайныхъ его знаніяхъ, а въ средніе-вѣки вся Европа наполнена была слухами о колдовствѣ Финновъ, которые, по общему повѣрью, были въ сношеніи съ злымъ духомъ: самое имя *Финнъ* долгое время значило тоже, что и *колдунъ*.

Чародѣйствомъ Финновъ многіе стараются подтвердить догадку, что племя это обитало нѣкогда въ Скандинавіи. Тамошнія преданія повѣствуютъ о борьбѣ позднѣйшихъ завоевателей полуострова, Готовъ, съ какимъ-то племенемъ великановъ, съ Іотами, отличавшимися будто бы необыкновенною мудростію и глубокими знаніями, а такъ-какъ тоже преимущество искони приписывалось и Финнамъ, то отсюда и выводятъ тождество ихъ съ Іотами.

При поэтическомъ взглядѣ своемъ на міръ, Финны всякое зло считали существомъ живымъ, слѣдовательно врагомъ своимъ, и притомъ врагомъ коварнымъ, скрытнымъ, но который упорствуетъ толь-

ко до тѣхъ поръ, пока не извѣдано его происхожденіе, не проникнуты его замыслы, не объяснены его дѣйствія. Какъ скоро все это будетъ сдѣлано и выражено, онъ непремѣнно долженъ устыдиться и бѣжать. Такъ произошли *заклинанія*, которыя, при свойственной народу способности къ поэзіи, приняли форму пѣсень. Въ нихъ описываются: сперва происхожденіе зла, потомъ вредъ, имъ причиняемый, и средства противъ него; наконецъ произносится самое заклятіе. Заклинательныя пѣсни только *читались*, а не пѣлись; колдунъ въ это время стоялъ обыкновенно на колѣняхъ, держа шапку въ рукахъ; иногда читалъ онъ тихо, слегка оплевываясь и пыхтя; иногда грозно возвышалъ свой голосъ и входилъ въ иступленіе: тогда глаза его закатывались, у рта являлась пѣна, колдунъ страшно корчился и топалъ.

Идея о *злѣ* сливалась у Финновъ съ идеею о *болѣзни*, и потому главная цѣль колдовства ихъ состояла въ исцѣленіи или возбужденіи недуговъ: такъ возникла въ народѣ магическая медицина. Но колдовство Финновъ, особенно въ позднѣйшее время, имѣло и другія назначенія: посредствомъ его гасили и воспламеняли страсти, въ случаѣ покражи открывали вора и т. п. Притомъ, не ограничивались словомъ или заговариваніемъ; но прибѣгали и къ другимъ способамъ чародѣйства, напр. къ зельямъ, мазямъ разнаго рода; особенную силу приписывали костямъ мертвецовъ, отъ чего колдуны обыкновенно

и носили въ мѣшкахъ, гдѣ держали разныя таинственныя орудія, нѣсколько такихъ костей, и любили производить свои чары на кладбищахъ.

Съ уваженіемъ народа къ мудрости и съ понятіемъ о существѣ ея неразлучно было глубокое почтеніе къ колдунамъ; нуждавшійся въ ихъ помощи нерѣдко совершалъ далекое странствованіе, чтобы увидѣться съ однимъ изъ нихъ; вездѣ они были принимаемы, какъ самые почетные гости. Имъ приписывали тѣмъ болѣе могущества, чѣмъ далѣе они жили къ сѣверу, гдѣ число ихъ было всего значительнѣе: выше всѣхъ по искуству въ чарахъ считались Лапландцы; они презирали южныхъ колдуновъ, которые и сами сознавали предъ ними свою неопытность. Но уваженіе къ колдунамъ мрачнаго сѣвера соединялось съ невольнымъ страхомъ: ихъ упрекали въ злобѣ и лукавствѣ. Нынѣ колдуны почти совершенно исчезли въ Финляндіи; но еще въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ было тамъ довольно много. Они сами твердо вѣрили въ свое искуство, и обыкновенно передавали его своимъ дѣтямъ, почему оно и считалось достояніемъ цѣлыхъ родовъ; принятіе посторонняго въ ученики сопровождалось особенныиъ таинственнымъ обрядомъ, который, по большой части, совершался на камнѣ у какаго-нибудь водопада.

Считать ли такое колдовство однимъ суевѣріемъ, или въ самомъ дѣлѣ искуствомъ, основаннымъ на

знанія извѣстныхъ силъ природы, знанія, которое обладавшіе имъ умышленно скрывали отъ другихъ и облекали таинственностію? Извѣстно, что у многихъ народовъ древности были касты, коимъ исключительно принадлежали свѣдѣнія, недоступныя для толпы, но основанныя на глубокомъ изученіи природы. Въ началѣ то же было, вѣроятно, и у Финновъ; но въ послѣдствіи, какъ кажется, древнія знанія утратились и колдовство сдѣлалось собственностію суевѣрія; народъ сталъ производить чары отъ злаго духа, а наконецъ и сами колдуны вѣрили въ его содѣйствіе и призывали его въ помощь. Говорятъ, что въ позднѣйшее время они нерѣдко съ цѣлыми своими семействами предавали себя во власть діавола.

Во всякомъ случаѣ, *колдовство* Финновъ и начало его — уваженіе *мудрости, знанія*, есть отличительный характеръ самобытнаго образованія народа, проникающій всѣ памятники его духовной дѣятельности и отражающійся на всей его исторіи, точно такъ же какъ у Скандинавовъ всѣ учрежденія, событія и умственныя произведенія означены печатью *воинственности*. Къ развитію въ Финнахъ такаго направленія должны были много способствовать обстоятельства, издавна ихъ окружавшія. Финнъ всегда видѣлъ предъ собою природу мрачную и неумолимую къ нуждамъ человѣка, и привыкъ смотрѣть на нее какъ на врага своего; съ другой стороны, его тревожила часто неприязнь сосѣднихъ народовъ. Эта двой-

ная борьба съ внѣшними силами и въ то же время недостатокъ вещественныхъ средствъ для побѣды, могли заставить его обращаться во внутрь себя, искать способовъ отпора въ своемъ умѣ, или даже прибѣгать къ тайнымъ, сверхъ-естественнымъ силамъ. Тому еще болѣе благопріятствовало насильственное введеніе Христіанской религіи; принуждая Финновъ искать убѣжища въ дремучихъ лѣсахъ и пещерахъ, оно неминуемо должно было еще усилить мрачное расположеніе народнаго духа.

Теперь слѣды колдовства Финновъ остаются почти въ однѣхъ заклинательныхъ пѣсняхъ, которыя народъ хранитъ только какъ наслѣдіе, доставшееся ему отъ предковъ. Впрочемъ онѣ распространяются не легко; немногіе, еще существующіе колдуны, не охотно ввѣряютъ ихъ образованнымъ людямъ и боятся, что, попавшись въ руки непосвященныхъ, онѣ утратятъ свою силу. Вообще, такія пѣсни представляютъ много нелѣпаго, темнаго, и потому содержаніемъ своимъ рѣдко бываютъ занимательны. За то, наполненныя грубыми вымыслами воображенія необузданно-дикаго, онѣ часто дышутъ таинственнымъ ужасомъ.

VI.

Болѣе пріятное явленіе составляютъ Финскія пѣсни другаго рода. Поэтическая способность, какъ уже замѣчено, была нѣкогда общею принадлежностію

народа. Это подтверждается и однимъ изъ древнихъ его преданій: главнымъ божествомъ языческихъ Финновъ былъ пѣвецъ Вейнемейненъ (Wäinemöinen), котораго они признавали своимъ геніемъ-покровителемъ, богомъ, даровавшимъ имъ поэзію. И такъ они видѣли въ ней даръ божественный; она была въ ихъ глазахъ и верховнымъ благомъ человѣка и началомъ гражданскаго ихъ устройства.

Въ прежнія времена народные пѣвцы были чрезвычайно многочисленны въ Финляндіи. Почти на всякой пирушкѣ, на всякой веселой сходкѣ раздавались пѣсни, тутъ же и сочиняемыя безъ всякаго приготовленія однимъ изъ простодушныхъ гостей. Веселье и горе, какое-нибудь событіе однообразной сельской жизни, чей-нибудь подвигъ, общее благо или бѣдствіе, смерть друга или насмѣшка надъ недругомъ — все это попеременно служило предметомъ такихъ импровизацій. Самыя женщины, за работою, нерѣдко сочиняли и пѣли пѣсни. Нынѣ народная поэзія уже угасаетъ въ Финляндіи, что отчасти должно приписать естественному ходу развитія духа человѣческаго во всѣхъ націяхъ, отчасти же и излишнему усердію пасторовъ, которые, считая народную поэзію между Финнами остаткомъ язычества, всячески старались истребить ее. Однакожъ мѣстами, особенно въ сѣверо-восточныхъ частяхъ, въ Саволаксѣ и Кареліи, еще и нынѣ являются пѣвцы между поселянами. Вообще сѣверная часть края въ этомъ отно-

шенія гораздо богаче южной. Г. Ленротъ, который, какъ сказано въ предыдущемъ № Современника, пѣшкомъ путешествовалъ по Финляндіи для собиранія народныхъ пѣсень, говоритъ въ своихъ путевыхъ запискахъ:

«Южный Финнъ, живя преимущественно при большихъ дорогахъ, близъ городовъ, гдѣ онъ легко сбываетъ свои товары и запасается всѣмъ, что ему нужно, привыкаетъ къ жизни безпечной, рѣдко благопріятной для поэта. Напротивъ того, Финнъ сѣверный, окруженный своими безчисленными озерами, своими обширными лѣсами, гдѣ нѣтъ дорогъ, на которыхъ бы онъ, подобно южному своему собрату, могъ беззаботно дремать въ тележкѣ — сѣверный Финнъ долженъ часто предпринимать трудныя странствованія то въ церковь, то въ судъ. Но развитію ума его всего болѣе помогаютъ продолжительныя поѣздки въ городъ. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ родины его, узнаетъ онъ новые нравы и обычаи, обогащая въ тоже время запасъ извѣстныхъ ему словъ. Пріѣхавъ домой, онъ расказываетъ разныя приключенія, которыя или самъ испыталъ, или слышалъ отъ другихъ, и такимъ образомъ въ околоткѣ накопляются предметы и для преданій и для пѣсень. Есть также различіе въ образѣ жизни сѣвернаго и южнаго Финна. Послѣдній, какъ извѣстно, живетъ обыкновенно въ довольно большихъ деревняхъ, гдѣ и проводитъ почти всѣ свободные часы въ заба-

вахъ съ сосѣдями, тогда какъ сѣверный живетъ уединенно и не находитъ случаевъ веселиться. Въ одиночествѣ, не видя, часто въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, никого чужаго, онъ впадаетъ въ задумчивость и чувствуетъ неодолимое влеченіе изливать ее въ пѣсняхъ. Ко всему этому надобно прибавить долгія зимнія ночи съ ихъ сѣвернымъ сіяніемъ, съ ихъ символическими созвѣздіями, которыя такъ краснорѣчиво говорятъ душѣ, а здѣсь еще сильнѣе дѣйствуютъ на умъ и воображеніе по своей противоположности съ безконечнымъ лѣтнимъ днемъ и палящимъ зноемъ его.

«Вотъ на чемъ основано превосходство сѣверныхъ Финновъ въ поэзіи. Подкрѣпленіе этому легко найти въ самыхъ пѣсняхъ ихъ. Какъ древніе боги языческихъ Финновъ предпринимали опасныя странствованія на сѣверъ, такъ и теперь еще судьба часто приводитъ поэта въ пустынные лѣса Лапландіи или на полунощное море. Въ немъ явно стремленіе къ мрачному, таинственному сѣверу, гдѣ передъ взорами его пылаетъ огонь, зажженный его божествами. Иногда возносится онъ въ заоблачныя страны на раменахъ Большой Медвѣдицы и не останавливается, пока не пролетитъ чрезъ всѣ девять небесъ. Въ немъ безпрестанно обнаруживается вліяніе одинокой, печальной жизни. Грусть, меланхолія составляетъ главную черту Финской поэзіи, хотя въ ней рѣзко выдается еще и другая сторона, именно склонность къ таинствен-

юму, къ дикому. Пѣсни веселаго содержанія рѣдки въ сравненіи съ тѣми, которыя выражаютъ тоску въ многообразныхъ ея направленіяхъ и видахъ. Только въ новѣйшее время болѣе радостныя *руны* * начали появляться въ народѣ, и поэзія сдѣлалась разносторонніе: такъ сатира, совершенно чуждая стариннымъ пѣснямъ, бываетъ часто характеромъ новыхъ.

«Изъ поселянъ, которые въ наше время пѣли о разныхъ предметахъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ *Паво Кóрхойненъ.* То онъ бываетъ простодушнымъ расказчикомъ, то становится сатирикомъ въ чистѣйшемъ значеніи слова, то онъ поучаетъ, преподавая простыя правила, внушенныя самою природой. Иногда онъ бываетъ веселъ, игривъ, обиленъ выдумками. Нѣкоторыя изъ его рунъ относятся къ миѳологіи: въ другихъ подражаетъ онъ тѣмъ древнимъ пѣснямъ, въ которыхъ описывается происхожденіе вещей и особенно болѣзней (заклинательнымъ пѣснямъ). Ему теперь за 60 лѣтъ; живетъ онъ въ приходѣ Рауталамми. Сложеніе его, здоровое отъ природы, еще болѣе укрѣпилось отъ труда.

«Рано уже сдѣлался онъ любимымъ пѣвцомъ народа, и до сихъ поръ еще пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ. Кромѣ безчисленнаго множества

* *Руна* (runo)—Финское названіе *пѣсни*; пѣвецъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ, называется Runoniecka.

рунъ, пѣтыхъ имъ безъ приготовленія на пирушкахъ или при другихъ радостныхъ случаяхъ, и изъ коихъ очень немногія сохранились, онъ сочинилъ большое число и такихъ, которыя ходятъ въ спискахъ по Рауталамни и другимъ окрестнымъ приходамъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ, я посѣтилъ его съ намѣреніемъ записать нѣкоторыя изъ его рунъ; въ первый разъ увидѣлъ я его вечеромъ, когда онъ только успѣлъ возвратиться съ работы въ полѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему теперь не до пѣнья, потому что онъ усталъ и тотчасъ ляжетъ спать, а завтра утромъ посмотритъ, что̀ можно будетъ собрать. Я на другой день всталъ ранехонько, желая воспользоваться такимъ обѣщаніемъ, но онъ успѣлъ уже уйти съ другими крестьянами на пашню. Мнѣ сказали, что онъ недалеко и воротится къ завтраку; я рѣшился ждать терпѣливо. Пришедши назадъ, онъ показалъ тоже глубокое равнодушіе, какъ и наканунѣ вечеромъ; но вскорѣ его разшевелили двѣ чарки водки, припасенныя мною, и желаніе видѣть тетрадь пѣсень, которую я самъ писалъ и теперь нарочно разложилъ передъ нимъ. Мы тотчасъ подружились; поле было забыто, и Корхойненъ пѣлъ до поздняго вечера. Когда я спросилъ, много ли онъ рунъ сложилъ въ свою жизнь: то онъ, указавъ на большой сундукъ подъ столомъ, отвѣчалъ: «довольно я надосугѣ накропалъ ихъ, да и исписалъ бумаги; всѣмъ моимъ рунамъ не помѣститься бы вотъ въ этомъ сундукѣ; да я ихъ всегда тотчасъ же отдавалъ знакомымъ въ приходѣ;

Я спросилъ: зачѣмъ онъ не бережетъ своихъ пѣсень? «За нихъ всегда получишь чарочку-другую водки.» По видимому, онъ слишкомъ любитъ этотъ напитокъ «къ собственному горю и къ горю своихъ друзей», какъ самъ онъ гдѣ-то признается. Я слышалъ, что онъ въ старые годы былъ нѣсколько времени присяжнымъ (nämndeman) *, но лишился этаго званія за гибельную страсть свою. Онъ самъ жалуется, что она разстроила его обстоятельства и повергла его въ бѣдность: впрочемъ, благодаря своему прилежанію, онъ не терпитъ недостатка въ необходимѣйшемъ и не нуждается въ милостынѣ. Хотя и нельзя сказать, чтобы онъ себя погубилъ своимъ поведеніемъ, однакожъ его родные съ сокрушеніемъ видятъ, что онъ сдѣлалъ бы гораздо болѣе, если бъ не предавался пьянству.

«Старшій пасторъ Б., бывшій прежде пасторомъ въ Рауталампи, сказывалъ мнѣ, что онъ однажды спросилъ у Корхойнена, когда и какимъ образомъ онъ сочинилъ лучшія свои руны. Тотъ отвѣчалъ, что за плугомъ обыкновенно сокращаетъ время какою-нибудь пѣснію, которую потомъ и записываетъ, сколько позволяетъ память. Точно ли самыя удачныя руны сложены имъ въ такомъ невинномъ состояніи, за это не могу ручаться; но знаю, что онъ, къ величайшему удовольствію слушателей, пѣлъ и поетъ

* Крестьяне каждаго прихода избираютъ изъ среды своей нѣсколько человѣкъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ, которые въ качествѣ присяжныхъ засѣдаютъ и подаютъ голосъ въ судѣ.

безъ всякаго приготовленія, сколько хочетъ, когда въ веселомъ собраніи, на свадебной или другой пирушкѣ, хмѣль немножко разнѣжитъ его душу и разогрѣетъ воображеніе. Отъ того онъ и бываетъ всегда дорогимъ гостемъ на такихъ празднествахъ.

«Нравъ у Корхойнена кроткій и тихій. Покойная мать его, которая во время моего посѣщенія была еще жива, и которой повидимому очень льстили мои похвалы сыну, сказала про него: «онъ *доброе дитя;* мнѣ ужъ за 80 лѣтъ, а я еще никогда худаго слова отъ него не слышала. Только, продолжала она, меня заботитъ, что онъ такъ любитъ водку, и никакъ не можетъ бросить ея.»

«Замѣчательно, въ этомъ отношеніи, его собственное признаніе въ одной рунѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ водкѣ. Вотъ отрывокъ оттуда:

«Только на старости лѣтъ я увидѣлъ ясно, какъ исчезаетъ слава, какъ гибнетъ достоинство человѣка, какъ его перестаютъ любить старые, добрые друзья, какъ онъ впадаетъ въ долги, когда пьетъ черезъ мѣру, когда день за днемъ живетъ въ изобиліи одной водки. Вотъ какія потери причиняешь ты, пріятная спутница въ жизни, старая, заразительная привычка, едва примѣтная въ началѣ!»

«Онъ кончаетъ словами:

«Такъ-то, дѣти мои, подлинно такъ! Эта истина мнѣ хорошо извѣстна; потому-что я самъ предавался злой привычкѣ, самъ испыталъ такія потери: пропало мое здоровье, исчезло мое богатство, пусто въ карманѣ. Огорчилъ я всѣхъ своихъ родныхъ, прогнѣвилъ начальниковъ. Самъ я знаю, что доброжелателей я только печалилъ, насмѣшникамъ служилъ только предметомъ смѣха. Пусть же я буду урокомъ для другихъ; но они могутъ сказать про меня: «Ты поучаешь другихъ, а самъ не поучаешься?»

«Въ сатирическомъ родѣ (принимая сатиру въ высшемъ и благороднѣйшемъ ея значеніи) Корхойненъ сочинилъ нѣсколько образцовыхъ рунъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна одна, гдѣ онъ защищаетъ своихъ земляковъ, жителей Саволакса, противъ оскорбительныхъ выраженій, кѣмъ-то произнесенныхъ при немъ, когда онъ въ дѣтствѣ своемъ ѣздилъ въ Або. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, эти колкія слова никогда не могли изгладиться изъ моей памяти. Какъ несправедливо подвергать равному суду цѣлый народъ и нападать на него безъ причины! Развѣ Раволаксъ не можетъ похвалиться людьми, которые выдержатъ сравненіе съ отличнѣйшими въ другихъ странахъ? Кто выстроилъ прекрасную колокольню въ **; кто, безъ всякаго ученія и даже не видѣвъ никакаго образца, такъ умѣлъ все расчитать, что великанъ твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ, и, хо-

тя держитъ на себѣ множество большихъ колоколовъ, ни мало не пошатнется отъ звона; кто такъ устроилъ тамъ лѣстницы, что по нимъ можно покойно всходить и любоваться величіемъ колокольни: уже ли тотъ заслуживаетъ бранчивыя слова? Сохрани Богъ, чтобъ пѣснь моя оскорбила добраго; она хочетъ только наставить безразсуднаго, который за своей деревней не видитъ ничего годнаго!» Вся руна написана съ истиннымъ вдохновеніемъ, съ величайшею умѣренностію, и проникнута, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, патріотизмомъ, который придаетъ ей еще болѣе занимательности. Нѣкоторыя руны Корхойнена заключаютъ въ себѣ личные намеки и часто самыми острыми стрѣлами поражаютъ недостатки. Случается нерѣдко, что его просятъ сочинить руну на заданный предметъ: иногда такіе заказы являются даже изъ чужихъ приходовъ, и по большой части имѣютъ цѣлію осмѣять кого-нибудь. Такъ однажды получилъ онъ отъ нѣсколькихъ поселянъ изъ М. порученіе сложить руну на одного человѣка, котораго всѣ ненавидѣли за ябедничество и другія не слишкомъ милыя качества. Корх. потребовалъ, чтобы пришедшіе къ нему депутаты расказали ему все, что только знали о подвигахъ того человѣка, и расказы ихъ продолжались до глубокой ночи. На слѣдующее утро началъ онъ пѣть на заданный предметъ руну, которая далеко превзошла ожиданія присланныхъ крестьянъ. Они его заставили написать ее и вмѣстѣ съ нею отправились во-свояси, а Корхойненъ болѣе

и не думалъ объ ней. Говорятъ, что эта руна долга (занимаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ писанныхъ листовъ) и, по мнѣнію знатоковъ, отлична въ своемъ родѣ.»

Г. Ленротъ называетъ и характеризуетъ еще нѣсколько народныхъ пѣвцовъ; но мы на первый случай ограничимся Корхойненомъ, котораго пѣсни скоро должны появиться или уже появились въ печати. Скажемъ вообще, что нельзя надивиться существенному достоинству большей части Финскихъ рунъ; сочинители ихъ, не зная никакихъ правилъ, соблюдаютъ однакожъ по инстинкту все, что предписываютъ тонкій вкусъ, здравая логика и нѣжный слухъ. Въ ихъ произведеніяхъ открывается обыкновенно разительная связь внутренняя и строгая послѣдовательность въ изложеніи мыслей. Они легко отличаютъ плохіе стихи отъ хорошихъ, и когда поютъ чужія пѣсни, то нерѣдко поправляютъ дурныя мѣста, хотя и не умѣютъ дать отчета въ такихъ поправкахъ. Нѣкоторые недовольствуются изліяніемъ минутныхъ ощущеній, но по временамъ берутся за предметы довольно обширные и работаютъ надъ ними, пока не достигнутъ той степени совершенства, къ которой стремятся. Они охотно принимаютъ чужіе совѣты, иногда же случается, что нѣсколько человѣкъ трудятся соединенными силами. Нынѣ поселяне, занимающіеся стихотворствомъ, учатся, по большой части, писать или по крайней мѣрѣ подражаютъ крупнымъ печатнымъ буквамъ, но рѣдко употреб-

ляютъ ихъ для своихъ пѣсень. Народнымъ поэтамъ Финскимъ, при сочиненіи рунъ, очень помогаетъ то обстоятельство, что всѣ они знаютъ наизустъ безчисленное множество старинныхъ и новыхъ пѣсень, и такимъ образомъ съ-молоду уже вполнѣ усвоиваютъ себѣ поэтическій языкъ и знакомятся со всѣми его тонкостями.

Съ-дѣтства слыша безпрестанно пѣсни, они пріобрѣтаютъ въ затверживаніи ихъ изумительный навыкъ и до высокой степени изощряютъ свою память, обыкновенно и безъ того уже счастливую. Впрочемъ такое затверживаніе иногда облегчается и тѣмъ особеннымъ способомъ пѣнія, который искони существуетъ у Финновъ, хотя и не считается необходимымъ во всякомъ случаѣ. Настоящее торжественное пѣніе требуетъ соединенія двухъ пѣвцовъ. Одинъ сочиняетъ, другой только повторяетъ слова его, такимъ образомъ, что когда первый приближается къ концу строфы, другой снова начинаетъ ее и пропѣваетъ всю во второй разъ. Первый между-тѣмъ придумываетъ слѣдующую строфу, которую и принимается пѣть, когда повторяющій долженъ вскорѣ остановиться. Если поется руна уже извѣстная, то первенство или право начинать принадлежитъ либо тому, кто ее лучше знаетъ, либо старшему въ какомъ-нибудь отношеніи. Начинающій называется *запѣвалой* или *главнымъ*, повторяющій *товарищемъ* или *помощникомъ*. Послѣдній, приступая къ пѣнію, иногда восклицаетъ

напередъ: *то есть*, или *говорю*, или *конечно*. Оба пѣвуна сидятъ другъ противъ друга, колѣно о колѣно и рука съ рукою; во все время, пока продолжается пѣніе, они слегка качаются взадъ и впередъ, и на лицѣ ихъ начертаны важность и раздумье. Такъ поютъ обыкновенно на пирушкахъ. Возлѣ поющихъ стоитъ всегда кружка съ пивомъ, къ которой они обращаются по окончаніи трудовъ своихъ.

Заучиваемыя слушателями, Финскія руны легко распространяются въ народѣ; особенно благопріятствуютъ тому долгія зимнія путешествія поселянъ изъ отдаленныхъ мѣстъ въ города, гдѣ они сбываютъ свой товаръ и запасаются новымъ. Въ дорогѣ ихъ иногда встрѣчается до 50 человѣкъ, и всякій на такой сходкѣ поетъ, что знаетъ.

Общій характеръ Финской поэзіи, какъ мы уже видѣли изъ словъ г. Ленрота, есть важность и мрачная тоска — свойства, отличающія вообще поэзію сѣверныхъ народовъ, но у Финновъ еще усиленныя вліяніемъ угрюмой природы, бѣдности и судьбы, такъ долго тяготѣвшей надъ ними. Отъ того сей меланхолическій характеръ преобладаетъ особенно въ старинныхъ пѣсняхъ: въ нихъ содержаніе очень часто бываетъ плачевное; онѣ наполнены скорбью объ утратахъ, или бѣдствіяхъ общественныхъ и семейныхъ. Напротивъ, въ новѣйшее время Финскія пѣсни чаще и чаще становятся выраженіемъ сердеч-

ной веселости и шутливой насмѣшки; въ нихъ выставляются съ комической стороны то явленія ежедневной жизни, то недостатки ближняго. Начало этаго направленія видно уже въ старинныхъ заклинательныхъ пѣсняхъ: первая часть ихъ, гдѣ зло представляется въ его отвратительной наготѣ, можетъ быть отнесено къ сатирическому роду.

Тоскливость Финскихъ рунъ выражается и въ ихъ напѣвахъ, по большой части утомительно-однозвучныхъ и неизмѣнныхъ отъ начала до конца пѣсни; только пастушескія мелодіи представляютъ болѣе разнообразія

VII.

Самый языкъ Финскій, по своему благозвучію и множеству счастливыхъ качествъ внутреннихъ, какъ-бы созданъ для поэзіи. Нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ особенностей его были уже показаны въ статьѣ: *Гельсингфорсъ*. Прибавимъ здѣсь, что изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ, происходящихъ отъ Азіатскихъ, онъ наименѣе удалился отъ своего источника, и въ законахъ своихъ, какъ и въ звукахъ, сходенъ съ Венгерскимъ или языкомъ Магіаровъ, къ которому впрочемъ Лапландскій подходитъ еще ближе. Обращаясь къ духовной сторонѣ Финскаго языка, мы находимъ въ немъ новое доказательство того тонкаго инстинкта ума, которымъ Финны могутъ похвалить-

ся, не смотря на недостатокъ высшей образованности. Онъ обиленъ словами и оборотами, передающими понятія чрезвычайно мѣтко, остроумно, а часто и живописно; на немъ легко выражаться кратко, сильно, и вмѣстѣ нѣжно; въ пѣсняхъ Финскихъ безпрерывно встрѣчаются слова, для объясненія которыхъ на другомъ языкѣ необходимо прибѣгнуть къ описанію, рѣдко удовлетворительному.

Такія преимущества въ языкѣ Финновъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ съ давнихъ временъ составляетъ почти исключительно достояніе простаго народа, какъ въ средніе вѣки языки западной Европы, которые въ другихъ сословіяхъ уступили мѣсто Латинскому и были совершенно устранены отъ взаимнаго соотношенія съ обществомъ и церковью. Но вопреки такой участи, Финскій языкъ сохранилъ въ теченіе вѣковъ и свою первоначальную чистоту и всѣ самобытныя красоты свои. Только, какъ само собою разумѣется, онъ бѣденъ словами для выраженія понятій отвлеченныхъ и предметовъ, входящихъ въ область высшей гражданственной образованности; вообще, бывъ мало употребляемъ на письмѣ, онъ еще мало обработанъ. Здѣсь нельзя не вспомнить стиховъ, которыми нашъ недавній пріятель, крестьянинъ Паво Корхойненъ, оплакиваетъ судьбу своего отечественнаго языка. Вотъ они въ прозаическомъ и, къ сожалѣнію, очень слабомъ переводѣ:

«Простить ли народъ Финляндскій, одобрять ли сыны Саволакса, что я однимъ словечкомъ скажу, или только полусловомъ намекну, какъ презираемый Финскій языкъ долго лежалъ въ пеленахъ? Такъ и теперь еще онъ лежитъ связанный, сжатый тѣсными узами. Можетъ быть, онъ никогда не выростетъ мужемъ, не расторгнетъ тѣсныхъ узъ силою мужа, не разорветъ тягостныхъ пеленъ, не выпрямится на собственныхъ ногахъ, не пойдетъ съ мужественною осанкою, не сядетъ между богатыми господствующими языками земли, на почетномъ мѣстѣ, на верхнемъ краю стола, и не будетъ ихъ товарищемъ за чашею? Тогда бы на Финскомъ языкѣ писали тѣ, которые правятъ Финляндіею, которые чинятъ судъ и расправу между сынами Финляндіи; тогда каждый приговоръ, ими произносимый, былъ бы понятенъ; законы родины были бы объясняемы на родномъ языкѣ, на языкѣ, извѣстномъ всякому крестьянину.

«Несправедливо Финскій языкъ такъ долго сидѣлъ на низкихъ скамьяхъ, между присяжными * людьми, и не смѣлъ занимать сѣдалища судьи. И когда крестьянинъ подавалъ жалобу на простомъ родимомъ языкѣ, ему отвѣчали на Шведскомъ, цѣлые листы исписывали темными знаками. Перо можетъ однакожъ изобразить слова, какія есть въ языкѣ, какими говоритъ народъ; ученые могли бы легко понимать Финскій языкъ, простой, ясный; но во время

* Смотри выше выноску на стран. 35-й.

го младенчества, Шведскій языкъ принялъ опеку надъ нимъ. Тотъ могучъ; у него есть сильные и богатые друзья, важные и знатные родственники. Вѣдь говорятъ, что Нѣмецкій языкъ въ родствѣ съ Шведскимъ. Но гдѣ же родственники и друзья Финскаго? Есть у него родственникъ въ Эстляндіи *, раздѣляющій съ Финскимъ одну судьбу — не читаютъ его въ школахъ, не учатъ ему въ училищахъ!»

Впрочемъ, въ новѣйшее время обращено дѣятельное попеченіе на усовершенствованіе Финскаго языка, такъ-какъ и вообще на изученіе края во всѣхъ отношеніяхъ. Съ этою благодѣтельною цѣлію учреждено 1831 года въ Гельсингфорсѣ *Финское Литературное Общество*, котораго стараніямъ и пожертвованіямъ Финляндія обязана уже не однимъ отраднымъ явленіемъ въ мірѣ словесности. Между книгами, изданными обществомъ, заслуживаютъ особенное вниманіе: Финская народная поэма *Кàлевала*, собранная г. Леннротомъ, и повѣсть Цшокке Goldmacherdorf, прекрасно переведенная на Финскій языкъ покойнымъ секретаремъ общества, *Чекманомъ* (Keckmann). Онъ же изготовилъ подстрочный переводъ *Калевалы* на Шведскій языкъ и обогатилъ множествомъ словъ Финскій лексиконъ *Ренвалля*; но ни тотъ, ни другой трудъ еще не напечатаны. Общество назначило три преміи: одну въ 300 руб. за составленіе подробной

* Извѣстно, что Эстонцы—Финскаго же племени, и что языкъ ихъ сходенъ съ языкомъ собственно-Финновъ.

Финской миѳологіи (къ концу 1838 г.), другую въ 500 р. за Нѣмецкій или Шведскій переводъ *Калевалы* (къ концу 1837 г.), и третью въ 200 р. за Финскій переводъ въ стихахъ Шведской поэмы Рунеберга: *Стрѣлки оленей* (къ концу 1838). Изъ всѣхъ этихъ задачь, только по послѣдней сдѣланъ былъ опытъ, но и тотъ оказался неудачнымъ. Говоря о Финскихъ книгахъ, нельзя наконецъ не упомянуть объ отлично-составленной г. Беккеромъ грамматикѣ сего языка.

VIII.

Поэтическая природа Финновъ отражается очень явственно даже въ ихъ ежедневномъ разговорѣ. Безпрестанно употребляютъ они сравненія, метафоры, аллегоріи, и особенно олицетворенія; въ ихъ рѣчахъ все одарено жизнію и тѣломъ: лѣсу, горѣ, каменьямъ они даютъ голову, спину, глаза, уши и т. п. «Такой образъ выраженія, говоритъ г. Ленротъ, сообщаетъ даже и прозѣ Финской цвѣтъ поэтическій, особливо, когда мы станемъ переводить обороты подлинника буквально.» Другой предметъ, сильно поражающій иностранца въ разговорахъ Финновъ, есть необычайное обиліе пословицъ — существующихъ въ языкѣ на всѣ почти случаи, и по большой части превосходныхъ не только по своей истинѣ, но и по способу выраженія. Онѣ обыкновенно кратки, замысловаты и картинны; въ нихъ языкъ развертываетъ все

неистощимое богатство своихъ способовъ. Пословицы Финскія, свидѣтельствуя о наблюдательности народа и житейской мудрости, вѣками пріобрѣтенной, находятся въ близкомъ родствѣ съ рунами Финновъ, и сами бываютъ нерѣдко облечены въ форму стиховъ. Ихъ такъ много, что иногда изъ нихъ составляется почти цѣлый разговоръ, при чемъ многія тутъ же и выдумываются бесѣдующими и исчезаютъ никѣмъ не замѣченныя. Къ сожалѣнію, всякія пословицы никуда не годятся въ переводѣ, и потому мы не станемъ приводить здѣсь образчиковъ Финскаго народнаго ума, или развѣ только для любопытства укажемъ двѣ-три пословицы, напр. вотъ: *Никто не бываетъ ни такъ бѣденъ, чтобъ не могъ помочь другому, ни такъ богатъ, чтобъ не нуждался въ помощи. Никто не бываетъ ни такъ хорошъ, какъ его хвалятъ, ни такъ худъ, какъ его порицаютъ. Кто умѣетъ, тотъ дѣлаетъ; начинающій раздумываетъ.* Вмѣстѣ съ пословицами народъ любитъ и загадки, которыхъ разрѣшеніе издавна составляетъ одну изъ его существенныхъ забавъ.

У Финновъ есть и свои народные витіи; таковы между простолюдинами сваты — люди, извѣстные въ цѣломъ приходѣ своимъ краснорѣчіемъ и умѣніемъ устроивать браки. Тщательно удостовѣрившись въ нравѣ невѣсты, ея трудолюбіи и надеждахъ на наслѣдство, такой сватъ отправляется къ ней съ подарками отъ имени жениха; начинаетъ выхвалять

его, исчисляетъ все его имущество и выгоды предполагаемаго союза. Непринятіе подарковъ невѣстою означаетъ ея несогласіе на бракъ; впрочемъ первый отказъ еще не важенъ. Часто, въ случаѣ неудачи въ одномъ мѣстѣ, ораторъ спѣшитъ съ тою же цѣлью въ другое.

Такъ весь бытъ Финновъ ознаменованъ печатью того поэтическаго расположенія, которое самымъ рѣшительнымъ образомъ проявилось въ ихъ рунахъ. Еще не касаясь различія этихъ пѣсень по роду ихъ содержанія, посмотримъ на общій всѣмъ имъ механизмъ. Удареніе въ Финскомъ языкѣ бываетъ во всѣхъ словахъ преимущественно на первомъ слогѣ: поэтому ясно, что стихи Финновъ могутъ состоять только изъ хореевъ и дактилей. Таковъ дѣйствительно смѣшанный размѣръ народныхъ пѣсень, гдѣ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ по 8 слоговъ. Рифма была въ-старину вовсе неупотребительна въ Финской поэзіи; но за то, во всякомъ стихѣ, помѣщалось непремѣнно два слова, начинающихся тою же буквою, или даже тѣмъ же слогомъ. Такія созвучія составляютъ, какъ извѣстно, необходимую принадлежность стихотворства у многихъ младенческихъ народовъ; первое изъ нихъ называется *аллитераціею*, а послѣднее *ассонансомъ*. Въ новѣйшее время поэты Финскіе пробовали привить къ своимъ стихамъ рифму, но языкъ противится ей. Старались также обогатить поэзію новыми размѣрами, но изъ

ихъ едва ли можетъ установиться иной, кромѣ экзаметра.

Въ формѣ Финскихъ рунъ весьма замѣтною чертою представляется *паралеллизмъ*, т. е. въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ выражается совершенно одно и тоже, только съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ; второй служитъ объясненіемъ или подкрѣпленіемъ перваго. Такое повтореніе считается красотою; но у многихъ является слишкомъ часто.

Главное богатство новѣйшей поэзіи Финновъ заключается въ лирическихъ пѣсняхъ, которыя, по замѣчанію однаго Финляндскаго писателя, «выражаютъ довѣрчивую покорность судьбѣ и сознаніе внутренняго значенія жизни. Естественно, продолжаетъ онъ, что наша поэзія остановилась на первой ступени лирики, которой высшія области предполагаютъ болѣе глубокое и зрѣлое самочувствіе. Народныя пѣсни этаго разряда обнаруживаютъ въ главныхъ чертахъ своей поэтической красоты много сходства съ произведеніями новѣйшихъ Финляндскихъ поэтовъ, писавшихъ на Шведскомъ языкѣ, каковы по преимуществу Францѐнъ и Рунебергъ. Главное свойство этой поэзіи заключается въ плѣнительной гармоніи и спокойствіи духа, подъ которыми кроется кладъ внутренней истины и свободы, жизнь, находящая удовлетвореніе въ самой себѣ, свѣтлая какъ зеркало и не возмутимая бурями, играющими въ верхнихъ сферахъ чело-

вѣчества. Этотъ общій характеръ народныхъ пѣсень является въ обиліи очаровательно-непорочныхъ чувствъ и образовъ, свидѣтельствующихъ о самобытномъ и чисто внутреннемъ происхожденіи Финской поэзіи. Вотъ почему ея произведенія заслуживаютъ и большую извѣстность и болѣе внимательнаго изученія.»

Хотя народныя пѣсни и не могутъ быть справедливо оцѣняемы въ переводѣ; однако же, чтобъ дать нѣкоторое понятіе о предметѣ нашемъ, мы представимъ здѣсь въ Русской прозѣ два образчика Финскихъ рунъ.

Мать поетъ надъ колыбелью своего младенца:

«Чиста на снѣгу бѣлая куропатка, бѣла на заливѣ пѣна морская; но чище мой малютка, бѣлѣе мое дитятко. Сонъ стоитъ за дверьми и спрашиваетъ; сынъ дремоты шепчетъ въ сѣняхъ: «Есть ли тутъ малюточка въ пеленкахъ, есть ли милый младенецъ въ кроваткѣ?» Нѣжный сонъ, приди къ постели, сынъ дремоты, приди къ люлькѣ младенца, подъ одѣяло малютки, подъ одежду милаго ребенка. Качайся, качайся, ягодка-черемха! Колыхайся, колыхайся, легкій листокъ! Вотъ я качаю моего сыночка, вотъ я баюкаю моего малютку. Но не знаетъ мать его, не вѣдаетъ родившая, качаетъ ли себѣ будущую опору, баюкаетъ ли защиту своей старости? Никогда,

бѣдная мать, ты, достойная жалости, не ожидай опоры отъ малютки въ колыбели, не жди защиты отъ сына, котораго качаешь. Легко твоя опора достается другому, твоя надежда неизвѣстному. Легко упадаетъ дитятко въ зѣвъ смерти, или уводится на войну, въ толпу сражающихся, попадаетъ передъ огненную пасть пушки, или въ неволю къ богатому!»

Молодая крестьянка, которая въ замужствѣ живетъ на чужой сторонѣ, тоскуетъ по родинѣ:

«Нѣкогда обѣщала я пѣть, когда приду сюда, радостно пѣть, какъ весенняя птичка, когда буду гулять по рощѣ, проходить по густому лѣсу. Неся воду изъ колодца, слышу пѣнье двухъ весеннихъ птицъ; ахъ, если бъ и я была птицей, если бъ, бѣдная, могла пѣть, я бы пѣла на каждой ели, веселила бы всякое дерево. И я пѣла бы громче, когда бы видѣла, что мимо идетъ печальный, что проходитъ угнетенный; но я вдругъ нѣмѣла бы при появленіи знатныхъ, при проѣздѣ богатыхъ господъ. Какъ же узнаешь печальнаго? Легко узнать его: тихо поетъ угнетенный, а беззаботный веселится громко.

«Что-то люди подумали обо мнѣ, что за странные слухи разнеслись, когда меня взялъ не сосѣдъ, когда я вышла за-мужъ не на родинѣ; тамъ я и теперь бы слышала домашняго пѣтуха, видѣла бы ро-

димыя пашни, жила бы у нашей придомной горы. Или я слишкомъ много ѣла? Или пила я не въ мѣру или спала слишкомъ долго? Меня выдали за мужъ за чужаго, меня увезли въ незнакомую сторону. Ахъ, лучше было бы дома пить воду изъ коры березовой, нежели на чужбинѣ пиво изъ кружки серебряной! Ахъ, если бъ у меня, какъ у другихъ, была лошадь и къ ней были сани съ двумя полозьями! я бы легко достала себѣ дугу, отыскала оглобли; есть въ лѣсу для дуги черемуха; для оглоблей рябина. И я бы не стала медлить, не оглянулась бы ни разу, не остановилась бы до тѣхъ поръ, пока въ Саволаксѣ не увидѣла бы дыма надъ отцовской избой, пока бы не увидѣла, что топятся родимыя бани.»

IX.

Мы подходимъ къ истинному перлу Финской поэзіи — пѣснямъ, родившимся у народа въ какую-то отдаленную эпоху и описывающимъ подвиги боговъ его. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже весьма давно извѣстны и напечатаны, но никто не подозрѣвалъ между ними связи, пока въ наше время не замѣтилъ ея пламенный любитель Финской поэзіи, Г. Ленротъ, провинціальный докторъ въ Каянѣ *.

Здѣсь охотно передаемъ перо извѣстному его земляку, г. Рунебергу, и переводимъ страницу изъ ча-

* Каяна, городокъ въ сѣвер. Финляндіи.

стнаго письма его въ Петербургъ отъ %₁ Апрѣля 1839 — въ чемъ затрудняемся тѣмъ менѣе, что отрывокъ изъ этаго письма былъ уже напечатанъ по-Шведски въ одной изъ Финляндскихъ газетъ *.

«Нашъ соотечественникъ Ле340ротъ обезсмертилъ себя въ лѣтописяхъ Финляндіи тѣмъ, что открылъ поэму *Кàлевалу* **. Съ основательнымъ ученіемъ соединяя горячую любовь къ народу, изъ среды котораго самъ онъ вышелъ (онъ сынъ Финскаго крестьянина, портнаго въ своемъ приходѣ), и съ энтузіазмомъ заботясь о собираніи народныхъ пѣсень, онъ не задолго до прошлаго десятилѣтія рѣшился обойти пѣшкомъ разныя части Финляндіи, только для того, чтобы привести въ извѣстность тѣ старыя и новѣйшія руны, которыя могли еще храниться въ памяти народа. Нѣсколько тетрадей прелестныхъ мелочей были первымъ плодомъ его странствованій. Съ каждой новою прогулкой запасъ пѣсень, которыя онъ мало по малу собиралъ, становился обильнѣе — и вскорѣ, при внимательномъ пересмотрѣ всѣхъ записанныхъ имъ поэтическихъ расказовъ, пробудилась

* См. Borgå Tidning, 1839 № 40.

** Здѣсь не въ первый разъ имя *Калевалы* является на страницахъ Русскаго журнала: нѣсколько словъ о ней было сказано въ журналѣ Мин. Нар. Просв. еще въ Августѣ 1837 г. въ статьѣ: *Обозрѣніе Финляндскихъ газетъ за* 1836 г. Впрочемъ помѣщенныя тамъ замѣчанія по сему предмету переведены изъ Helsingfors Morgonblad, 1836. № 96.

въ немъ мысль, что между ними существуетъ тѣсная связь. Онъ заключилъ, что должна быть цѣлая большая поэма, которая, бывъ долгое время сохраняема только изустнымъ преданіемъ и памятью, наконецъ раздробилась и разсѣялась въ народѣ, такъ-что теперь нигдѣ уже не извѣстна въ полномъ своемъ объемѣ. Отыскать всѣ эти разрозненныя части и возстановить первобытную между нимъ связь: вотъ цѣль, которую Ленротъ съ тѣхъ поръ предназначилъ себѣ.

«Помню, что онъ изустно расказывалъ мнѣ объ одномъ обстоятельствѣ, которое ему особенно благопріятствовало въ совершеніи этаго предпріятія. Онъ попалъ на старика, который зналъ кое-какъ ходъ и порядокъ самаго преданія о главномъ лицѣ поэмы, Вейнемейненѣ, хотя и забылъ самыя слова пѣсень. Такимъ образомъ его расказы послужили Ленроту руководствомъ при размѣщеніи собранныхъ рунъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ упоминаетъ онъ, что около Вуокиньеми и Кивіерви (въ Архангельской губерніи * нашелъ старика, по имени Ваассила — вѣро-

* Извѣстно, что въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ значительную часть народонаселенія составляютъ Финны. Замѣчательно, что тамъ преимущественно найдены Ленротомъ пѣсни *Калевалы.* О тамошнихъ Финнахъ геніальный путешественникъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующія подробности. Они исповѣдываютъ православную вѣру, называютъ себя Русскими (Wenäläiset) и одѣваются подобно нашимъ крестьянамъ. Вообще они опрятнѣе Финновъ, живущихъ въ Финляндіи; гостепріимство считается у нихъ священною добродѣтелью — можетъ быть, даже религіозною обязанностію; но

нтно того самаго, о которомъ я прежде слышалъ отъ него. «Этотъ Ваассила» пишетъ онъ «былъ въ особенности большимъ знатокомъ заклинательныхъ рунъ, и ужъ очень старъ. Его память въ послѣдніе годы чрезвычайно ослабѣла, и онъ забылъ большую часть того, что знавалъ въ-старину. Однакожъ объ Вейнемейненѣ

ъ нимъ соединяется у нихъ предразсудокъ, запрещающій имъ ѣсть і пить изъ посуды, которую употреблялъ иновѣрецъ. (Почтенный овѣствователь, какъ кажется, упустилъ изъ виду, что таковъ вообще обычай раскольниковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и эти Финны). Въ образованіи они гораздо ниже своихъ Финляндскихъ ратій, и рѣдко, рѣдко кто между ними умѣетъ читать, да у нихъ книгъ вовсе не водится. За то они питаютъ такую вѣру въ ученость Финновъ-лютеранъ, что иногда пускаются за нѣсколько миль ъ Финляндію, чтобы освѣдомиться, какую погоду предсказываетъ алендарь.

Земледѣліе у нихъ еще въ худшемъ состояніи, нежели у Финляндцевъ; но вообще они зажиточнѣе своихъ ближайшихъ сосѣдей а западѣ, конечно отъ того, что между ними не такъ обыкновенно ьянство и нѣтъ обязанности содержать даромъ безземельныхъ крестьянъ (inhysingar, бобылей). Притомъ Русскіе Финны расторопнѣе заботливѣе. Они отличаются особенною страстью къ торговлѣ, и вообще корыстью. У себя дома торгуютъ они мало, но наживаютъ много денегъ въ Финляндіи, Ингерманландіи и Эстляндіи, гдѣ разносятъ для продажи платки и разныя другія мелочи. Эту кочевую торговлю ведутъ они ежегодно съ Октября мѣсяца до весны, когда возвращаются домой; лѣтомъ они или занимаются земледѣліемъ или спѣшатъ въ Москву и другіе города закупать товаръ для зимней торговли. (Нѣсколько такихъ купцовъ кочующихъ, по Финляндіи, прекрасно изобразилъ г. Рунебергъ въ одной изъ своихъ поэмъ).

Языкъ, употребляемый этими Финнами, есть тотъ же, на комъ говорятъ въ восточной части Финляндіи, съ нѣкоторыми только отступленіями.

и другихъ миѳологическихъ лицахъ онъ мнѣ сообщилъ много новаго. И когда ему случалось пропустить что-нибудь извѣстное мнѣ, я тотчасъ спрашивалъ о томъ. Тогда онъ припоминалъ забытое и такимъ образомъ я узналъ всѣ подвиги Вейнемейнена въ порядкѣ, по которому послѣ и расположилъ описывающія ихъ руны.»

«Вотъ вамъ происхожденіе Калевалы, обширнаго созданія, раздѣленнаго по плану Ленрота на 32 рапсодіи или руны — созданія исконнаго, чисто эпическаго; въ этомъ отпошеніи оно принадлежитъ къ одному разряду съ твореніями Гомера, но въ духѣ своемъ сильнѣе развиваетъ миѳическій характеръ; по самобытности своей оно такъ же точно есть вполнѣ Финское твореніе, какъ поэмы Гомеровы—Греческое. Нѣтъ сомнѣнія, что пѣсни Гомера были собраны такимъ же образомъ. Какъ Финская, такъ и Греческія поэмы были записаны съ живаго голоса народа, и можетъ быть, рапсодіи Иліады и Одиссеи получили то прекрасное размѣщеніе, въ какомъ онѣ теперь являются, также по указаніямъ какаго-нибудь стараго пѣвца, который, подобно Ваассилѣ, забылъ самые стихи, но помнилъ порядокъ и взаимную связь безсмертныхъ пѣсень объ Ахиллесѣ и Одиссеѣ.

. . . .

«Но я не могу оставить Калевалы и ея открывателя, не сообщивъ вамъ еще маленькаго отрывка изъ

его писемъ ко мнѣ, гдѣ онъ расказываетъ свои похожденія.

«Пробывъ короткое время въ Кивіерви,» говоритъ онъ, «я пошелъ за милю отсюда, въ Латваерви, гдѣ старый крестьянинъ Архиппа славился своимъ искуствомъ въ пѣніи рунъ. Ему было 80 лѣтъ отъ роду, но онъ въ удивительной степени сохранялъ еще память. Цѣлые два дня, а отчасти и въ третій, я съ словъ его писалъ руны. Онъ пѣлъ ихъ по порядку, безъ всякихъ замѣтныхъ пропусковъ, и почти все такія, какихъ я прежде не могъ достать. Да и сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ ихъ можно было отыскать въ нынѣшнее время. По этому я былъ очень радъ, что вздумалъ посѣтить Архиппу. Богъ знаетъ, засталъ ли бы я его въ-живыхъ, если бъ пришелъ въ другой разъ; а съ нимъ, нѣтъ сомнѣнія, исчезла бы навсегда большая часть древнихъ рунъ нашихъ. Старикъ пришелъ въ восторгъ, когда заговорилъ о своемъ дѣтствѣ и давно умершемъ отцѣ, отъ котораго наслѣдовалъ всѣ свои руны. Вотъ, сказалъ онъ, вамъ бы надо было притти туда, гдѣ мы съ отцомъ сиживали-бывало во время рыбной ловли, разложивъ передъ собой огонь на берегу Лапукки. Съ нами былъ тогда товарищъ изъ Лапукки, также хорошій пѣвецъ, только все не чета моему отцу. Рука съ рукой они часто пропѣвали цѣлыя ночи передъ огнемъ и никогда не повторяли два раза одной и той же руны. Я былъ тогда ребенкомъ и

слушая внимательно, мало по малу выучилъ наизустъ всѣ главныя пѣсни; теперь я многое ужъ перезабылъ. Ахъ! если бъ въ то время кто-нибудь, такъ какъ теперь вы, собиралъ руны! Да онъ бы въ двѣ недѣли не успѣлъ записать и тѣхъ, что зналъ одинъ мой отецъ!»

«Пѣть, какъ здѣсь упомянуто, рука съ рукой, есть особый обычай у Финновъ. Пѣвецъ выбираетъ себѣ товарища, садится противъ него, беретъ его за руки и начинаетъ пѣть. Оба поющіе покачиваютъ взадъ и впередъ тѣломъ, какъ будто одинъ другаго попеременно притягиваетъ къ себѣ. При послѣднемъ тактѣ каждой строфы настаетъ очередь помощника и онъ всю строфу перепѣваетъ одинъ, а между-тѣмъ запѣвала на-досугѣ обдумываетъ слѣдующую. Это особенно выгодно для главнаго пѣвца, когда онъ, какъ часто случается, не наизустъ поетъ древнія руны, а сочиняетъ тутъ же новыя; обычай, вѣроятно, и произошелъ отъ того, что въ-старину при такихъ, очень обыкновенныхъ импровизаціяхъ, пѣвецъ послѣ каждой строфы требовалъ минутнаго отдыха для приготовленія слѣдующей.»

X.

Калевала напечатана въ Гельсингфорсѣ въ 1835 году и издана въ двухъ частяхъ съ подробнымъ предисловіемъ г. Ленрота. Сущность ея содержанія заключается въ сношеніяхъ, частію враждебныхъ, ме-

жду двумя народами, изъ которыхъ одинъ живетъ въ странѣ *Ка̀левы*, а другой въ *По́хіолѣ*. *Калева* есть имя родоначальника героевъ или боговъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, почему край, бывшій поприщемъ ихъ подвиговъ, *Финляндія*, и называется *Калевалою**. Что касается до *Похіолы*, то, по мнѣнію большинства, подъ этимъ именемъ должно разумѣть *Лапландію*, крайній сѣверъ. Яблоко раздора между Финнами и Лапландцами есть какое-то сокровище, называемое *Сампо*, но какое именно? того самыя тщательныя изслѣдованія до сихъ поръ не могли раскрыть. По описаніямъ, часто повторяющимся въ поэмѣ, видно только, что *Сампо* есть искусно сдѣланное орудіе, *пестрое* съ *красивою* крышей. Оно одарено чрезвычайно благодѣтельною силой, ибо съ помощію *Сампо* получается хлѣбъ въ удивительномъ изобиліи; вотъ почему оба народа оспориваютъ другъ у друга таинственную драгоцѣнность. Густой мракъ разлитый надъ нею, наконецъ довелъ г. Ленрота до весьма оригинальнаго предположенія. Онъ думаетъ, что имя: *Похіола* означаетъ не Лапландію, а *Біармію* и что Сампо есть истуканъ, — предметъ, какаго не знало ни одно изъ Финскихъ племенъ, кромѣ Біармійцевъ. Находясь въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Славянскою землею, они безъ сомнѣнія здѣсь увидѣли въ первый разъ изображеніе боговъ, и такъ-какъ въ язычествѣ такимъ изо-

* Слогъ *ла* есть частица, означающая мѣстность: Калева*ла* значитъ жилище Ка̀левы.

браженіямъ приписывается всегда великая сила, то не мудрено, что Біармійцы въ подражаніе Славянамъ изваяли себѣ истуканъ и назвали его *Сампо*, отъ Русскихъ словъ: *самъ богъ*, которые по Финскому произношенію непремѣнно должны были потерпѣть такое искаженіе. Этими словами, полагаетъ г. Ленротъ, Славяне весьма естественно отвѣчали на столь же естественный вопросъ, сдѣланный Біармійцами, когда они увидѣли въ плолахъ незнакомый имъ предметъ.

Главными лицами въ поэмѣ находимъ мы со стороны Финновъ пѣснопѣвца *Вейнемейнена*, его брата-ковача *Ильмаринена*, и веселаго искателя приключеній *Лемминкейнена* (который часто получаетъ эпитеты: *полнокровный*, *безпокойный*, *непостоянный*, *прекрасный*), а со стороны Лапландцевъ рѣдкозубую старуху *Лоухи* съ ея дочерью. Вейнемейненъ, отчасти уже знакомый намъ, является здѣсь мудрымъ старцемъ, и слѣдовательно — по понятію Финновъ о мудрости — искуснѣйшимъ колдуномъ, которому слово и пѣніе служатъ всесильнымъ средствомъ чаръ. Онъ есть полнѣйшее олицетвореніе поэтической способности Финновъ и ихъ вѣры въ могущество слова, ихъ уваженія къ знанію и мудрости, какъ первымъ условіямъ владычества. Въ поэмѣ безпрестанно встрѣчаются мрачныя заклинательныя пѣсни вмѣстѣ съ выраженіемъ сего отличительнаго воззрѣнія Финновъ на міръ; оружіе замѣняется по большой части колдовствомъ, посредствомъ напѣванья.

Отъ того въ рунахъ Калевалы много темнаго, таинственно-дикаго, незанимательнаго для насъ; часто видишь въ ней нелѣпые вымыслы необузданнаго, грубо-исполинскаго воображенія. Но рядомъ съ такими явленіями открываешь самые очаровательные образы, и картины, дышащія всею простотою природы, всею свѣжестью младенческаго возраста племенъ. На такія-то мѣста въ Калевалѣ постараемся мы преимущественно обратить вниманіе читателя. Замѣтимъ еще, что пѣсни, вошедшія въ составъ ея, принадлежатъ по своему происхожденію не къ одному и тому же времени: это явно какъ по самому содержанію ихъ, такъ и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ чертамъ. Иногда впрочемъ признаки возраста той или другой руны обманчивы и въ сущности показываютъ только, что народныя пѣсни въ теченіе вѣковъ подвергаются разнымъ измѣненіямъ въ живыхъ устахъ націи. Но изложимъ содержаніе *Калевалы*.

Вейнемейненъ, скитаясь восемь лѣтъ по морю, создаетъ изъ яйца небо и землю, солнце, луну и звѣзды. Потомъ буря уноситъ его къ берегамъ мрачной Пòхіолы. Тамошняя хозяйка *, рѣдкозубая Лòуки, видя, что онъ неутѣшно тоскуетъ по родинѣ, обѣщаетъ отвезти его туда, но съ тѣмъ, чтобы онъ выковалъ ей *Сампо*: тогда она выдастъ за него свою

* По слову: *хозяйка*, употребленному и въ подлинникѣ, надобно заключать, что подъ *Похіолой* разумѣется въ поэмѣ преимущественно *селеніе*, а не *земля*.

дочь, знаменитую красавицу Похіолы. Вейн. отвѣчаетъ, что самъ онъ ковать не умѣетъ, а пришлетъ старухѣ брата своего, ковача *Ильмаринена*. Она соглашается и даетъ ему лошадь.

Въ пути видитъ онъ дѣву Похіолы сидящею на радугѣ, и пораженный ея красотою, сватается за нее. У древнихъ Финновъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Калевалы, для успѣха сватовства требовалось, чтобы женихъ совершилъ три опасные или трудные подвига, которые ему задавала невѣста. Такъ поступаетъ и дѣва Похіолы; но третій подвигъ не удается Вейнемейнену, и онъ ѣдетъ далѣе. «Онъ гонитъ бѣгуна бичемъ, осыпаннымъ алмазами; бѣгунъ летитъ, сани мчатся, путь коротѣетъ; скрыпятъ березовые полозья, трещитъ золотой кузовъ саней.»

Съ шумомъ ѣдетъ онъ по спаленнымъ рощамъ *, по степямъ Калевалы, и вотъ чародѣйственнымъ пѣніемъ создаетъ огромную ель съ цвѣтущимъ вѣнцомъ, съ золотыми вѣтвями. Она вершину стремитъ къ небесамъ, разсѣкаетъ тучу; она вѣтви распростираетъ въ воздухѣ, ширитъ надъ небесами.

* Здѣсь надобно вспомнить особый родъ земледѣлія у Финновъ, *палу*—способъ, состоящій въ жженіи лѣса для удобренія земли пепломъ.

«Онъ поетъ и велитъ мѣсяцу свѣтить въ золотомъ вѣнцѣ ели, а въ вѣтвяхъ ея помѣщаетъ Большую-Медвѣдицу.

«Съ шумомъ ѣдетъ онъ къ своему золотому жилищу; голова его поникла: ему жаль, что онъ, для избавленія самаго себя, обѣщалъ послать въ мрачную Пòхіолу ковача Ильмаринена.»

Идетъ на-встрѣчу ему ковачь и спрашиваетъ о причинѣ его скорби. Вейнемейненъ отвѣчаетъ, что въ Пòхіолѣ есть красавица, и совѣтуетъ ѣхать свататься на ней: «если выкуешь Сампо, прибавляетъ онъ, то получишь за трудъ знаменитую дѣву.»

Но Ильмариненъ догадывается, что братъ пожертвовалъ имъ для своего спасенія и объявляетъ, что его никогда не увидитъ Пòхіола, «край, гдѣ умерщвляютъ мужей, гдѣ храбрыхъ топятъ въ морѣ.»

Тогда Вейн. предлагаетъ ему посмотрѣть на чудную ель, и вотъ они оба идутъ въ лѣса Калевалы; прибывъ туда, «старый Вейн. говоритъ: теперь, милый братъ мой, полѣзай да возьми мѣсяцъ, выпь Большую-Медвѣдицу изъ золотаго вѣнца ели.»

Братъ полѣзъ; Вейн. опять запѣлъ, и возмутивъ воздухъ, воскликнулъ: «Вѣтръ весенній, возьми его въ свой челнокъ, умчи его въ мрачную Пòхіолу!»

И Ильмариненъ летитъ вмѣстѣ съ деревомъ, летитъ безъ остановки, пока не прибылъ въ Похіолу, гдѣ онъ такъ тихо опустился, что даже псы его не услышали.

По желанію тамошней старухи, онъ соглашается сдѣлать Сампо и хотя въ Похіолѣ нѣтъ ни наковальни, ни орудій кузнецкихъ, однакожъ его это не затрудняетъ, и онъ, выбравъ мѣсто на желѣзной скалѣ, начинаетъ работать.

Три дня усердно помогаютъ ему рабы; на плечахъ у нихъ пыль въ сажень толщиной, на головѣ сажа въ аршинъ, на всемъ тѣлѣ густой слой копоти. На третій день Ильмариненъ смотритъ въ горнило: не образуется ли Сампо, и увидѣвъ, что нѣтъ, собираетъ всѣ вѣтры и велитъ имъ раздувать огонь. Черезъ три дня онъ опять глядитъ въ горнило, и вотъ изъ пламени выходитъ Сампо.

Тогда Ильмар. начинаетъ прилежно ковать; быстро движетъ онъ тяжкій молотъ въ бездверной кузницѣ, въ безоконной комнатѣ. И Сампо наконецъ готово: «Оно начинаетъ молоть, быстро подымая красивую крышу: мелетъ на разсвѣтѣ полный ящикъ

лѣба; мелетъ ящикъ въ пищу, другой — для прода-
ки, третій — въ запасъ. Это радуетъ старуху, и она
рячетъ Сампо въ нѣдра каменной горы, подъ за-
окъ съ девятью задвижками; укрѣпляетъ корни его
ъ девяти-саженной глубинѣ, одинъ корень укрѣп-
яетъ въ землѣ, другой — въ водѣ, третій — въ ро-
имой горѣ.

Между-тѣмъ и Ильмариненъ влюбился въ дѣву
Іохіолы, но она, по видимому, остается равнодуш-
ою къ нему, и вотъ онъ повѣсилъ голову, шапка
го склонилась на бокъ, онъ задумался о томъ: какъ
му жить въ мрачной Похіолѣ? онъ страстно же-
аетъ вновь увидѣть родину. Узнавъ это, старуха са-
:аетъ его въ лодку, пробуждаетъ вѣтеръ: Ильмар.
озвращается домой, и разсказываетъ Вейн-ну, что̀
дѣлалъ.

Является новое лицо: прекрасный, веселый и
рабрый, но вѣтреный *Лемминкейненъ*. Онъ также
очетъ испытать счастія въ Похіолѣ и ѣхать туда
вататься за дочь владѣтельницы. Но его удержи-
іетъ мать, опасаясь, чтобъ онъ тамъ не погибъ отъ
зверныхъ колдуновъ. Лемминкейненъ, который во
ремя этаго разговора расправлялъ себѣ волосы щет-
ой, вѣшаетъ ее на стѣнѣ, и говоритъ, что если его
бьютъ, то на щеткѣ тотчасъ покажется кровь.

Въ Похіолѣ, куда онъ ѣдетъ, не смотря на увѣщанія матери, задаютъ и ему разные труды; но когда онъ собирается исполнить послѣдній изъ нихъ, именно застрѣлить на рѣкѣ лебедя, его убиваетъ старикъ, съ которымъ онъ успѣлъ уже поссориться на чужой сторонѣ: тѣло его брошено въ рѣку.

Между-тѣмъ мать Лем-на тоскуетъ, что онъ такъ долго не возвращается, а жена его (онъ ужъ былъ женатъ; но ему было мало одного брака), смотритъ съ утра до вечера на щетку — и вотъ со щетки струится кровь. Тогда мать зарыдала и на крыльяхъ жаворонка пустилась въ Похіолу. «Куда дѣвала ты Лем-на, моего бѣднаго сына?» спрашиваетъ она у тамошней владѣтельницы. «Я накормила и отправила его въ саняхъ: не замерзъ ли онъ на льду, не потонулъ ли въ рѣкѣ?»

Но вѣщее сердце матери не вдалось въ обманъ, и допытавшись наконецъ, что Лем-на не видали послѣ того, какъ онъ пошелъ на лебедя, она отправляется искать его: зимой мчится на лыжахъ, лѣтомъ въ легкомъ челнокѣ.

«Она не знаетъ, гдѣ движется ея плоть, гдѣ льется ея кровь; она бѣгаетъ какъ волкъ въ обширныхъ пустыняхъ, носится какъ выдра въ водѣ, какъ бѣлка по вѣтвямъ сосны, какъ горностай въ каменныхъ пещерахъ; она прорывается межъ деревьевъ,

разметываетъ сѣно, разсматриваетъ въ степяхъ корни древесные.

«Ее встрѣчаетъ волна; она кланяется волнѣ: ахъ, волна Божія! невидала ль сына моего, золотое мое яблочко, серебряную трость (т. е. опору) мою?

«Волна отвѣчаетъ: не видала я твоего сына, не слышала про него.

«Мать продолжаетъ искать. Ее встрѣчаетъ мѣсяцъ; она кланяется мѣсяцу: ахъ, мѣсяцъ Божій! не видалъ ли сына моего..?

Мѣсяцъ отвѣчаетъ, что не видѣлъ его, что онъ вѣроятно въ Лапландіи въ какомъ-нибудь озерѣ.

«Ее встрѣчаетъ солнце; она кланяется солнцу: ахъ, солнце Божіе! не видало ль сына моего..?

«Солнце знало кое-что, отвѣчало: твой бѣдный сынъ, твое славное золотое яблочко за девятью морями, за полудесятымъ моремъ» — и солнце расказываетъ ей, что̀ случилось съ Лем-омъ.

Мать идетъ къ ковачу и проситъ сдѣлать ей желѣзныя грабли съ зубцами во сто саженей, съ древкомъ въ двѣсти.

Грабли готовы, и она съ ними собирается лететь птицей въ Похіолу; вмѣсто крыльевъ, подвязываетъ себѣ мётлы; вмѣсто хвоста лопату, и улетаетъ.

Прибывъ въ Похіолу, она идетъ на море и начинаетъ водить своимъ орудіемъ — разъ вдоль по водѣ, разъ поперегъ, разъ вкось; при третьемъ разѣ попался ей на грабли снопъ. «То былъ не снопъ, то былъ бѣдный Лем.; но у него кое-чего недоставало: не было у него рукъ, не было головы и многихъ другихъ членовъ, даже не было жизни.»

«Мать опять стала чесать воду, разъ по теченію, разъ противъ теченія; такъ нашла она руку, голову и другіе члены и состроила сына, связала бѣднаго Лем-на.» Теперь она заботится только о томъ, гдѣ бы ей достать масла и меду, чтобъ смазать изнуреннаго, подкрѣпить слабаго.

Вейн. собирается опять въ Похіолу, чтобы вновь свататься на дочери старухи Лоухи, и выстроивъ себѣ ладью, спускаетъ ее на воду.

«Онъ возставилъ на суднѣ своемъ мачты, какъ сосны надъ горой; поднялъ паруса, какъ ели на холмѣ; потомъ самъ взошелъ на корабль... и величаво понесся надъ синевой.»

«Вѣтеръ дуетъ въ паруса, вешній вѣтеръ гонитъ ладью; вотъ сосновый корабль плыветъ мимо зеленаго мыса, мимо береговъ населеннаго острова.

«На островѣ была дѣва Анникка (т. е. Анна), сестра Ильмаринена; она топтала * бѣлье, мыла платье на берегу, на краю величаваго моста, на концѣ краснаго плота.

«Она повела головой вокругъ и осмотрѣла тихую окрестность, взглянула и на заливъ, поворотилась къ югу. Она завидѣла что-то мелкавшее на морѣ, что-то синѣвшееся на волнахъ, и сказала: «Что тамъ мелькаетъ на морѣ, что тамъ синѣется на волнахъ? Призракъ! Если ты — стая гусей или утокъ, то подымись и разсѣйся въ высотѣ поднебесной. Если ты — стая рыбъ... то уплыви, погрузись ко дну... Если ты ладья Вейнемейнена, стараго пѣвца — то пусть онъ приблизиться ко мнѣ, и заведетъ бесѣду.»

Когда Вейн. подплылъ къ острову, она спрашиваетъ его, куда и зачѣмъ онъ, первый во всемъ краю, отправляется въ такомъ богатомъ нарядѣ.

* Это напоминаетъ, какъ замѣтилъ Шведскій переводчикъ этой пѣсни, Гомерову Навзикаю, которая, стирая бѣлье, также топчетъ его.

После тщетнаго старанія обмануть ее на счетъ цѣли своего плаванья, Вейн. признается ей въ настоящемъ своемъ намѣреніи. Тогда Анникка торопливо побѣжала домой и воскликнула: «Братъ мой, ковачь Ильмариненъ, сынъ моей матери, родичь мой! Выкуй мнѣ маленькое ожерелье, выкуй нѣсколько колечекъ, двѣ-три пары серегъ, пять-шесть цѣпочекъ на поясъ, и я раскажу тебѣ справедливыя вѣсти, скажу сущую правду. Ты цѣлое лѣто куешь коня, всю зиму готовишь подковы, хочешь ѣхать свататься, ѣхать въ Похіолу; но теперь является другой, похитрѣе твоего; онъ предупредитъ тебя, увезетъ ту, за кого надобно заплатить тысячу марокъ *, кого ты манилъ двѣ зимы, на комъ сватался три лѣта. Къ ней плыветъ Вейн., несется въ мрачную Похіолу по синему морю, стоя на золотой кормѣ своего корабля, оперщись на изогнутый конецъ кормила.»

При этихъ словахъ *безсмертный* ковачь выронилъ молотъ изъ рукъ; выпали клещи изъ кисти его: «Анникка! милая сестрица!...» говоритъ онъ, и обѣщаетъ сдѣлать все, чего ей хочется, съ тѣмъ, чтобы она въ-тайнѣ истопила ему баню **.

* Изъ этаго, и изъ многихъ другихъ мѣстъ въ Финскихъ рунахъ, надобно заключать, что, по обычаямъ древнихъ Финновъ, женихъ покупалъ невѣсту у ея родителей.

** Бани, по устройству довольно сходныя съ нашими, составляютъ съ незапамятныхъ временъ потребность и наслажденіе Финновъ. Но по старинному повѣрью, баню надобно готовить себѣ тайно, потому-что она облегчаетъ врагу исполненіе лукавыхъ замысловъ.

Вымывшись и наполнивъ свою шапку золотомъ и серебромъ, онъ заложилъ коня, сѣлъ въ сани и погналъ *свѣтлогриваго*: «сани мчались, берегъ скрылся.»

Вотъ въ Похіолѣ залаялъ песъ и тамошній хозяинъ видитъ: со стороны земли ѣдетъ кто-то въ крашеныхъ саняхъ, со стороны моря приближается кто-то на пышномъ кораблѣ.

Услышавъ это, мать и дочь съ женскимъ любопытствомъ бѣгутъ смотрѣть на гостей. «Это женихи,» говоритъ старуха: «котораго хочешь ты, дочь моя? Тотъ, что ѣдетъ въ саняхъ — это Ильмариненъ, вѣчный ковачь; онъ везетъ полную шапку золота и серебра. Другой, что плыветъ на красномъ кораблѣ — это Вейн-нъ, вѣчный ясновидецъ; съ нимъ деньги и сокровища на суднѣ. Его возьми ты, дочь моя: старикъ разумнѣе, хоть молодой съ-виду и бодрѣе.»

Но дочь предпочитаетъ «того, который ковалъ Сампо», и Ильмариненъ, исполнивъ три дѣла, предложенныя ему матерью невѣсты, принятъ въ домѣ какъ женихъ.

Начинаютъ приготовленія къ свадьбѣ. Между прочимъ убиваютъ неимовѣрно-огромнаго быка, описаннаго такъ: «Росъ въ Кареліи быкъ, родился въ Финляндіи волъ; не былъ онъ слишкомъ великъ, не

былъ и слишкомъ малъ. Въ Тавастландіи двигался хвостъ его, голова при рѣкѣ Кеми, одна нога въ Ауницѣ (т. е. Олонцѣ), другая на скалахъ Норвегіи, третья на водопадѣ Вуоксы (Иматрѣ?), четвертая у моря Лапландскаго; день летѣла ласточка отъ одного рога до другаго» и т. д. Долго искали человѣка, который взялся бы убить это чудовище, искали и въ Россіи — въ прекрасной Кареліи * — и въ Финляндіи, и въ Швеціи. Вызвался-было кто-то, но едва быкъ тряхнулъ головою, какъ смѣльчакъ съ испугу убѣжалъ и спрятался въ дупло. Наконецъ вышелъ изъ моря крошечный человѣчекъ, ростомъ съ большой палецъ, и зарѣзалъ быка.

Потомъ варятъ пиво, которое приходитъ въ такое броженіе, что грозитъ разорвать сосудъ; посылаютъ искать колдуна, который бы заговорилъ буйный напитокъ, и приглашаютъ множество народа, въ томъ числѣ и Вейн-на.

Гости собираются въ Похіолу; по пріѣздѣ жениха, берутъ у него лошадь, а самаго вводятъ въ избу, которая такъ разубрана, что ее трудно узнать. Мать невѣсты разсматриваетъ Ильм-на при свѣтѣ огней и хвалитъ красоту его.

Приносятъ пиво, которое Вейн-нъ тотчасъ унимаетъ пѣніемъ. Потомъ онъ поетъ въ честь

* Кареловъ остальные Финны издавна называютъ Русскими.

торжества и желаетъ счастія вступающимъ въ бракъ. Выпиваютъ пиво и медъ, послѣ чего старуха Лоухи подаетъ обильныя яства.

Наконецъ она отдаетъ дочь свою Ильмаринену, и по обычаю жалѣетъ о ея судьбѣ, упрекаетъ ее за неосмотрительность въ выборѣ. Невѣста начинаетъ вздыхать и горько плакать, говоря: «я вѣрила, я думала въ цвѣтѣ жизни моей: ты еще не дѣва, пока остаешься подъ кровомъ матери; ты тогда лишь стала бы подлинно дѣвой, когда бъ послѣдовала за женихомъ, когда бъ одну ногу поставила на порогъ, а другую въ сани мужа; тогда поднялась бы ты, стала бъ головою выше. Такова была въ цвѣтѣ жизни моя надежда, и я ждала будто плодороднаго года, будто прекраснаго лѣта. Теперь близокъ мой отъѣздъ и надежда моя оправдалась: одна нога на порогѣ, другая въ саняхъ жениха. Но я уѣзжаю не радостно, я не весело покидаю золотой домъ родительскій, гдѣ провела молодость. Я, бѣдняжка, уѣзжаю съ заботой, удаляюсь съ тоскою, иду во мракъ осенней ночи, ѣду по свѣтлому льду вешнему, и не будетъ видно ни слѣда ноги на льду, ни на снѣгѣ слѣда отъ вѣянья платья моего, и матери не будетъ слышенъ мой голосъ, и отцу не будутъ внятны мои вопли. Каково-то бываетъ другимъ невѣстамъ? Не у многихъ на сердцѣ бываетъ свѣтло, какъ при вешней зарѣ; ахъ! а мнѣ такъ же грустно, какъ коню, ко-

тораго продаютъ; духъ мой мраченъ, какъ ночь осенняя, какъ пасмурный зимній день.»

Старуха-мать старается утѣшить невѣсту исчисленіемъ достоинствъ и богатства жениха; потомъ даетъ ей наставленія, совѣтуетъ быть благонравною; учитъ, какъ обращаться съ домашними и содержать въ порядкѣ хозяйство.

Послѣ того она обращается съ совѣтами и къ жениху, прося щадить молодую. Замѣчательны постепенныя наказанія, которыя старуха предлагаетъ на случай непокорности жены.» Наставляй ее при запертыхъ дверяхъ, поступай такъ въ теченіе года, первый годъ учи ее только словами; на другой годъ — движеніемъ глазъ, на третій — постукивай слегка ногою.»

«Если и это не подѣйствуетъ, возьми изъ тростника тростинку, и бей концомъ ея... Если и это останется тщетнымъ, возьми прутъ въ лѣсу, возьми въ долинѣ березовую вѣтвь, и принеси ее подъ платьемъ, чтобъ съ чужаго двора не видѣли. Этимъ нагрѣй женѣ плечи, смягчи спину. Не попадай въ глазъ, не касайся и уха; иначе тесть могъ бы спросить: не волкъ ли, не медвѣдь ли оцарапалъ ее?»

Невѣста, рыдая, благодаритъ попеременно отца, мать и домочадцевъ за ласки и попеченія, и на-

онецъ прощается съ родимой хижиной: «Оставайся ъ покоѣ, избушка съ досчатой кровлей своей: сладо будетъ возвратиться сюда когда-нибудь... Оставайтесь въ покоѣ, вы, сѣни съ досчатымъ поломъ, ты, дворикъ съ твоей сладкой рябиной! Оставляю асъ въ мирѣ, вы, поля и лѣса, богатые ягодой, и ы, озера, покрытыя сотнями островов, и вы, степи, оросшія верескомъ!»

Тутъ Иль-нъ посадилъ ее въ свои сани и помался по раменамъ горной цѣпи, одной рукой держа озжи, другою обхвативъ станъ невѣсты, одну ногу ыставивъ изъ саней, другою касаясь ноги невѣсты.

«Холодно мнѣ подъ мѣховой полостью, холодно ъ саняхъ,» говоритъ невѣста, тяжело вздыхая.

Когда они проѣхали еще нѣкоторое пространство, ѣва, поднявъ голову, говоритъ: «кто пробѣжалъ здѣсь оперегъ дороги, какой несчастной былъ здѣсь до насъ?»

«Здѣсь пробѣжалъ заяцъ,» говоритъ Ильм-нъ, и ѣва завидуетъ зайцу, а женихъ, слыша то, корчитъ ста и машетъ головой и потряхиваетъ черными воосами и съ шумомъ ѣдетъ далѣе.

Дѣва дважды повторяетъ тотъ же вопросъ: Ільмариненъ называетъ лисицу и медвѣдя; невѣста заидуетъ имъ, женихъ утѣшаетъ ее, и вотъ уже» ви-

дится жилище, ужъ дымъ вьется изъ трубъ домашнихъ.»

Мать Ильмаринена радостно бѣжитъ на встрѣчу новобрачнымъ и, введя молодую въ домъ свой, любуется ея красотой. Начинается угощеніе, при которомъ опять раздаются пѣсни Вейн-на.

Въ то время Лемминкейненъ, узнавъ о совершившейся свадьбѣ и оскорбляясь тѣмъ, что его не пригласили на пиръ, ѣдетъ въ Похіолу мстить за обиду и тамъ ведетъ себя такъ высокомѣрно, что хозяинъ вызываетъ его на поединокъ. Лемминкейненъ убиваетъ противника и принужденъ бѣжать отъ преслѣдованія жителей. Дома онъ, по требованію матери, даетъ обѣтъ не ходить на войну цѣлыя десять лѣтъ, и отправляется за девять морей на какой-то счастливый островъ, гдѣ и находитъ пристанище. Тамъ обольщаетъ онъ всѣхъ дѣвъ и проводитъ время какъ нельзя веселѣе; наконецъ однакожъ онъ вооружаетъ противъ себя мужей и опять спасается бѣгствомъ въ лодкѣ.

«Дѣвы острова начали плакать, дѣвы мыса начали сѣтовать, когда уже не стало видно мачты, не стало слышно веселъ. Онѣ плакали не по мачтѣ, тосковали не по весламъ; онѣ плакали о томъ, кто сидѣлъ подъ мачтою, тосковали о хозяинѣ веселъ. Лемминкейненъ началъ плакать, бѣдный самъ затоско-

алъ, когда уже не стало видно острова, когда скрылись верхи глиняныхъ кровель; онъ плакалъ не по островѣ, тосковалъ не по кровлямъ; онъ плакалъ о дѣвахъ острова, тосковалъ о дѣвахъ мыса.»

Провѣдавъ о бѣгствѣ Лем-на, озлобленная на него хозяйка Похіолы, старуха Лоухи велитъ сыну своему, Холоду, заморозить и лодку Лем-на и его самаго: льды оковываютъ лодку, но самъ бѣглецъ одолѣваетъ холодъ и уходитъ въ лѣсъ. Онъ съ грустью вспоминаетъ мать, воображая, какъ она тоскуетъ по немъ, какъ жалѣетъ о своихъ дѣтяхъ, которыхъ прежде у ней было много.

Ильмариненъ, вскорѣ послѣ женитьбы, покупаетъ себѣ въ рабы ребенка, по имени *Куллерво*; но этотъ мальчикъ ничего не дѣлаетъ толкомъ и всякое порученіе исполняетъ ко вреду домашнихъ. Качая дитя своихъ господъ, онъ убилъ его и сжегъ люльку; срубая деревья на пожогу для удобренія земли, онъ такъ заколдовалъ ее, что на ней ничего уже не могло рости, и т. п. Наконецъ его посылаютъ пасти коровъ; но на бѣду случилось, что въ хлѣбѣ, который жена Иль-на дала мальчику, онъ нашелъ камень. Принимая это за насмѣшку, Куллерво рѣшается отмстить, и вечеромъ, вмѣсто коровъ, гонитъ домой стадо медвѣдей. Хозяйка, слыша рожокъ, идетъ доить коровъ, и издали любуется ихъ красотою; но когда она подходитъ ближе, медвѣди бросаются на

нее, и молодая жена, дочь старухи Лоухи, погибаетъ. Тогда Куллерво оставляетъ домъ Ильмаринена и уходитъ на войну.

Въ горести о ранней потерѣ жены, Ильмариненъ начинаетъ *ковать* себѣ другую подругу изъ золота и серебра. Сначала работа не удавалась: вмѣсто дѣвы вынулъ онъ изъ пламени, сперва мечь, а потомъ коня. Только послѣ третьяго опыта образовалась дѣва, но безъ рта, безъ глазъ и съ нѣкоторыми другими недостатками. Нашедши, по этому, свое произведеніе ни къ чему негоднымъ, онъ отдалъ золотую жену Вейнемейнену; но тотъ, продрогнувъ возлѣ нея, совѣтуетъ молодому поколѣнію никогда не искать женъ изъ золота и серебра. Ильмариненъ между-тѣмъ отправился опять въ Похіолу свататься за другую дочь старухи Лоухи, но получилъ рѣшительный отказъ и возвратился въ Калевалу.

Вейнемейненъ, услышавъ отъ него, что въ Похіолѣ, благодаря чудному *Сампо*, живутъ хорошо и безпечно, уговариваетъ Ильмаринена ѣхать туда съ нимъ вмѣстѣ, чтобы похитить Сампо. Ковачь сначала колеблется, потому-что знаетъ, какъ тщательно оберегаютъ сокровище; однакожъ, наконецъ онъ уступаетъ и куетъ своему брату, Вей-ну, мечь на дорогу. Они оба отправляются въ лодкѣ, которую богъ чародѣй напередъ наполняетъ людьми — съ одной стороны дѣвками, съ другой молодцами. Плывя мимо

однаго мыса, путники замѣчаютъ на немъ Лемминкейнена и, по просьбѣ несчастнаго вѣтренника, берутъ его къ себѣ въ сподвижники.

У какаго-то водопада лодка наткнулась на щуку. Лем. и Ильм. тщетно стараются своими мечами оттолкнуть или разсѣчь рыбу; тогда самъ Вейн. опоясываетъ мечь свой и, вонзивъ его въ щуку, втаскиваетъ ее въ лодку. Разрѣзавъ ее своимъ ножемъ, онъ изъ костей ея дѣлаетъ *кàнтелу* (арфу), которую и передаетъ своимъ спутникамъ, прося ихъ играть на ней. Арфа переходитъ изъ рукъ въ руки, но никто не въ состояніи вызвать изъ нея вполнѣ усладительной музыки; вотъ Вейнемейненъ чарами посылаетъ ее въ Похіолу, гдѣ и дѣти и старцы пробуютъ надъ нею свое искуство, но безъ успѣха: арфа, подъ ихъ руками, издаетъ одни дикіе звуки. Какой-то старикъ, лежавшій на печи, просыпается и проситъ, чтобы ему не раздирали ушей, чтобы у него не отнимали сна на цѣлую недѣлю; и, если у Финскаго народа не можетъ быть лучшей музыки, чтобы бросили арфу въ море, или отдали ее тому, кто ее дѣлалъ. «Нѣтъ», отвѣчаетъ кантела струнами, «не пойду я въ море, не дамъ себя бросить въ волны: на мнѣ будетъ играть самъ творецъ мой!» И ее несутъ назадъ къ Вейнемейнену. Расправивъ себѣ персты, онъ садится на прибрежной скалѣ, поворачиваетъ кантелу на своихъ колѣнахъ и говоритъ: «Кто не слышалъ прежде веселья вѣчныхъ пѣсень, кто не слы-

шалъ звуковъ кантелы, тотъ приходи слушать!» Онъ началъ играть. Все спѣшило къ нему: и звѣри лѣсные, и птицы воздушныя, и рыбы водныя внимали съ наслажденіемъ божественной музыкѣ. Все вокругъ него рыдало отъ радости, и самъ онъ, богъ пѣснопѣнія, плакалъ: крупныя слезы текли съ лица его на землю, съ земли скатывались въ море и тамъ превращались въ прекрасныя жемчужины.

Прибывъ съ своими товарищами въ Похіолу, Вейн. усыпляетъ арфою всѣхъ тамошнихъ жителей и потомъ идетъ самъ-третей къ каменной горѣ, въ которой спрятано *Сампо.* Пока онъ дѣйствуетъ заклинаніемъ, Ильмариненъ отворяетъ ворота горы, а Лемминкейненъ отрываетъ Сампо отъ корня, и всѣ трое несутъ сокровище въ лодку. На обратномъ пути Вейн. начинаетъ пѣть. Крикъ птицы, испуганной его голосомъ, будитъ спящихъ людей Похіолы. Старуха Лоухи, увидѣвъ, что Сампо унесено, накликаетъ на Вейн-на ужасную бурю и вмѣстѣ съ своими людьми отправляется въ лодкѣ догонять его. Вейн., видя приближеніе погони, бросаетъ въ море свой кремень, и изъ кремня выростаетъ утесъ, о который лодка изъ Похіолы разбивается. Тогда старуха Лоухи принимаетъ видъ птицы: «она вёсла распустила крыльями, корму превратила въ хвостъ; потомъ снарядилась летѣть, поднялась орломъ.» Людей своихъ она взяла съ собою, и «летитъ надъ свѣтлымъ хребтомъ морскимъ, надъ открытымъ моремъ: у нея подъ

крыльями сто человѣкъ, на концѣ хвоста тысяча... Она садится на вершину мачты Вейнемейнена, и лодка его чуть не опрокинулась. Ильмариненъ, обнаживъ мечь, ударяетъ орла по когтямъ, но не наноситъ ему вреда; такъ же напрасны и удары меча Лемминкейнена; но Вейн. поражаетъ старуху однимъ кормиломъ, и отсѣкаетъ ей крылья, отрываетъ когти: у нея остается только мизинецъ, и «она падаетъ въ лодку, какъ пущенная стрѣла, какъ тетерька съ дерева, какъ бѣлка съ сучка еловаго.» Мизинецъ захватываетъ Сампо, но роняетъ его въ море, и сокровище разбивается въ куски. Отъ этихъ разсѣявшихся обломковъ произошли звѣри и богатства морскія. Крышка осталась у старухи, и уносится ею въ Похіолу: «теперь тамъ горе, нѣтъ хлѣба въ Лапландіи.»

Вейн., найдя на берегу нѣсколько кусковъ Сампо, велитъ засѣять ими землю въ Калевалѣ, и вскорѣ родятся отъ нихъ разныя деревья, даже дубъ: сперва онъ не принимался, но потомъ вдругъ разросся съ такою силой, что заслонилъ солнце. Къ счастію, нашли, хоть съ трудомъ, дровосѣка, который срубилъ его: то былъ опять крошечный человѣчекъ, вышедшій изъ моря.

Старуха Лоухи, чтобъ уничтожить внезапное плодородіе Калевалы, грозитъ Вейнемейнену, что накличетъ на его землю различныя опустошенія. Она

родитъ девять гибельныхъ сыновей, которыхъ и посылаетъ туда для истязанія народа язвами и другими бѣдствіями; но Вейнемейненъ изгоняетъ незваныхъ гостей. Тогда хозяйка Похіолы посредствомъ колдовскихъ пѣсень похищаетъ солнце и мѣсяцъ, и упрятываетъ ихъ въ гору. Желая узнать причину наступившаго за этимъ мрака, Вейн. и Ильм. восходятъ на небо, высѣкаютъ тамъ огонь, и поручаютъ какой-то дѣвѣ держать его. «И дѣва на длинномъ облакѣ, на широкой радугѣ качала огонь, баюкала пламя въ золотой колыбели, на серебряныхъ ремняхъ: серебряные ремни скрыпѣли, золотая колыбель звучала.» Но по неосторожности дѣвы, огонь падаетъ на землю. Вейн. и Ильм., сдѣлавъ лодку, отправляются въ ней искать его, плывутъ по рѣкѣ *Невѣ*. Отъ встрѣтившейся имъ старой колдуньи узнаютъ они, что огонь причинилъ много бѣдъ, и спрятанъ ею въ озеро, гдѣ его проглотила рыба. Герои успѣваютъ изловить щуку, въ которой кроется огонь, но когда разрѣзаютъ ее, то онъ вырывается на свободу, и сожигаетъ большую часть Финляндіи; наконецъ однакожъ унимается льдомъ и морозомъ изъ Похіолы.

Ильмариненъ, по просьбѣ своего брата, куетъ солнце и луну изъ серебра и золота; но они не свѣтятъ. Тогда Вейнемейненъ спѣшитъ въ Похіолу, и узнаетъ, что они спрятаны въ горѣ. Онъ вызываетъ жителей на поединокъ и, побѣдивъ ихъ, идетъ къ потаенному

мѣсту, но не можетъ растворить воротъ у горы: Ильмариненъ долженъ сковать ему ключи. Во время работы, на окно кузницы садится птичка: это сама хозяйка Похіолы въ видѣ жаворонка. «Что ты куешь?» спрашиваетъ птичка у Ильмаринена. «Ожерелье для хозяйки Похіолы,» отвѣчаетъ онъ. Испуганная старуха летитъ торопливо домой, выпускаетъ на волю солнце и мѣсяцъ. Вейнемейненъ радуется, видя ихъ опять на небѣ и восклицаетъ: «слава тебѣ, мѣсяцъ! что ты снова свѣтишь; что показываешь ликъ свой! Слава тебѣ, золотой день, что ты возсіялъ; слава тебѣ, солнце, что ты восходишь! Золотой мѣсяцъ! ты всталъ изъ камня; прекрасное солнце! ты встало изъ утеса! Ты встало какъ золотая кукушка, какъ серебряный голубь. Вставай и впредь каждое утро; приноси съ собой полноту здоровья, приноси счастливый ловъ... Совершай же путь свой весело, обходи дугу свою величаво, вечеромъ удаляйся на ликованье!»

Въ радости своей Вейнемейненъ отправляется на охоту и, убивъ медвѣдя, привозитъ его домой съ пѣснями. Народъ, слыша музыку, спѣшитъ къ нему на встрѣчу для пріема добычи. Медвѣдя несутъ въ комнату и опускаютъ на скамью. Снявъ кожу, бросаютъ его въ котелъ, и варятъ три дня. Потомъ разрѣзаютъ мясо, раскладываютъ по чашамъ и подаютъ созванному народу. Во время пира Вейн. расказываетъ успѣшный ходъ ловитвы. Когда гости наѣлись, напились и натѣшились пѣніемъ и другими

забавами, голову медвѣдя вѣшаютъ на дерево (смотри выше стр. 22), и Вейн. изъявляетъ желаніе, чтобы и впредь такими удовольствіями ублажалась Финляндія.

Онъ хотѣлъ бы увѣнчать пиръ музыкой; но арфа на днѣ морскомъ: она выпала изъ лодки во время бури, которую онъ претерпѣлъ, когда везъ похищенное Сампо. Тщетно идетъ онъ къ морю, и ищетъ кантелы граблями, которыя сковалъ ему Ильмариненъ: тогда онъ изготовляетъ новую арфу, и, играя на ней, опять восхищаетъ всю природу.

Однажды Вейнемейненъ встрѣчаетъ на пути какаго-то молодаго *Іоукахайнена*, который ѣдетъ посвистывая и не даетъ дороги, такъ-что сбруи лошадей ихъ зацѣпились одна за другую. Вейн. говоритъ: «Прочь съ дороги, Іоукахайненъ! ты моложе меня.» Но тотъ отвѣчаетъ: *молодость ничего не значитъ: кто выше познаніями, тотъ и хозяинъ дороги!*.. Возникаетъ споръ о томъ, кто изъ встрѣтившихся болѣе знаетъ. Іоуках. начинаетъ читать, по своимъ понятіямъ, курсъ естественной исторіи и ботаники, въ продолженіе чего Вейн. иногда прерываетъ его словами: «чтожъ ты еще знаешь? чтожъ размыслилъ ты далѣе?» Наконецъ Іоук. говоритъ, что онъ помнитъ сотвореніе міра. Тутъ Вейн. въ негодованіи восклицаетъ: «дѣтскія знанія! женская память! таково ли знаніе мужа-героя? я самъ пахалъ море, самъ

копалъ рвы морскіе, опрокидывалъ горы, складывалъ груды камней, я былъ третьимъ при сооруженіи столбовъ воздушныхъ, при подъятіи свода небеснаго, при усѣяніи неба звѣздами (т. е. при сотвореніи міра). Но молодой Іоукаx. искривилъ уста, судорожно своротилъ голову, скрутилъ черные волосы, и снова началъ хвалиться. Тогда разгнѣванный Вейн. принялся пѣть: вся природа содрогалась, все было въ восторгѣ, а Іоукаx., силою словъ Вейн-на погрузился въ болото по самыя плечи. Теперь онъ принужденъ умолять *вѣчнаго вѣдателя* о спасеніи. «Чтожъ ты мнѣ дашь за это?» спрашиваетъ богъ. Несчастный предлагаетъ одинъ изъ луковъ своихъ, однаго изъ своихъ коней; но Вейн. съ презрѣніемъ отвергаетъ то и другое, и не прежде даетъ Іоукахайнену свободу, какъ когда тотъ вызывается отдать ему сестру свою: «У меня есть дома сестра необыкновеннаго стана, прекраснаго роста: я отдамъ тебѣ единственную сестру мою, отдамъ дитя моей матери въ пожизненное супружество, въ подпору старыхъ дней своихъ! изреки священное слово! — и Вейн. изрекъ священное слово. Тогда молодой Іоукахайненъ, съ поникшей головой, съ уныніемъ въ душѣ побрелъ домой и плакалъ горькими слезами.» Но мать его, узнавъ о причинѣ его печали, говоритъ, что плакать нечего, потому-что она и такъ давно ужъ желала родства съ Вейн-номъ.

Сестра Іоук-на, набирая въ лѣсу прутьевъ для метлъ, встрѣчаетъ своего жениха, пришедшаго туда на охоту. Онъ проситъ ее думать впредь только о немъ, но она, рыдая, бѣжитъ домой и пересказываетъ матери слова Вейн-на. Мать утѣшаетъ ее и велитъ нарядиться въ лучшее платье. Но дѣвушка не перестаетъ плакать и грозитъ, что скорѣе бросится въ море, нежели выйдетъ за Вейн-на. Чрезъ нѣсколько времени, она въ самомъ дѣлѣ приводитъ свою угрозу въ исполненіе. Вейн., который часто удилъ, однажды вытащилъ на крючкѣ дѣвушку въ видѣ семги: но онъ принялъ ее за обыкновенную рыбу. Когда онъ сбирался рѣзать ее, она выпрыгнула изъ рукъ его въ море и сказала, кто она, но не захотѣла, какъ просилъ Вейн-нъ, выйти изъ воды еще разъ.

Между-тѣмъ, въ Калевалѣ *дѣва Маріатта*, скушавъ какую-то необыкновенную ягоду, становится беременною. Приближаясь къ разрѣшенію, она посылаетъ просить у жены *Руотуса* позволенія пойти въ его баню, но получаетъ суровый отказъ. Тогда она беретъ вѣникъ и идетъ въ конюшню, на гору Тапіо: тамъ дыханіе лошади служитъ ей вмѣсто бани, и она родитъ сына, котораго кладетъ въ *ясли* на сѣно. При *крещеніи* младенца святитель спрашиваетъ объ отцѣ его, и когда оказывается, что отца нѣтъ, то Вейн-ну предоставляютъ рѣшить участь новорожденнаго. Онъ предлагаетъ умертвить дитя

но оно вдругъ начинаетъ говорить и объявляетъ этотъ приговоръ незаконнымъ. Крещеніе совершается; но разгнѣванный Вейн. на-вѣки покидаетъ Финляндію, *оставляя ей только арфу и пѣсни.*

*

Таково содержаніе поэмы въ томъ видѣ, въ какомъ она возстановлена г. Ленротомъ. Послѣдняя (32-я) пѣснь ея, начинающаяся рожденіемъ мальчика отъ дѣвы, есть, безъ сомнѣнія, аллегорическое изображеніе борьбы Христіанства съ язычествомъ въ Финляндіи. Въ вымыслѣ этомъ видимъ самое грубое искаженіе новозавѣтнаго повѣствованія о рожденіи Спасителя; даже *Руотусъ* есть лице библейское и представляетъ Ирода, котораго Финны, въ ежедневномъ разговорѣ, до сихъ поръ такъ называютъ. Сочинитель этой руны, желая описать торжество Евангелія надъ древнею вѣрою Финновъ, вздумалъ противопоставить Вейнемейнену, какъ главѣ ея, самаго Божественнаго Младенца, перенеся искаженное преданіе о немъ въ свою отчизну; а паденіе язычества выразилъ бѣгствомъ важнѣйшаго языческаго бога, отъ котораго Финляндія сохранила однѣ *пѣсни.*

Не считаемъ нужнымъ входить въ изслѣдованіе вопроса, возбудившаго много толковъ въ самомъ отечествѣ Калевалы: за кого принимать Вейн-на съ его

сподвижниками? Видѣть ли въ нихъ боговъ, сошедшихъ на землю и дѣйствующихъ подобно людямъ, или историческія лица, въ послѣдствіи возведенныя преданіемъ въ санъ боговъ? Замѣтимъ однакожъ, что въ продолженіи поэмы какъ сами эти лица, такъ и другіе изъ приводимыхъ въ ней дѣйствователей не разъ призываютъ въ помощь всемогущаго *Укко*: онъ повсюду является верховнымъ божествомъ, небеснымъ отцомъ человѣковъ, которому все поклоняется безусловно. При сужденіи о достоинствѣ Калевалы, по ея содержанію, надобно помнить ея живое происхожденіе изъ среды націи, имѣвшей единственнымъ учителемъ въ этомъ случаѣ самую природу; не должно сверхъ того забывать, что мы теперь знаемъ Калевалу только въ томъ видѣ, въ какомъ *первый* ея собиратель, или лучше *второй* ея творецъ представилъ ее міру по *своему* взгляду на предметы, по *своимъ* догадкамъ. Онъ же или кто-нибудь другой найдетъ, вѣроятно, еще нѣсколько обломковъ этаго вѣковаго эпоса: тогда, можетъ быть, многое въ немъ пояснится, пополнится, расположится въ болѣе стройномъ порядкѣ.

Впрочемъ остовъ поэтическаго произведенія, какъ онъ здѣсь предложенъ нами, еще не знакомитъ съ красотами самаго произведенія. Чтобы дать читателямъ нѣкоторую возможность судить о тонѣ цѣлаго, мы перевели размѣромъ подлинника большую часть 29-й пѣсни — той, гдѣ описывается,

какъ Вейн. послѣ медвѣжьяго пира идетъ искать свою утраченную кантелу въ морѣ, и не нашедши ея, дѣлаетъ новую (см. стран. 84-ю). Но просимъ смотрѣть на этотъ переводъ только какъ на *опытъ*, потому-что переводить созданія народной поэзіи есть одно изъ опаснѣйшихъ предпріятій.

Изъявивъ грусть свою о томъ, что арфа его въ морѣ,

Старый, мудрый Вейнемейненъ
Къ ковачу идетъ въ ковальню
И заводитъ рѣчь и молвитъ:
«Ты искусенъ, Ильмариненъ!
Скуй мнѣ грабли изъ желѣза,
Сдѣлай къ нимъ древко изъ мѣди,
Чтобы могъ изрыть я море,
Могъ собрать тамъ волны въ кучи,
Чтобы кантелу изъ кости,
Чтобъ изъ кости щучьей арфу
Могъ найти въ палатахъ рыбы,
На бугристомъ ложѣ семги.

Ильмариненъ поспѣшно исполняетъ желаніе брата; грабли готовы: каждый зубецъ во сто саженъ длиною, рукоять въ пятьсотъ.

Ухвативъ желѣзны грабли,
Многолѣтній Вейнемейненъ

На просторъ морей выходитъ,
На широкіе заливы.
Онъ у водъ разрылъ валежникъ,
Расчесалъ камышъ высокій,
И въ холмы сдвигаетъ море,
Волны въ кучи собираетъ;
Но той арфы не находитъ;
Никогда ужъ онъ не видѣлъ
Милой кантелы пропавшей.

Въ скорби старый Вейнемейненъ
Начинаетъ путь возвратный.
Голова его поникла,
Шапка на-бокъ наклонилась.
Вотъ въ проталинѣ средь лѣса
Онъ недвижно сталъ, и взоры
Вкругъ водилъ и чутко слушалъ:
Вотъ онъ внялъ: береза плачетъ,
Свилеватая рыдаетъ.

Вотъ онъ спрашиваетъ, молвитъ:
«Что, зеленая, ты плачешь?
Что, развѣсистая, вопишь?
Въ бѣломъ поясѣ горюешь?
Иль въ походъ тебя уводятъ,
Или въ битвы посылаютъ?»

Громкимъ голосомъ, разумно,
Такъ отвѣтствуетъ береза:
«Про меня иной толкуетъ
(А иной тому и вѣритъ),

Будто въ радости живу я,
Будто вѣчно веселюся,
Отъ того, что я бѣдняжка
Весела кажусь и въ горѣ,
Рѣдко жалуюсь на муки.

Но теперь въ судьбѣ жестокой,
Въ одиночествѣ я плачу,
Что безпомощна, забыта,
Беззащитна я осталась
На печальномъ здѣшнемъ мѣстѣ,
Середи луговъ широкихъ.

У меня у горемыки,
У страдалицы вѣдь часто
Лѣтомъ рветъ пастухъ одежду,
Чрево сочное пронзаетъ.
У меня у горемыки,
У страдалицы вѣдь часто
На печальномъ здѣшнемъ мѣстѣ
Середи луговъ широкихъ
Вѣтви, листья отнимаютъ,
Стволъ срубаютъ на пожогу,
На дрова нещадно колютъ.
Ужъ три раза въ это лѣто,
Нескончаемое лѣто,
Подъ кровомъ моимъ сѣнистымъ
Были люди, и точили
Топоры свои на гибель
Головы моей побѣдной,
Головы моей и шеи;

От того весь вѣкъ я плачу,
Отъ того всю жизнь горюю,
Что, безпомощна, забыта,
Беззащитна, я осталась
Здѣсь для встрѣчи непогоды,
Какъ зима приходитъ злая.

Каждый годъ затѣмъ такъ рано
Скорбь мой образъ измѣняетъ;
Сушатъ голову заботы,
И лицо мое блѣднѣетъ,
Какъ о времени холодномъ,
О лихой порѣ я мыслю.
Вскорѣ буря мнѣ приноситъ
Холодъ съ тягостными днями —
Буря шубу прочь срываетъ,
Всѣ мои свѣваетъ листья!
Я тогда, нагая, зябну,
Предана суровой стужѣ
И жестокости метелей.

Вейнем. утѣшаетъ березу, обѣщая слезы ея обратить въ радость. Онъ срубаетъ дерево и изъ него дѣлаетъ себѣ арфу. Но гдѣ взять ему винты и колки?

Росъ въ полянѣ дубъ высокій;
Вѣтви ровныя носилъ онъ
И по яблоку на вѣтви
И на яблокѣ по шару
Золотому, а на шарѣ

По кукушкѣ голосистой.
И кукушка куковала,
Издавая звукъ за звукомъ.
Долу золото струилось,
Серебро лилось изъ клева
Внизъ на холмъ золоторебрый,
На серебряную гору:
Вотъ отколь винты для арфы
И колки для струнъ взялися.

Теперь недостаетъ только струнъ: ихъ нужно ...иять, и Вейн. спрашиваетъ:

Изъ чего я ихъ добуду,
Гдѣ волосъ найти мнѣ конскихъ?

Вотъ въ проталинѣ онъ слышитъ:
Плачетъ дѣвушка въ долинѣ,
Плачетъ — только въ половину,
Въ половину веселится;
Пѣньемъ вечеръ сокрашаетъ
До заката, въ ожиданьи,
Что найдетъ она супруга,
Что женихъ ее обниметъ.

Старый, славный Вейнемейненъ
Слышитъ жалобу дѣвицы,
Ропотъ милаго дитяти.
Онъ заводитъ рѣчь и молвитъ:
«Подари мнѣ даръ, дѣвица!

Съ головы одинъ дай локонъ,
Пять волосъ мнѣ поднеси ты,
Дай шестой еще въ добавокъ,
Чтобъ у арфы были струны,
Чтобы звуки получило
Вѣчно-юное веселье.»

И даритъ ему дѣвица
Съ головы прекрасный локонъ,
Пять волосъ еще подноситъ,
Подаетъ шестой въ добавокъ.
Вотъ отколь у арфы струны,
У веселья звуки взялись.

Послѣ старый Вейнемейненъ
Самъ напѣвы устроаетъ;
Чтобъ веселье звать, садится,
Онъ на лѣстницѣ мощеной,
На сѣдалищѣ сосновомъ
На краю скамьи желѣзной.

Тамъ онъ въ струны ударяетъ;
Тамъ онъ звонко припѣваетъ;
Онъ играетъ полнозвучно,
И по пѣснямъ строитъ голосъ.
Сладко свиль гремитъ; ликуетъ
Стовѣтвистая береза,
Голосятъ дары кукушки,
Распѣваетъ локонъ дѣвы.

Такъ играетъ Вейнемейненъ:
Мощный звонъ летитъ отъ арфы;
Долы всходятъ, выси никнутъ,
Никнутъ выспреннія земли,
Земли низменныя всходятъ,
Горы твердыя трепещутъ,
Откликаются утесы,
Жнива вьются въ пляскѣ, камни
Разсѣдаются на брегѣ,
Сосны зыблются въ восторгѣ.
Сладкій звонъ далеко слышенъ,
Слышенъ онъ въ шести селеньяхъ,
Оглашаетъ семь приходовъ.
Птицы стаями густыми
Прилетаютъ и тѣснятся
Вкругъ героя-пѣснопѣвца.

Суомійской * арфы сладость
Внялъ орелъ въ гнѣздѣ высокомъ,
И птенцовъ позабывая,
Въ незнакомый край несется,
Чтобы кантелу услышать,
Чтобъ насытиться восторгомъ,
Царь лѣсовъ съ косматымъ строемъ
Пляшетъ мѣрно той порою,
Какъ отецъ веселье будитъ,
Какъ играетъ Вейнемейненъ.

* *Суомія* есть Финское названіе Финляндіи.

Старый, славный Вейнемейненъ
Восхитительно играетъ,
Тоны дивные выводитъ.
Точно такъ, когда игралъ онъ
У себя, въ сосновомъ домѣ,
Откликался кровъ высокій,
Окна въ радости дрожали,
Полъ звѣнѣлъ, мощеный костью,
Пѣли своды золотые.
Проходилъ ли онъ межъ сосенъ,
Шелъ ли межъ высокихъ елей —
Сосны низко преклонялись,
Ели гнулися привѣтно,
Шишки падали на землю,
Вкругъ корней ложились иглы.
Углублялся ли онъ въ рощи,
Рощи радовались громко;
По лугамъ ли проходилъ онъ —
У цвѣтовъ вскрывались чаши,
Долу стебли поникали.

Эта пѣснь, которая, чувствуемъ сами, много по-
теряла въ нашемъ переводѣ, была приложена, как
образчикъ изъ Калевалы, къ письму г. Рунеберга
откуда мы уже сдѣлали нѣсколько выписокъ. Любо-
пытно видѣть, какое впечатлѣніе руна сія произ-
вела на національнаго и ученаго пѣвца Финляндіи
съ удовольствіемъ переводимъ слова его и по этому
предмету:

«Миѳическое преданіе, заключающееся въ этой ѣсни, кажется мнѣ неизъяснимо-плѣнительнымъ и строумнымъ. Радость Вейн-на, его кантела упала ъ море. Напрасны всѣ его старанія отыскать ее.)нъ разгребаетъ самое море, но арфа навѣки исчез-а. Почти у всѣхъ народовъ живетъ представленіе о акомъ-то утраченномъ блаженствѣ, о лучшей жизни, ывшей нѣкогда удѣломъ смертныхъ. Финскій на-одъ, у котораго первымъ предметомъ поклоненія ылъ богъ пѣсень, представлялъ себѣ, кажется, это ервобытное блаженство въ образѣ первой кантелы Зейн-на: ея звуками оно было пробуждено, и съ нею авсегда погрузилось въ бездны морскія. Отъ сего ысшаго сокровища Вейн. сохранилъ любовь къ пѣс-нямъ и потребность въ ихъ очарованіи. Онъ не мо-жетъ найти своей первоначальной арфы; но онъ дѣ-лаетъ себѣ другую, которая, если звуки ея и не такъ оскошны, все-таки даетъ ему возможность изливать го чувствованія, и нѣкоторымъ образомъ вознаграж-даетъ утрату. По-этому замѣчательно, что преданіе *, зображая Вейн-на играющимъ, говоритъ, что обиль-ныя слезы текутъ по его лицу, какъ будто въ гру-и его живетъ память о чистѣйшихъ, прекраснѣй-шихъ звукахъ, которыхъ потерю онъ въ тишинѣ плакиваетъ; и въ то же время онъ однакожъ мощ-ымъ пѣніемъ своимъ животворитъ вокругъ себя рироду и привлекаетъ всѣхъ тварей. Таковъ удѣлъ

* Если не въ 29-й пѣсни, то въ другихъ.

поэта. Онъ помнитъ идеалъ, лиру съ прекраснѣйшими звуками, и если для возсозданія ихъ онъ ударитъ въ струны той лиры, которую держитъ въ рукахъ, то ея музыка вызоветъ у него только слезу скорби, хотя бы весь міръ внималъ ему съ удивленіемъ и восторгомъ.

«Конечно, вы найдете, что и 29-я руна, описывая происхожденіе новой арфы, богата прекрасными символами. Кажется, вся природа, какъ бы мрачная и отверженная, когда ея не озаряетъ поэзія, раздѣляетъ грусть Вейн-на. Даже береза сѣтуетъ, что стоитъ въ ничтожествѣ, въ сиротствѣ посреди степи, предоставленная произволу зимнихъ вьюгъ и ударамъ опустошительнаго топора. Тогда къ ней приближается богъ съ миромъ и утѣшеніемъ. —Не плачь, говоритъ онъ: и ты обрѣтешь цѣль, получишь назначеніе въ полнотѣ бытія; и ты создана для звуковъ; ты въ рукахъ пѣвца еще найдешь сладкое веселье. — Какъ просто отражается здѣсь свѣтъ, разливаемый пѣснопѣніемъ на міръ, который безъ того былъ бы холоденъ и мраченъ — свѣтъ, соединяющій съ собою понятіе о внѣшности, которая сама по себѣ была бы царствомъ зимы и смерти. Далѣе руна описываетъ, какъ Вейн., для изготовленія арфы, заимствуетъ ея составныя части у дерева, птицы и дѣвы: здѣсь по видимому символически означено, что духъ, для выраженія себя, имѣетъ надобность въ разнообразной внѣшности, что поэзія

свойственно почерпать свое богатство, свои предметы изъ всѣхъ явленій природы, отъ недвижнаго растенія до свободно-разумнаго человѣка. Самую арфу доставляетъ береза, винты—птица, а вѣнецъ всего, струны—человѣкъ. Всѣ части необходимы; но какая остроумная постепенность въ сочетаніи ихъ, по отношенію существъ, отъ которыхъ онѣ заимствованы!

«Чувствую, что опасно пускаться такимъ образомъ въ объясненіе миѳическихъ понятій; подобное толкованіе, хотя бы оно и было удачно, должно всегда казаться холоднымъ и неполнымъ противъ живой поэзіи, въ какую облеченъ миѳъ. Я увѣренъ, что вы въ этомъ согласитесь со мной, при прочтеніи самой руны; при всемъ томъ, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить вамъ мой взглядъ на нѣкоторые символы. Мы все еще напрасно ожидаемъ Финской миѳологіи, хотя нашимъ литературнымъ обществомъ и назначена премія за сочиненіе въ этомъ родѣ. Въ Калевалѣ открытъ къ тому источникъ и богатый и всѣмъ доступный; но, можетъ быть, глубокость миѳическихъ представленій пугаетъ даже и лучшихъ знатоковъ языка.»

На сей разъ довольно о Калевалѣ. Хвала и честь г-ну Ленроту! Чтобы вполнѣ оцѣнить услугу, какую онъ оказалъ не только своему отечеству, но и всему ученому міру, надобно знать всѣ тѣ трудности и лишенія, которымъ онъ добровольно подвергся для совер-

шенія своего высокаго замысла; надобно помнить, что онъ въ борьбѣ съ нуждою ходилъ пѣшкомъ по странѣ пустынной и бѣдной, гдѣ встрѣчалъ множество и препятствій и опасностей со стороны не только природы, но и самой націи, посреди которой странствовалъ — мнительной и неохотно допускающей, кого бы ни было, въ святилище своей внутренней жизни. По-этому, сколько желѣзнаго постоянства, сколько ловкости и гибкости нужно было г. Ленроту для достиженія его цѣли! Съ притворнымъ простодушіемъ, съ поникшей головой, примѣняясь и видомъ и одеждой къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ онъ имѣлъ надобность, вступалъ терпѣливый путешественникъ подъ кровлю своихъ убогихъ земляковъ. Будто чуждый всякаго намѣренія, садился онъ рядомъ съ ними на ихъ сосновую скамью, и, какъ свойственно Финнамъ, хранилъ нѣсколько минутъ угрюмое молчаніе. Потомъ начиналъ онъ безпечно осматриваться изъ-подъ нависшихъ волосъ, и завязывалъ какъ-бы случайный разговоръ о томъ и семъ. Но мало по малу, непримѣтно, подводилъ онъ своего собесѣдника къ желанному предмету, и добрякъ довѣрчиво принимался пѣть—пѣлъ безъ-устали все, что зналъ; а между-тѣмъ внимательный посѣтитель записывалъ каждую пѣсню, не упуская ни словечка. Часто помогало ему, въ пріобрѣтеніи довѣренности крестьянъ, его докторское званіе и то облегченіе, какое онъ, будто присланный небомъ утѣшитель, подавалъ безпомощнымъ страдальцамъ своими лекар-

ствами. Вотъ какъ г. Ленротъ, въ тишинѣ, безъ всякаго посторонняго поощренія, движимый одною любовью къ прекрасному, совершилъ дѣло, которое не дастъ умереть его имени. Но такова странность природы человѣческой и недовѣрчивость скромнаго достоинства къ самому себѣ! Когда всѣ въ послѣдствіи напечатанныя пѣсни Калевалы были уже въ рукахъ собирателя, онъ не разъ терзался сомнѣніемъ въ своихъ способахъ кончить начатое. Въ концѣ его предисловія къ Калевалѣ находимъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Но я въ продолженіе своей работы не могъ утѣшаться тѣмъ, что для многихъ составляетъ облегченіе въ трудѣ — надеждою, что произведу прекрасное цѣлое. Я всегда сомнѣвался въ способности своей сдѣлать что-либо годное, а во время настоящаго занятія сомнѣніе это до того усиливалось, что я не разъ былъ готовъ въ огонь бросить все написанное. Съ одной стороны я себѣ не довѣрялъ въ искуствѣ расположить пѣсни къ общему удовольствію, а съ другой боялся, вопреки своимъ усиліямъ, подвергнуться строгому суду за неконченную работу. Но пусть будетъ такъ: идите въ свѣтъ, пѣсни Калевалы, хотя и не въ совершенномъ видѣ, ибо, если вы останетесь долѣе въ моихъ рукахъ, огонь можетъ сдѣлать изъ васъ нѣчто болѣе совершенное!»

Часто ли въ нашъ бездушный вѣкъ повторяются примѣры столь добросовѣстной и безкорыстной дѣятельности?

Я. Гротъ.

ОБЪ ОТРЫВКѢ ИЗЪ ДНЕВНИКА А. С. ПУШКИНА.

Въ № 7 Сына Отечества 1840 года я прочелъ отрывокъ изъ Записокъ покойнаго сына моего. Не считаю нужнымъ прибавлять, что эти Записки ошибкою попались въ число бумагъ, предназначенныхъ авторомъ для печати. Если тамъ прямо сказано: «*все это я знаю темно, и никогда отецъ мой не говорилъ объ этомъ*», не явно ли, что расказы сіи брошены на бумагу единственно по причинѣ ихъ невѣроятности, на память того, чѣмъ воображеніе случайно поражено было, а не для всеобщаго извѣстія?

Но здѣсь идетъ рѣчь о покойномъ отцѣ моемъ, добродѣтельнѣйшемъ изъ людей, котораго память священна мнѣ и сестрѣ моей, остающимся въ-живыхъ.

Я обязанъ опровергнуть ложные расказы: мое молчаніе показало бы, что я во всемъ соглашаюсь.

Отецъ мой никогда не былъ *жестокъ*, какъ сказано въ отрывкѣ; онъ былъ любимъ, уважаемъ, почитаемъ даже тѣми, которые знали его по одному слуху. Онъ былъ примѣрный господинъ для своихъ людей, оплакиваемъ ими какъ дѣтьми; многіе изъ вольныхъ, по тогдашнему обычаю, пожелали быть его крѣпостными.

Взаимная любовь его и покойной матери моей была примѣрная. Никто не помнилъ и не слыхалъ ни о малѣйшемъ отступленіи отъ вѣрности, отъ должнаго уваженія другъ къ другу, во все продолженіе ихъ нѣжнаго тридцатилѣтняго союза. Какъ! мой отецъ принудить могъ насильственнымъ образомъ мать мою ѣхать съ нимъ на обѣдъ въ послѣдніе часы ея беременности!.. онъ, который, отъѣхавъ изъ Москвы въ свою подмосковную на нѣсколько дней, воротился съ дороги, чувствуя себя не въ состояніи перенести краткой разлуки! Кто могъ сыну моему дать столь лживое понятіе о благородномъ характерѣ моего отца?.. Я подозрѣваю виновнаго, но да проститъ ему Всевышній — и онъ уже давно предсталъ предъ судъ Божій...

Исторія о Французѣ и первой женѣ отца моего увеличена. Отецъ мой никогда не вѣшалъ никого,

не содержался въ крѣпости двухъ лѣтъ: онъ находился нѣкоторое время подъ домашнимъ арестомъ — это правда, но пользовался свободой. Въ поступкѣ его съ Французомъ участвовалъ родной братъ жены его, А. М. Воейковъ: сколько я знаю, это ограничилось тѣлеснымъ наказаніемъ — и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отецъ мой, и въ счастливомъ супружествѣ своемъ съ моею матерью, съ нѣжностію вспоминалъ о первой женѣ своей (на которой онъ женился 16-ти лѣтъ). Дѣти ея, большіе мои братья, любили и почитали мать мою, какъ свою родную, и послѣ кончины отца моего не предпринимали ничего безъ ея согласія. Отецъ мой никогда не жилъ въ деревняхъ своихъ, какъ сказано въ отрывкѣ: онъ отъѣзжалъ лѣтомъ мѣсяца на два въ подмосковную — прочее время жилъ всегда въ Москвѣ открытымъ домомъ. Я помню, что не было дня, въ которой не съѣзжались бы къ намъ родные и знакомые, всѣ уважающіе моего родителя. Слово его было законъ, и честность въ сохраненіи своихъ обязанностей главною чертою его характера. Часто онъ сзывалъ бѣдныхъ на сытный обѣдъ, послѣ котораго одѣлялъ ихъ деньгами — и я теперь еще съ умиленіемъ вспоминаю, какъ толпа нищихъ тянулась по обширному двору нашего дома съ молитвою о его долголѣтіи. Благочестіе его, покорность къ волѣ Всевышняго, набожность безъ суевѣрія и предразсудковъ привлекли къ нему почетное духовенство того времени, извѣстное своимъ просвѣщеніемъ и святою

жизнію. Преосвященный Платонъ, Московскій митрополитъ, пожелалъ непремѣнно при погребеніи его служить обѣдню, и похоронилъ прахъ его въ самой церкви Донскаго монастыря предъ алтаремъ. Вотъ, что я могу сказать о моемъ родителѣ. Много и другихъ ошибокъ въ напечатанномъ отрывкѣ, но повторяю, что сынъ мой не писалъ и не могъ писать съ намѣреніемъ когда-нибудь напечатать это.

Примѣчаніе. Расказъ о смерти, на соломѣ въ домашней тюрьмѣ, первой жены отца моего не заслуживаетъ даже опровер;кенія. Кто не знаетъ, что въ XVIII столѣтіи таковыя тюрьмы не могли существовать въ Россіи и въ Москвѣ!.. Правительство потерпѣло ли бы такое ужасное злоупотребленіе силы и власти? Родные ея не прибѣгнули ли бы подъ защиту законовъ? Послѣ такаго жестокаго поступка, сохранили ли бы они родственную, дружескую связь съ отцомъ моимъ? Я съ самаго младенчества помню ея брата Александра Матвѣевича Воейкова, роднаго зятя ея Сергія Ивановича Грушецкаго, родныхъ ея племянниковъ Жеребцовыхъ. Всѣ они такъ часто были у отца моего; не пропускали по тогдашнему обычаю ни однаго праздника, чтобы не пріѣхать къ нему съ поздравленіемъ какъ къ старшему въ семействѣ. Сообразно ли это съ сказаннымъ въ отрывкѣ? Я помню, что Владиміръ Сергіевичь Грушецкій, сынъ С. И., скончавшійся только прошлаго года сенаторомъ въ

Петербургѣ, всякое воскресенье, съ девяти часовъ утра, въ гвардейскомъ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ, былъ уже у отца моего. Онъ напоминалъ мнѣ предъ самою почти кончиною, какъ часто онъ носилъ меня на рукахъ. Оставляю все это на судъ и размышленіе моихъ читателей.

Сергій Пушкинъ.

КРИТИКА.

ОТЕЛЛО ШЕКСПИРА *.

Кто-то сказалъ, что трагедія ужасомъ и жалостію очищаетъ душу. Это значитъ: возбуждая сочувствіе, она изгоняетъ изъ сердца эгоизмъ. Она внушаетъ намъ участіе къ человѣчеству. Она ставитъ великое, отдаленное и возможное вмѣсто малаго, близкаго и дѣйствительнаго. Она связываетъ человѣка съ его родомъ. Она покоряетъ и смягчаетъ непреклонность воли. Она объясняетъ человѣку, что и теперь и прежде были люди, подобные ему, показывая, какъ въ зеркалѣ, чувства, мысли и поступки ихъ. Она открываетъ всѣ стороны человѣческаго сердца. Она заставляетъ насъ принимать участіе во всемъ, что можетъ трогать общую природу нашу. Она воз-

* Современника Т. XIII, стран. 139, *первой нумераціи.*

буждаетъ чувствительность, представляя страсти развитыми до такой степени, какой только можетъ достигнуть сила воображенія, или очарованіе сближенныхъ обстоятельствъ. Она потрясаетъ насъ гибельными дѣйствіями страстей, указывая на страданія и преступленія, до которыхъ довели онѣ другихъ. Трагедія вноситъ въ душу равновѣсіе. Она заставляетъ насъ съ размышленіемъ смотрѣть на жизнь. Для нѣкоторыхъ она становится очистительницею, а для всѣхъ наставницею.

Изученіе поэзіи и произведеній искуства есть существенная часть воспитанія. Образованіе вкуса необходимо для довершенія лучшихъ качествъ человѣка. Однѣ науки—тяжелы, и въ нихъ есть что-то механическое. Онѣ занимаютъ умъ предметами, находящимися внѣ насъ, и оставляютъ сердце въ бездѣйствіи, или погружаютъ его въ наши собственныя, непосредственныя и мелочныя выгоды.

Отелло можетъ пояснить сказанное выше. Эта пьеса въ чрезвычайной степени возбуждаетъ наше сочувствіе. Нравственное чувство въ сей трагедіи тѣснѣе связывается съ обстоятельствами жизни, нежели въ другихъ пьесахъ Шекспира. Трагедія Отелло прямо касается сердца и вообще человѣка. Патетическое въ *Лирѣ* конечно страшнѣе и сильнѣе, но оно не такъ натурально, не такъ близко къ ежедневнымъ случаямъ жизни. Мы не сочувствуемъ съ та-

кою живостію страстямъ, описаннымъ въ *Макбетѣ*. Интересъ въ *Гамлетѣ* не такъ близокъ къ намъ и не имѣетъ собственнаго свѣта, а только отблескъ. Интересъ въ *Отелло* въ одно время равно глубокъ и умилителенъ.

Картинныя противоположности характеровъ въ этой пьесѣ почти столько же примѣчательны, какъ и глубокость страсти. Мавръ Отелло, кроткая Дездемона, низкій злодѣй Яго, добродушный Кассіо, глупый Родриго, представляютъ рядъ характеровъ, которыхъ разнообразіе также разительно и, можно сказать, осязаемо, какъ въ картинѣ отличіе костюмовъ. Ихъ особенности являются такъ рѣзко передъ умственными взорами нашими, что даже тогда, когда мы не думаемъ о дѣйствіяхъ или чувствованіяхъ ихъ, представленіе сихъ лицъ все также ясно передъ нами. Эти характеры и образы, напечатлѣвающіеся въ умѣ нашемъ, отдѣлены между собою на разстояніе безконечное: одна только степень знанія и изобрѣтательности, которой достигнулъ поэтъ при воплощеніи сихъ чудныхъ созданій своего генія, можетъ быть выше той истины и легкости, съ какою онъ усвоилъ каждому лицу характеръ его, или слилъ различныя качества ихъ въ одной повѣсти. Какую противоположность составляетъ характеръ Отелло съ характеромъ Яго! Въ тоже время сила представленія, съ которою эти два лица противопоставлены одно другому, выказывается еще могущественнѣе при

совершенной совмѣстности, съ какою черты каждаго характера доведены до высочайшей отдѣлки. Представить однаго чернымъ, а другаго бѣлымъ, однаго безчестнымъ, другаго до крайности несчастливымъ—было бы довольно для достиженія драматической цѣли, довольно для честолюбія обыкновеннаго нравоописателя. Шекспиръ обработалъ малѣйшіе въ нихъ оттѣнки съ такою заботливостію и искуствомъ, какъ будто успѣхъ его предпріятія зависѣлъ единственно отъ исполненія. Съ другой стороны Дездемона и Эмилія не представляются сильно противоположными одна другой. По наружности, не имѣя ничего необыкновеннаго, онѣ столько одна отъ другой отличны, сколько должны быть женщины различнаго званія и положенія. Между-тѣмъ разность мыслей и чувствованій ихъ совершенно видна; души ихъ отдѣляются одна отъ другой такъ же ясно и безошибочно, какъ и свойства мужей ихъ.

Движеніе страсти въ *Отелло* чрезвычайно отлично отъ изображеннаго въ *Макбетѣ*. Въ Макбетѣ, почти съ начала до конца, поддерживается сильная борьба между противоположными чувствами — честолюбіемъ и угрызеніями совѣсти; въ Отелло сомнительное столкновеніе противоположныхъ страстей, сколь ни поразительно оно, продолжается немного времени, и главный интересъ возбуждается ихъ перемѣннымъ вліяніемъ, совершеннымъ и непредвидѣннымъ переходомъ отъ нѣжнѣйшей любви и самой

неограниченной довѣренности къ мукамъ ревности, злобы и ненависти. Мщеніе, овладѣвъ совершенно душею Отелло, уже не оставляетъ ея, но съ каждою минутою отлагательства дѣлается сильнѣе. Мавръ отъ природы благороденъ, довѣрчивъ, нѣженъ и великодушенъ; но кровь его самая пламенная — и взволнованный чувствомъ оказанной ему несправедливости, онъ до тѣхъ поръ не останавливается угрызеніями совѣсти или жалостію, пока не удовлетворилъ всѣмъ внушеніямъ своего бѣшенства и отчаянія. Въ этой изумительной переработкѣ благородныхъ свойствъ его быстрыми, но понятными переходами; въ доведеніи страсти отъ малѣйшихъ началъ до ея высочайшей степени; въ изображеніи любви и ненависти, нѣжности и гнѣва, ревности и угрызеній, борющихся до издыханія; въ развитіи силы и слабости природы нашей; въ соединеніи возвышенности мысли съ мученіями жесточайшей скорби; въ сообщеніи движенія многоразличнымъ побужденіямъ, волнующимъ наше смертное существованіе—и наконецъ въ сліяніи ихъ въ благородномъ приливѣ страсти, глубокой и продолжительной, буйной, но возвышенной, страсти, которая *«течетъ къ Геллеспонту и не знаетъ отлива»*, Шекспиръ показалъ могущество своего генія и своей власти надъ сердцемъ человѣческимъ. Третій актъ Оттело есть верхъ искуства его, не по знанію или страсти отдѣльно, но по обѣимъ вмѣстѣ; верхъ искуства—по знанію характера и выраженію страсти, по совершенному умѣнью согласить вѣроят-

ности съ сильными дѣйствіями природы и съ судорожными движеніями смерти, по изобрѣтенію мученій и перенесенію ихъ. Буря страсти поднимается не только изъ глубины души, но каждое легкое движеніе чувствъ примѣтно на поверхности, по мѣрѣ того, какъ возбуждается оно внушеніями воображенія, или различными вѣроятностями, злобно представленными Яго. Постепенное приготовленіе къ развязкѣ чудесно ведется отъ перваго расказа Мавра о томъ, какъ онъ влюбился, и о *волшебствахъ и чарахъ употребленныхъ имъ*, отъ его неожиданныхъ и романическихъ успѣховъ, отъ сладкаго удовольствія, съ которымъ онъ смотритъ на свое счастіе, отъ безусловной нѣжности Дездемоны и ея невинныхъ и неотступныхъ просьбъ за Кассіо, раздражающихъ подозрѣнія, внушенныя мужу ея вѣроломнымъ Яго, и отравляющихъ все существо его — до того времени, какъ онъ теряетъ всю власть надъ собою, и бѣшенство утоляется только кровію. Передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ Яго начинаетъ приводить въ исполненіе планъ свой, Дездемона выводится на сцену просящею за Кассіо со всею необдуманною веселостію дружества и плѣнительнымъ довѣріемъ къ любви Отелло.

«Какъ? Микель Кассіо? который приходилъ всегда
«съ тобою, когда ты сватался за меня? который
«столько разъ защищалъ тебя, когда я дурно гово-
«рила о тебѣ? За него надобно такъ долго просить

«тебя? Но это не милость, это все равно, какъ «будто бы я просила тебя надѣть перчатки, ѣсть вкусное кушанье, или одѣться потеплѣе; какъ будто бы «я просила тебя сдѣлать что-нибудь особенно выгодное для тебя самаго. Но если бы я имѣла просьбу, которою въ самомъ дѣлѣ хотѣла бы тронуть «любовь твою — эта просьба должна быть совсѣмъ «другаго рода: она должна быть тяжела и трудна, «и исполненіе ея страшно.»

Довѣренность Отелло, сначала только встревоженная отрывистыми намеками и внушеніями, возвращаетъ всю силу свою при видѣ Дездемоны, и онъ восклицаетъ:

«Если она лицемѣритъ—о! тогда небо смѣется само «надъ собою! Я не вѣрю этому.»

Но вдругъ онъ предается всею душею подозрѣніямъ, уступаетъ въ полной мѣрѣ страхамъ своимъ, и тайная ревность его превращается въ открытое бѣшенство, и онъ опять идетъ къ Яго, какъ дикій звѣрь, уязвленный ядовитою стрѣлою охотника. *«Смотри, вотъ онъ идетъ»* и проч. Въ этомъ состояніи раздраженія и лютости, когда первые припадки печали и нѣжности излились уже въ страстныхъ словахъ: *«я не чувствовалъ поцалуевъ Кассіо на губахъ ея»* и проч., Яго не трудно было ложными выдумками и картинами, самыми отвратительными для души Отелло, отвести отъ се-

бя бурю страсти, обратить ее на Дездемону, и погрузить несчастнаго въ смертельныя страданія сомнѣнія и страха, посреди которыхъ онъ теряетъ въ одну минуту всю любовь свою и всѣ надежды.

«Теперь я вижу, что это правда. Посмотри, Яго:
«такъ развѣваю я по воздуху всю нѣжную любовь.
«Она улетѣла туда же... подъ небеса. Поднимись,
«черное мщеніе, изъ адской пропасти! уступи, о
«любовь! твой милый вѣнецъ и тронъ мучитель-
«ной ненависти. Наполни грудь твоею тяжестію: ты
«видишь здѣсь языки аспидовъ.»

Съ этой минуты яростныя мысли его «*никогда не возвращаются назадъ, никогда не увлекаются отливомъ къ смиренной любви*» до тѣхъ поръ, пока онъ не удостовѣрился въ вѣрности своего мщенія. Томительное сожалѣніе и невольныя воспоминанія о минувшихъ событіяхъ, пробѣгая въ умѣ его посреди смутныхъ волненій страсти, только увеличиваютъ чувство оскорбленій, ему нанесенныхъ, но не измѣняютъ его рѣшимости. Одинъ разъ однакожъ — когда Яго показываетъ ему Кассіо съ платкомъ въ рукѣ, и кажется, шутитъ надъ его бѣдствіями—невыразимая тоска души, сильное чувство стыда, невольно заставляютъ его хвалить красоту ея и погрузиться въ минутное ощущеніе слабости. «По пожалѣй о ней, Яго! О! Яго, пожалѣй о ней!» Между-тѣмъ эта нѣжность, на минуту возвратившаяся, по руководству Яго, служитъ только

къ тому, чтобы изощрить мщеніе Отелло, чтобы возстановить еще болѣе сердце его противъ Дездемоны. Въ разговорахъ его съ нею, увѣренность въ винѣ ея и ясныя доказательства ея обмановъ, кажется, раздражаютъ его негодованіе и отвращеніе къ ней; но въ сценѣ, предшествующей смерти ея, воспоминаніе о любви возвращается къ нему со всею нѣжностію и силою; а послѣ смерти ея, въ незапномъ и невозвратномъ чувствѣ своей потери, онъ вдругъ забываетъ всѣ оскорбленія, ему нанесенныя.

«Жена моя! жена моя! Какая жена? У меня нѣтъ жены!
«О нестерпимый, о тяжкій часъ!»

Онъ говоритъ это прежде, нежели удостовѣряется въ ея невинности; послѣ, угрызенія совѣсти его столь же ужасны, какъ было прежде — мщеніе, они уступаютъ только — неподвижному, похожему на смерть — отчаянію. Въ прощальной рѣчи своей, передъ минутой, въ которую закалывается—онъ представляетъ сенату причины убіенія жены — и эта послѣдняя рѣчь его во всемъ равняется первой, гдѣ онъ отдаетъ сенаторамъ отчетъ въ сватовствѣ своемъ *«во всей исторіи любви своей.»* Такой только конецъ могъ быть достоинъ такаго начала.

Если что-нибудь можетъ еще увеличить силу сочувствія нашего къ Отелло или состраданія къ судьбѣ его, конечно это откровенность и великодушіе его.

Когда Яго въ первый разъ начинаетъ дѣйствовать на дружество его, ничего не подозрѣвающее, онъ отвѣчаетъ:

«Нельзя изъ меня сдѣлать ревнивца, сказавъ, что «жена моя прекрасна, весела, любитъ общество, сво-«бодно говоритъ обо всемъ, поетъ, играетъ и хорошо «танцуетъ; гдѣ есть добродѣтель, такія женщины «бываютъ тамъ самыми добродѣтельными. И мои «собственные недостатки не внушатъ мнѣ также «ни малѣйшаго страха, или сомнѣнія въ ея вѣрно-«сти: у нея были глаза—и она избрала меня.»

Этотъ характеръ прекрасно (и съ умилительною простотою) подтверждается тѣмъ, что говоритъ о немъ сама Дездемона Эмиліи послѣ потери платка, перваго залога любви его къ ней.

«Повѣрь мнѣ, я лучше бы желала потерять коше-«лекъ мой, наполненный крузадами. Но мой бла-«городный Мавръ справедливъ и не знаетъ той ни-«зости, къ которой способны ревнивцы: иначе, эта-«го было бы довольно, чтобы заставить его дурно «подумать.»

Эмилія. «Онъ не ревнивъ?»

Дездемона. «Кто онъ? Я думаю, что солнце той страны, гдѣ онъ родился, высушило въ немъ все расположеніе къ тому.»

Въ короткой рѣчи Эмиліи представляется одинъ изъ тѣхъ косвенныхъ намековъ волнующейся страсти, какіе мы встрѣчаемъ рѣдко у кого-нибудь другаго, кромѣ Шекспира. Когда Отелло уже рѣшился на умерщвленіе жены своей и приказываетъ ей отпустить на ночь прислужницу ея, Дездемона отвѣчаетъ:

«Хорошо, синьоръ.»
Эмилія. «Каковъ онъ теперь? *Тише ли сталъ*?»

Въ этихъ трехъ словахъ Шекспиръ заключилъ то, что другіе растянули бы на нѣсколько страницъ.

Характеръ Дездемоны неподражаемъ самъ по себѣ и по той противоположности, какую представляетъ онъ съ неосновательною ревностію Отелло и низкимъ заговоромъ, погубившимъ эту невинную жертву. Красота и наружныя прелести ея освѣщены не прямымъ, но косвеннымъ свѣтомъ; мы видимъ *лице ея въ ея душѣ;* нравственное существо ея вездѣ преобладаетъ надъ тѣлеснымъ.

«Дѣвушка, никогда не бывшая смѣлою: такая тихая
«и смирная, что она краснѣетъ сама себя.»

Только одно прекрасное привѣтствіе говоритъ ей Кассіо, торжественно восклицая при ея выходѣ на берегъ Кипрскій, послѣ бури:

«Самыя бури, высоко вздымающееся море, воющіе «вѣтры, какъ будто имѣя понятіе о красотѣ, оставили смертельныя свойства свои и пропустили без«опасно проѣхать по волнамъ божественную Дездемону.

Вообще—какъ случается это съ большею частію женскихъ лицъ Шекспира, мы забываемъ о личныхъ прелестяхъ Дездемоны, восхищаясь ея любовью и преданностью къ мужу, *«Она покорна даже самому ремеслу своего мужа, и посвятила чести Отелло и славной его долѣ душу и всю судьбу свою.»* Это собственныя слова Дездемоны, которыя также святы, какъ она сама. Истина понятія, съ которою соединены робость и рѣшительность въ одномъ и томъ же характерѣ — болѣе нежели удивительна. Чудная смѣлость Дездемоны, упорство ея любви, можно сказать, раждаются отъ кротости души ея. Онѣ же придаютъ чистотѣ ея намѣреній непритворную увѣренность въ святости любви — совершенное оставленіе всѣхъ страховъ; онѣ неразрывно связываютъ все существо ея (ея сердце и душу) съ судьбою другаго. Исключая начало страсти ея, которое можетъ назваться нѣсколько фантастическимъ и своенравнымъ (хотя и это, кажется, можетъ быть отнесено къ ея неспособности противиться возраждающейся склонности), весь характеръ ея состоитъ въ совершенномъ отсутствіи собственной воли и въ безпредѣльной покорности. Романическое въ ней есть только слѣдствіе домашней и практичес-

кой части ея духорасположенія; и вмѣсто того, чтобы слѣдовать за Отелло на войну, она охотно «*осталась бы дома какъ мирная моль*», если бы мужъ ея могъ также остаться съ нею. Ея повиновеніе и ангельская кротость нрава не оставляютъ ее до конца. Сцены, въ которыхъ она оплакиваетъ и старается объяснить отчужденіе отъ нея Отелло, неподражаемо-прекрасны. Получивъ отъ него ударъ и названія, столь неприличныя для нея, она говоритъ:

«О добрый Яго, что дѣлать мнѣ, чтобы снова возвратить сердце супруга моего? Добрый другъ, поди «къ нему: клянусь тебѣ свѣтомъ небесъ, я не знаю, «какимъ образомъ я лишилась его. Посмотри сюда, «я преклоняю колѣна: если когда-нибудь воля моя «погрѣшила противъ любви его малѣйшимъ словомъ, «мыслію или дѣломъ; если глаза мои, или слухъ «мой, или какое-нибудь другое чувство знало на-«слажденіе не въ его образѣ, но въ какомъ-либо «другомъ; или, если я не люблю, не любила и не «буду любить его нѣжно, даже и тогда, когда бы «онъ бросилъ меня въ нищенскій разводъ; то пусть «утѣшеніе навсегда оставитъ меня! Жестокость мо-«жетъ много сдѣлать, и его жестокость можетъ «уничтожить жизнь мою, но никогда не помрачитъ «любви моей!

Яго. «Прошу васъ, успокойтесь: онъ былъ не въ «духѣ: какое-нибудь государственное дѣло разстрои-«ло его.

Дездемона. «О! если бы это была правда!»

Сцена, въ которой потомъ мы видимъ ее съ Эмиліей, и пѣсня ея къ *Ивѣ* равно прекрасны и показываютъ чрезвычайную способность автора разнообразить выраженія страсти, во всѣхъ ея измѣненіяхъ и обстоятельствахъ.

Эмилія. «О! если бы вы никогда не видали его!
Дездемона. «Я не желала бы этаго: любовь моя до «такой степени не находитъ въ немъ ничего достой-«наго порицанія, что даже его непреклонность, его «угрюмость имѣютъ въ глазахъ моихъ какую-то «пріятность, какую-то ласку.»

Но ни несправедливыя подозрѣнія Отелло, ни вѣроломство Яго не представляютъ Дездемону въ такомъ миломъ и интересномъ свѣтѣ, какъ случайный, полу-важный и полу-шутливый разговоръ ея съ Эмиліей о томъ, какъ обыкновенно жены ведутъ себя въ отношеніи къ мужьямъ своимъ. Этотъ разговоръ предшествуетъ послѣдней роковой сценѣ. Если бы Отелло подслушалъ его, ужасная развязка не состоялась бы, но тогда испортилась бы вся пьеса.

Характеръ Яго есть одно изъ преувеличеній генія Шекспира. Многіе критики, которыхъ скорѣе можно назвать разборчивыми, нежели глубокими, думали, что это все лицо не естественно, потому-что злодѣйство его *не имѣетъ достаточной причины.* Шекспиръ — столь же хорошій философъ, какъ и

поэтъ—думалъ иначе. Онъ зналъ, что любовь къ власти, которую иначе можно назвать любовью ко злу, естественна человѣку. Ему лучше всякой логики доказывали это дѣти, играющія въ грязи, или убивающія мухъ для забавы. Мы желали бы спросить у тѣхъ, которые почитаютъ лице Яго ненатуральнымъ, для чего желаютъ они видѣть его на сценѣ, если не для интереса, возбуждаемаго имъ, если не для того трепета, до котораго доводитъ онъ любопытство и воображеніе? Для чего вообще смотрятъ они трагедіи? Не для той ли самой причины любимъ мы слушать и читать расказы о страшныхъ убійствахъ, объ ужасахъ насильственной смерти? Отъ чего мы видимъ такъ много любопытствующихъ въ мѣстахъ суда и наказаній, или отъ чего низшій классъ народа почти вездѣ находитъ удовольствіе въ варварскихъ играхъ и въ жестокости къ животнымъ, если не отъ того единственно, что въ духѣ человѣческомъ есть природное стремленіе къ сильному возбужденію, есть желаніе дать необузданное движеніе своимъ способностямъ? Гдѣ эта начальная сила не удерживается человѣколюбіемъ или чувствомъ нравственной обязанности, тамъ нѣтъ крайностей, до которыхъ бы она не дошла сама собою безъ всякаго другаго побужденія страсти или своекорыстія. Яго дѣйствительно принадлежитъ къ тому разряду лицъ, которыя обыкновенны — и въ то же время особенно-свойственны Шекспиру: головы ихъ столько же хитры и дѣятельны, какъ сердца суровы и нечувствительны.

Яго конечно представляетъ чрезвычайный образецъ въ этомъ родѣ, т. е. въ родѣ болѣзненной дѣятельности ума, соединенной почти съ совершеннымъ равнодушіемъ къ нравственному добру и злу, или лучше сказать, съ яснымъ предпочтеніемъ послѣдняго, потому-что оно чаще встрѣчается съ его любимыми наклонностями, придаетъ болѣе живости его мыслямъ, болѣе пространства его дѣйствіямъ. Надобно также замѣтить (говорится для тѣхъ, которые всѣ человѣческія дѣйствія измѣряютъ по правиламъ Рошефуко), что онъ также, или почти также, равнодушенъ къ своей собственной судьбѣ, какъ и къ судьбѣ другихъ; онъ подвергается всѣмъ опасностямъ для пустой или сомнительной выгоды, и дѣлается самъ жертвою своей господствующей страсти — ненасытнаго стремленія къ трудной и гибельной дѣятельности. Яго нашъ такой философъ, который воображаетъ, что ложь, убивающая человѣка, язвительнѣе всякой антитезы, что роковые опыты надъ спокойствіемъ семейства предпочтительнѣе разсматриванія въ микроскопъ біенія сердца мухи. Онъ замышляетъ погибель друзей, какъ упражненіе для своего изобрѣтательнаго ума, онъ — отъ скуки — убиваетъ людей въ темнотѣ. Это игра, но игра ужасная! Здѣсь нѣтъ мѣста для шутокъ или равнодушія, почти нѣтъ и для одной наружности ихъ; настоящая цѣль всей интриги состоитъ въ томъ, чтобы содержать всѣ способности души его въ пыткѣ, въ положеніи томительнаго недоумѣнія, безъ малѣйшаго промежутка покоя. Онъ

играетъ на отчаянную ставку, какъ тотъ, кто фехтуетъ оружіемъ натертымъ ядомъ, и для этаго труднаго дѣла долженъ призвать на помощь всю свою осторожность и все свое коварное двоедушіе. Онъ походитъ на человѣка, начинающаго игру въ шахматы, только для того, что эта игра трудна и многосложна, и вы видите, какъ онъ тотчасъ же погрузился въ нее. Забавы его — если можно такъ назвать ихъ — жестоки и мрачны; самое остроуміе его производитъ боль. Веселость, какую мы видимъ въ немъ, проистекаетъ отъ успѣховъ его коварныхъ замысловъ, спокойствіе — отъ мученій, какимъ подвергнулъ онъ другихъ.

Въ продолженіе пьесы называютъ его *честнымъ Яго*, какъ будто для того, чтобъ показать, что въ наружности его есть что-то подозрительное, противорѣчущее этому названію. Тонъ его, когда онъ говоритъ съ Родригомъ, Дездемоной и Кассіемъ, нѣсколько слабѣе въ сравненіи съ прочимъ бурнымъ ходомъ пьесы; но, говоря вообще, разговоръ его представляетъ закоренѣлую мизантропію и необузданную проницательность, которая всегда чутка ко злу и съ коварнымъ наслажденіемъ вдыхаетъ въ себя заразительный запахъ добычи своей.

Между-тѣмъ общее основаніе характера Яго не есть чистая злоба, но недостатокъ нравственныхъ правилъ, или равнодушіе къ слѣдствіямъ собствен-

ныхъ поступковъ, которые совершаетъ онъ, увлекаясь своею пронырливою строптивостью, своею любовью къ сильному, непосредственному возбужденію. Онъ любитъ трагедію въ настоящей жизни, и вмѣсто того, чтобы упражнять свое остроуміе на вымышленныхъ характерахъ, или давно-забытыхъ событіяхъ, онъ поступаетъ гораздо смѣлѣе и отчаяннѣе: располагаетъ свои пьесы дома, раздаетъ главныя роли своимъ друзьямъ и знакомымъ, и раскаѕываетъ вамъ ихъ на-прямки, безъ всякихъ шутокъ, съ удивительною твердостью духа и непоколебимою рѣшительностью. Это лице есть совершенное отвлеченіе существа умственнаго отъ нравственнаго; или, говоря другими словами, въ немъ нѣтъ никакихъ обыкновенныхъ чувствъ: каждое изъ нихъ поглощено ядовитостью его ума, обдуманнымъ своенравіемъ намѣреній и безпокойною, ничѣмъ неукротимою любовію ко злу.

Общіе разговоры и разсужденія, сопровождающіе ходъ развязки, постоянно исполнены желчи. Ѣдкость злобы Яго привязывается ко всему одинаково, и преслѣдуетъ съ раздражительною проницательностію самое отдаленное подобіе зла. Веселость его не естественна и не радостна, но принужденна и странна, потому-что въ ней соединяется и напряженная дѣятельность ума и циническое презрѣніе къ другимъ, составляющее источникъ ея. Яго — не поклонникъ оптимизма, какъ Кандидъ, напротивъ-того ненавистникъ всего похожаго на эту систему. Онъ съ на-

слажденіемъ останавливается только на томъ, что можетъ нарушить радость другихъ и удовольствовать его угрюмую раздражительность.

Вотъ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лучше всего выставляется характеръ Яго. Онъ говоритъ здѣсь тотчасъ послѣ свадьбы Отелло.

Родриго. «Какимъ счастьемъ завладѣлъ этотъ толстогубый, если успѣлъ похитить ее!
Яго. «Закричи отцу ея! Разбуди его! Пошли его за «нимъ, отрави его наслажденія, провозгласи его «преступникомъ на улицахъ, возбуди гнѣвъ ея «родственниковъ, и если ему достался въ удѣлъ «счастливый климатъ, мучь его несносными тамъ «насѣкомыми; пусть радость его будетъ радостью, «но брось на нее столько разныхъ огорченій, «чтобы она потеряла нѣсколько своего цвѣту.»

Здѣсь прекрасно выражена упорная логика его любимаго правила.

Въ строкахъ, слѣдующихъ за сими, воображеніе его самовольничаетъ въ замышляемомъ злѣ, и вырывается наружу съ дикостію и необузданностію истиннаго энтузіазма.

Родриго. «Вотъ домъ отца ея: я закричу.

Яго. «Да, сначала боязливо, потомъ завой ужасно, «такъ-какъ воютъ въ многолюдномъ городѣ, когда «вдругъ замѣтятъ, ночью, разгорѣвшійся огонь по- «жара.»

Одинъ изъ любимыхъ предметовъ, о которомъ онъ любитъ распространяться, и въ описаніи котораго брюзгливость его служитъ ему музою—есть неровное супружество Дездемоны и Мавра. Это для него путеводная нить къ характеру первой, нить, съ которою онъ никакъ не можетъ разстаться. Онъ представляетъ ее въ первой сценѣ, и опять берется за нее, когда Родриго, въ отвѣтъ на его нападенія на Дездемону, говоритъ:

«Я не могу повѣрить, чтобы она — она, исполнен- «ная самыхъ благословенныхъ качествъ...
Яго. «Нашелъ благословеніе! Вино, которое она «пьетъ, сдѣлано также изъ винограду: если бы у «нея было что-нибудь благословенное, она никогда «не вышла бы за Мавра.»

И потомъ опять, еще съ большимъ умомъ и болѣе пагубнымъ дѣйствіемъ, когда онъ обращаетъ къ осужденію ея эту самую мысль, возбужденную имъ же въ душѣ Отелло.

Отелло. «Однакожъ, какъ природа можетъ уклонять- «ся отъ самой себя?

Яго. «Да, въ самомъ дѣлѣ: если ужъ говорить съ «вами смѣло, то ея отказъ многимъ женихамъ изъ «соотечественниковъ одинаковыхъ съ нею лѣтъ и «званія...»

Это задѣваетъ за живое. Здѣсь Яго какъ будто выворачиваетъ внутренность характера бѣдной Дездемоны. Конечно, только одинъ геній Шекспира могъ сохранить вполнѣ интересъ и нѣжность этаго лица, и сверхъ того, даже извлечь изъ особенныхъ обстоятельствъ, окружающихъ его, какую-то изящность и достоинство. Роль Дездемоны всегда имѣла величайшую прелесть для душъ самой утонченной чувствительности. Что касается до насъ, то мы держимся нѣсколько мнѣнія Яго въ этомъ случаѣ; и если бы намъ нужно было описать сложеніе Дездемоны по физіономіи, мы сказали бы, что у ней были: самая прекрасная кожа и свѣтлокаштановые, желтоватые волосы. Въ тоже время, мы вѣримъ чистотѣ и нѣжности чувствъ ея, но случается, что чистота и грубость иногда

«Близко сходятся, и только самыя тонкія черты «раздѣляютъ ихъ.»

Однакожъ противное не удерживается вмѣстѣ: такъ невѣренъ и неизъяснимъ этотъ нравственный характеръ! Неудивительно, что Яго чувствуетъ къ нему какое-то презрѣніе, Яго—«изучившій ученымъ умомъ

всѣ свойства человѣческихъ поступковъ.» Въ разговорѣ его съ Эмиліей и Дездемоной, при вступленіи ихъ на берегъ, есть довольно веселости и легкости. Это можно назвать праздникомъ души его; но, говоря вообще, сатира ѣдка — и понятіе его о человѣческомъ нравѣ превосходно выражено въ отвѣтѣ его Дездемонѣ на вопросъ ея: какъ бы онъ похвалилъ ее?

«О! прекрасная синьора, увольте меня отъ этаго: я
«умѣю быть только насмѣшливымъ.»

Обыкновенную вольность разговора Яго нельзя приписать удовольствію, какое находилъ онъ въ грубыхъ и сладострастныхъ картинахъ, но скорѣе желанію его всегда открывать худшую сторону каждой вещи. Во всемъ существѣ его *нѣтъ человѣческой мягкости духа.* Воображеніе его отвергаетъ все, что не приправлено сильно, самыми непріятными снадобьями; нравственная природа его варитъ только яды. Добродѣтель или доброта, или все, что малѣйшимъ образомъ походитъ на *спасеніе* — для развращеннаго вкуса его кажется хило и бездушно: и онъ даже негодуетъ на хорошее мнѣніе, которое имѣютъ о его собственной честности, какъ будто она пятно для твердаго смысла и духа его характера. Такъ при встрѣчѣ Отелло съ Дездемоной онъ восклицаетъ: «О! какъ хорошо вы настроены теперь! но я порву струны, издающія эту музыку; *клянусь моею честію*, его добродушіе не совсѣмъ къ

лицу ему. «Въ сценахъ съ Отелло, гдѣ ему надобно увлечь страсть его съ теоретическаго зла на практическое съ большою опасностію для себя и съ ужасными слѣдствіями для другихъ, онъ, можно сказать, пропорціонально остороженъ, коваренъ, мраченъ и медленъ. Ничто не можетъ сравниться съ глубокимъ притворствомъ и искусною хитростію извѣстнаго всѣмъ разговора въ третьемъ актѣ, гдѣ онъ въ первый разъ принимается за исполненіе своего намѣренія.

Яго. «Благородный синьоръ!

Отелло. «Что скажешь, Яго?

Яго. «Зналъ ли Микель Кассіо о любви вашей къ «синьорѣ съ самаго начала?

Отелло. «Да, съ самаго начала до конца... Но за«чѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ?

Яго. «Такъ, мнѣ пришла въ голову мысль... толь«ко для этой мысли, синьоръ, ничего болѣе...

Отелло. «Какая мысль, Яго?

Яго. «Я не думалъ, чтобъ онъ былъ знакомъ съ «нею.

Отелло. «О да, онъ былъ часто даже нашимъ по«средникомъ.

Яго. «Въ самомъ дѣлѣ?

Отелло. «Въ самомъ дѣлѣ? ну, да, въ самомъ дѣ«лѣ! Развѣ ты что-нибудь замѣчаешь въ этомъ? «развѣ онъ не честенъ?

Яго. «Честенъ, синьоръ?

Отелло. «Ну, да, честенъ!

Яго. «Синьоръ, столько, сколько я знаю...

Отелло. «Какъ? чтожъ ты думаешь?
Яго. «Что я думаю, синьоръ?
Отелло. «Что думаю, синьоръ? Клянусь небомъ: ты «повторяешь слова мои, какъ будто въ мысляхъ «твоихъ таится чудовище, которое такъ ужасно, «что ты боишься показать его!»

Его остановки и молчаніе, глубокое внутреннее вѣроломство подъ наружностію привязанности и честности, тоскливая заботливость, холодное усердіе, и если можно такъ сказать, *страсть* лицемѣрія, означающаяся въ каждомъ словѣ, все это вмѣстѣ — неподражаемо довершается отличительною вспышкою его мнимаго негодованія въ ту минуту, когда Отелло сомнѣвается въ его искренности:

«О пощадите! О небеса, простите меня! Человѣкъ «ли вы? Есть ли у васъ душа или разсудокъ? Богъ «съ вами!.. возьмите назадъ мою должность! О несчастный безумецъ! Ты дожилъ до того, что твоя «честность принимается за порокъ. О чудовищный «свѣтъ! смотри, смотри, какъ опасно быть честнымъ «и прямодушнымъ... Благодарю васъ за урокъ: съ «этихъ поръ я не буду любить ни однаго друга, «потому-что отъ дружбы получилъ я такое оскорбленіе.»

Яго, ненавистный среди своей ужасной дѣятельности, дѣлается еще хуже, когда мы смотримъ

на него ничѣмъ не занятаго, и видимъ только пустоту его сердца. Равнодушіе его при обморокѣ Отелло можно назвать совершенно дьявольскимъ и вполнѣ свойственнымъ ему.

Яго. «Что съ вами, генералъ? Не ушибли ли вы «голову?
Отелло. «Ты смѣешься надо мной?
Яго. «Клянусь небомъ, не смѣюсь... и проч.

Это лице едва было бы выносимо — даже какъ противодѣйствіе добродѣтели и великодушію другихъ лицъ пьесы — если бы не неутомимая дѣятельность и неистощимыя хитрости, которыми онъ отвлекаетъ вниманіе зрителя (также-какъ и свое собственное) отъ цѣли, предположенной имъ, на средства, какими она должна быть достигнута. Эдмундъ, въ *королѣ Лирѣ*, есть нѣчто похожее на это лице, но онъ поставленъ въ обстоятельствахъ, менѣе трудныхъ. Занга есть низкая карикатура Яго.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. О благодати, *какъ объ основаніи истиннаго самопознанія и исправленія себя. Въ 8; 40 стран.*

2. *Ежедневное размышленіе* о страданіи Господа нашего I. Христа. *Въ 12; 38 стран.*

3. Примѣры Христіанскаго милосердія, *собраніе изъ житій святыхъ угодниковъ Божіихъ.* Книжка первая. *Въ 8; 24 стран.*

Высокія, святыя истины, очищающія душу размышленія, трогательные примѣры — вотъ что пред-

ставляется здѣсь читателю. Все изложено безъ напыщенности, доступно уму каждаго, языкомъ чистымъ и пріятнымъ.

*

4. **Чтенія о Русскомъ языкѣ, Николая Греча.** *Двѣ части. Въ* 8; *VI*—336 *и* 404.

О чтеніяхъ г. Греча уже упомянуто было въ Современникѣ (Т. XVIII, стран. 100, *первой нумераціи*). Разсмотрѣвъ ихъ въ печати, мы остаемся при нашемъ мнѣніи, что они дѣйствительно полезны, какъ повтореніе уроковъ, занимавшихъ дни свѣтлой юности. Здѣсь все знакомо. Только нѣкоторыя упущенія автора изъ его прежнихъ изслѣдованій удивили насъ. Онъ мало упоминаетъ о Русскихъ писателяхъ, исключительно извѣстныхъ прозаическими сочиненіями. При томъ же, послѣ четырехъ своихъ чтеній, въ слѣдующихъ одиннадцати онъ забываетъ главный предметъ, т. е. грамматику. Но въ его раздѣленіе поэзіи, которую назвать можно единственною цѣлію его чтеній, никакихъ перемѣнъ не внесено. Онъ въ пользу любимой системы своей пожертвовалъ даже историческимъ изложеніемъ нашей литературы, и разсматриваетъ писателей не хронологически, а внося ихъ въ слѣдующіе разряды стихотворства: 1) Народныя пѣсни, 2) Лирическая поэзія, 3) Легкія стихотворенія, 4) Трагедія и Комедія,

5) Эпопея, 6) Дидактическія стихотворенія, 7) Сказки и Басни — и 9) Романъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, кромѣ Русскихъ сочинителей, разобраны иностранные, какъ изъ древнихъ, такъ и изъ новыхъ. Впрочемъ г. Гречь недовольно ясно показалъ, чѣмъ онъ побуждаемъ былъ къ этому при своихъ чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ. При объясненіи Басни, на-примѣръ, говорится о *Локманѣ*, *Пильпаѣ*, *притчахъ Іудейскихъ;* а между лириками нѣтъ ни царя *Давида*, ни *Пиндара*, ни другихъ. Самыя исчисленія видовъ какой-нибудь поэзіи не довольно отчетисты. Между простонародными пѣснями названы: разбойничьи и сатирическія, а не сказано ничего ни о хороводныхъ, ни о свадебныхъ и проч. О буколической поэзіи даже не упоминается. Въ нашъ вѣкъ, когда явленія литературы принимаются за выраженіе господствующаго умонаправленія, сферы и вѣсу мыслей, смѣшно было бы возставать противъ неточности или неполноты классификаціи стихотворныхъ сочиненій. Справедливѣе можно было спросить: къ чему напоминать о ней, а еще болѣе, основывать на ней зданіе исторіи литературы, въ которой важны не разряды, а періоды. Періодъ въ исторіи есть законченное колѣно органическаго явленія, свободно движущійся членъ жизни, явное выраженіе особеннаго характера, связь и объясненіе предыдущаго съ послѣдующимъ, разгадка будущаго. Изъ такихъ періодовъ образуется истинная исторія — исторія политическая, исторія просвѣщенія, вѣры, законодательства, торговли, а еще лучше:

полная исторія государства. Въ языкѣ и его произведеніяхъ отпечатлѣвается рѣзко и въ полнотѣ каждое колѣно, т. е. каждый періодъ жизни государства. Исторія литературы, излагаемая въ этомъ духѣ, достойна изученія мыслящихъ существъ: въ ея урокахъ живетъ вѣчная истина и созрѣваетъ государственная мудрость. Но если вамъ скажутъ: »Отъ «Эпопеи перейдемъ къ Дидактическимъ стихотворе«ніямъ, подъ именемъ которыхъ разумѣются Посла«нія и Сатиры. Сочиненіемъ первыхъ занимались: «Горацій, Овидій, Буало, Попъ, Ломоносовъ, Карам«зинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ; «а сочиненіемъ вторыхъ: Горацій, Ювеналъ, Персій, «Кантемиръ, Сумароковъ, Фонвизинъ, Дмитріевъ, Ми«лоновъ»; если вамъ прибавятъ, у кого изъ нихъ болѣе остроты или веселости, у кого языкъ правильнѣе или легче: то какимъ обогатится умъ вашъ пріобрѣтеніемъ? при этомъ поминаньѣ не припомнится ли вамъ покаянный стихъ Поэта:

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой
И празднословія не дождь душѣ моей?

5. Жизнь Вилльяма Шекспира, *Англійскаго поэта и актёра; съ мыслями и сужденіями объ этомъ великомъ человѣкѣ Русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ 8; IV и 52 стран.*

Книжка эта есть шутка. Издатель ея, вѣроятно опечаленный распространеніемъ напыщенно-грубаго языка, котораго успѣхи такъ замѣтны во многихъ статьяхъ новѣйшаго произведенія, рѣшился прибѣгнуть къ ироніи — и для опыта своего избралъ имя великое, но чаще другихъ низводимое до смѣшнаго. Изъ разныхъ періодическихъ изданій онъ собралъ нѣсколько извѣстій о жизни Шекспира и излагаетъ обрѣтенное по образцу слѣдующихъ фразъ: «Трудно «написать что-либо о малолѣтствѣ Шекспира, тѣмъ «болѣе, что оно и въ исторіи закрыто густыми обла-«ками неизвѣстности. Преданіе говоритъ только, что «Джонъ Шекспиръ, отецъ Вилльяма, имѣлъ трехъ «женъ и былъ весьма богатъ дѣтьми. Это-то богат-«ство и вмѣстѣ другія, тайныя для насъ, причины «заклеймили его печатью бѣдности... Шекспиръ не «могъ получить образованія, которое было необходи-«мо для развитія силъ его необыкновеннаго, духов-«наго Я--» и проч., и проч. Особенно тонко устремлена здѣсь иронія на послѣдній переводъ Гамлета. Выписавъ сужденія Русскихъ критиковъ, которые доказали, что переводчикъ напрасно принимался за это созданіе Шекспира, не могши пользоваться подлинникомъ, или не желая озарить красотами его трудъ свой, издатель расматриваемой брошюры восклицаетъ вдругъ: «Краса Россіи, философъ и литераторъ «Русской (за-чѣмъ же не историкъ? вѣрно за-тѣмъ, «что тутъ ужъ не было бы тропа), нашъ родной

«поэтъ подарилъ насъ переводомъ Гамлета — и Россія «пришла въ восхищеніе.»

6. Исторія древней Русской Словесности. *Сочиненіе* Михаила Максимовича. Книга первая. *Въ* 8; 226 *стран.*

Здѣсь начало труда прекраснаго и общеполезнаго. Сочинитель входитъ въ самыя любопытныя разысканія относительно происхожденія разныхъ Славянскихъ нарѣчій, а послѣ исчисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстные письменные памятники древней литературы нашей. Въ его филологическомъ изслѣдованіи есть самобытность, своеобразіе и доказательства, свидѣтельствующія о внимательномъ и долговременномъ его изученіи предмета. Только подобные труды и подвигаютъ науку къ ея окончательному совершенству. Самыя ошибки въ новомъ взглядѣ, неизбѣжныя въ предпріятіи многотрудномъ и медленно оканчивающемся, поучительны для преемниковъ. По крайней мѣрѣ это не обветшалыя фразы, не компиляція бездушная. Судя по началу исторіи г. Максимовича, мы увѣрены, что во второй книгѣ и послѣдующихъ онъ много замѣчательнаго и положительнаго внесетъ въ эту часть учебныхъ изслѣдованій.

*

7. **Герой нашего времени.** *Сочиненіе* **М. Лермонтова.** *Въ двухъ частяхъ, Въ* 12; 173 *и* 250 *стран.*

«Съ нѣкотораго времени вошли въ моду *истори*«*ческіе романы.* Неугомонный родъ людей, который «называется *авторами*, тревожитъ священный прахъ «Нумъ, Авреліевъ, Альфредовъ, Карломановъ, и «пользуясь изстари присвоеннымъ себѣ правомъ (едва «*ли правымъ*), вызываетъ древнихъ героевъ изъ ихъ «*тѣснаго домика* (какъ говоритъ Оссіанъ), чтобы они, «вышедши на сцену, забавляли насъ своими расказа«ми. Прекрасная кукольная комедія! Одинъ встаетъ «изъ гроба въ длинной Римской *тогѣ*, съ сѣдою го«ловою; другой въ коротенькой Гишпанской епанчѣ, «съ черными усами — и каждый, протирая себѣ гла«за, начинаетъ свою повѣсть съ яицъ Леды. Только «привыкнувъ къ глубокому могильному сну, они ча«сто зѣваютъ, а съ ними вмѣстѣ... и читатели сихъ «историческихъ небылицъ. Я никогда не былъ рев«ностнымъ послѣдователемъ модъ въ нарядахъ; не «хочу слѣдовать и модамъ въ авторствѣ; не хочу бу«дить усопшихъ великановъ человѣчества; не люблю, «чтобъ мои читатели зѣвали — и для того, вмѣсто «*историческаго романа*, думаю расказать *романическую* «*исторію* однаго моего пріятеля». Вотъ, что, за сорокъ лѣтъ передъ симъ, написалъ **Карамзинъ** въ предисловіи къ повѣсти своей: **Рыцарь нашего времени.** Вѣроятно тоже думалъ и авторъ **Героя**

нашего времени. Не безъ намѣренія сблизили мы два произведенія Русской литературы, между которыми легло чуть не полстолѣтія. Каждое изъ нихъ ознаменовано печатью истиннаго таланта; каждое приняло на себя живыя, яркія краски эпохи ихъ созданія; каждому суждено прослушать въ молчаніи брюзгливыя выходки судей, которые, лишены будучи способности мыслить и чувствовать, утѣшаются неотъемлемымъ своимъ правомъ — побранивать все привлекательно-живое. Пусть ихъ хоть этотъ краснорѣчивый фактъ вразумитъ немного: Карамзинъ, котораго осуждали за *Рыцаря нашего времени*, написалъ послѣ *Исторію Государства Россійскаго*. У кого есть талантъ, тотъ лучше знаетъ, когда и что писать ему. Но васъ мучитъ успѣхъ произведенія легкаго, ничтожнаго (по вашему мнѣнію)? А развѣ оно не даетъ своего плода, сладкаго и полезнаго даже вамъ?

Пусть будетъ красою краса: не завидуй, что прелесть ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой!
Пусть будетъ блаженна плѣняя: плѣняйся — тебѣ наслажденье!

8. Провинціальныя сцены. *Сочиненіе автора* Семейства Холмскихъ. *Дѣйствіе происходитъ въ* 1780-*хъ годахъ. Въ* 12; 428 *стран.*

9. Повѣсть и Быль. Я. Озерецковскаго. *Въ 12; 168 стран.*

Оба эти сочиненія мы относимъ къ числу пріятныхъ явленій въ литературѣ. Истины и жизни художнически схвачено довольно. Первое изъ нихъ, тамъ, откуда авторъ заимствовалъ свои краски, не можетъ не произвести эффекту.

10. Были и Повѣсти, *расказанныя* Іосифомъ Грузиновымъ. *Въ 12; 252 стран.*

11. Вечернія бесѣды *у барона К. Сочиненіе* А. Моховицына. *Въ 8; 98 стран.*

О книгахъ, содержащихъ въ себѣ расказы или бесѣды ложные, т. е. сочиненные на-удачу, безъ отношенія къ опредѣленному мѣсту и времени, не обнаруживающіе въ авторѣ ни наблюдательности, ни живаго представленія людей и пружинъ ихъ дѣятельности, о такихъ книгахъ можно сказать одно: изданіе опрятно и цѣна невысока.

12. Малороссійскіе повѣсти и расказы. Хомы Купрыенка. *Въ 16; 145 стран.*

13. Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени, *изданныя* И. Боричевскимъ. *Въ 12; 185 стран.*

Въ первой книжкѣ, по-Малороссійски написанной, собрано нѣсколько мѣстныхъ расказовъ. Вѣрныя народныя черты характера или предразсудковъ всегда для литератора полезное пріобрѣтеніе — и потому намъ кажется, что нельзя не желать появленія подобныхъ книгъ. Вторая, высшій представляетъ интересъ: она обнимаетъ гораздо обширнѣйшій горизонтъ. Здѣсь литературно-историческіе матеріалы заимствованы изъ преданій почти всего Славянскаго міра. Разсматриваемую теперь книгу мы принимаемъ только за начало изданія обширнаго, и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія такъ любопытныхъ и поучительныхъ расказовъ.

14. Очерки изъ портфеля ученика натурнаго класса. *Тетрадь первая.* Мѣщанинъ. *Двѣ части. Въ* 12; 283 *и* 339 *страницъ.*

Въ видѣ романа изложены здѣсь долговременныя и внимательныя наблюденія человѣка, который и глубоко чувствуетъ и обширно соображаетъ. Онъ не-даромъ жилъ въ обществѣ и проходилъ по разнымъ рядамъ его. Плоды своей опытности и размышленій обращаетъ онъ преимущественно на то, чтобы наполнить душу читателя теплотою религіозныхъ ощущеній и возвратить его въ лоно семейнаго счастія. Эту книгу надобно читать медленно, часто возвращаться въ ней назадъ и вносить ея истины въ сокровищницы души не какъ пріобрѣтеніе суетности,

но какъ животворное вещество. Удивительнѣе всего, что въ нашей литературѣ явилась теперь эта книга. Между всѣми произведеніями словесности, принадлежащими извѣстному времени, есть какое-нибудь соотношеніе. Но *Очерки*, разбираемые нами, стоятъ отдѣльно. Изъ общественной жизни выбрала ихъ мысль, питавшаяся въ себѣ самой, движимая собственными побужденіями. Мы не изумились бы, если бы подобную книгу привезли намъ изъ Англіи, Германіи, Италіи, даже изъ Франціи. Тамъ встрѣчается умъ на всѣхъ путяхъ изслѣдованія. У насъ дарованія поочередно толпятся въ одну эпоху на опредѣленныхъ мѣстахъ. Даже мы желали бы видѣть *Очерки* на иностранномъ языкѣ, особенно на Французскомъ. И въ Россіи прочитали бы ихъ съ большимъ вниманіемъ. Они вызвали бы сужденія, согрѣтыя участіемъ и одушевленныя знаніемъ, сужденія лучшаго общества, можетъ быть, не безъ основанія охладѣвшаго къ отечественной словесности. Намъ жаль только, что авторъ *Очерковъ* принесъ лишнюю дань романической формѣ. Событія расказа его до невѣроятности эффектны. Завязки и развязки придуманы съ такою заботливостію, будто бы книгѣ суждено играть роль дѣйствительнаго романа. Нѣтъ, она выше этаго назначенія: ей бы надлежало и въ происшествіяхъ возвыситься до простоты.

*

15. Новые досуги Өедора Слѣпушкина. *Въ* 8; 107 *стран.*

16. Стихотворенія А. Панкевича. *Въ* 12; 80 *стран.*

17. Могила боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева.. *Сочиненіе* Ивана Данкова. *Въ* 12; 24 *стран.*

18. Три пѣсни патріота. *Въ* 12; 24 *стран.*

19. Кобзарь. Т. Шевченка. *Въ* 12; 114 *стран.*

Между всѣми произведеніями поэзіи, появлявшимися въ эти три мѣсяца, одно послѣднее достойно вниманія. Оно писано по-Малороссійски. Въ немъ собрано нѣсколько простонародныхъ лирическихъ изліяній души, живыхъ и счастливо переданныхъ авторомъ. Понимающіе Малороссійскій языкъ прочтутъ это собраніе конечно съ удовольствіемъ и благодарностію.

*

20. Кіевлянинъ. *Книга первая на* 1840 *годъ. Издалъ* Михаилъ Максимовичъ. *Въ* 8; 253 *стран.*

Прежде всего надобно порадоваться, что Кіевлянинъ заговорилъ на обще-Русскомъ языкѣ. Книга, появляющаяся въ свѣтъ на областномъ простонародномъ нарѣчіи, когда господствующій языкъ отрадно блещетъ и звучитъ для каждаго изъ читателей, всегда похожа на пародію или литературную шутку. Но странно, что Кіевлянинъ, желая знакомить Русскую публику преимущественно съ югозападнымъ краемъ нашего отечества, какъ альманахъ обставляетъ историческія, топографическія и другія законныя свои статьи пришлыми стихотвореніями да расказами. Не думаетъ ли онъ попасть на колею періодическихъ изданій? Тогда онъ по-неволѣ уклонится отъ своей цѣли и потеряетъ всю занимательность спеціальнаго изданія. Исторія, статистика, географія, литература, нравы, повѣрья южной Россіи представляютъ издателю неистощимый запасъ для Кіевлянина. Мы ждемъ отъ него книгъ не на-срокъ, а на-славу.

21. Дневникъ отечественныхъ воспоминаній. *Карманная книжка на* 1840 *годъ. Изданіе книгопродавца* И. Теряева. *Въ* 18; 80 *стран.*

Издатель предполагаетъ составить двенадцать книжекъ, прибирая на каждое число мѣсяца нѣсколько достопамятныхъ событій, этотъ день ознаменовавшихъ въ какомъ бы то году ни было. Къ исполненію этаго предпріятія множество препятствій. Если бы даже и не требовалось отъ книжки, похожей на игрушку,

особенной полноты, вѣрности и соразмѣрности въ расказахъ; надобно однако же придать ей какое-нибудь достоинство. Въ первой книжкѣ Дневника намъ встрѣчались однѣ выписки безъ малѣйшаго вниманія къ ихъ объему, вѣсу и изложенію.

22. Альманахъ на 1840 годъ. Н. Анордиста. *Въ 16; 116 стран.*

Такъ автору вздумалось назвать собраніе статеекъ своихъ въ прозѣ и стихахъ, которыя безопасно могли бы коротать вѣкъ свой и безъ печати.

*

23. Начальный курсъ рисованія *по новой методѣ, составленный* К. Бекерсомъ.

Послѣ того, какъ гг. Заурвейдъ и Сапожниковъ показали въ Россіи всѣмъ наставникамъ и воспитателямъ единственную, истинную методу, по которой надобно обучать рисованію, г. Бекерсъ могъ принести существенную пользу этому искуству распространеніемъ методы своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, между-тѣмъ какъ онъ теперь изданіемъ курса, уже смѣшнаго и поддерживаемаго одною непростительною безпечностію, отодвигаетъ назадъ успѣхи рисованія. Грустно думать, что во всѣхъ почти школахъ нашихъ заставляютъ бѣдныхъ малютокъ

терять по 2 и 4 часа въ недѣлю надъ копировкою глазокъ, носиковъ, головокъ, не давая ни малѣйшаго понятія о прекрасномъ искуствѣ и ни сколько въ нихъ не возбуждая къ нему охоты. Лучше совсѣмъ не учиться рисовать, сохраняя это время на отдыхъ, нежели привыкать къ пустому, жалкому препровожденію времени. По методѣ гг. Заурвейда и Сапожникова каждая черта развертываетъ въ ребенкѣ мыслящую силу и окриляетъ воображеніе; а копировка съ оригиналовъ рѣшительно убиваетъ способности къ рисованію.

24. Азбучка - игрушка для милыхъ дѣтей. *Съ 17 гравированными виньетками и столькимъ же числомъ легкихъ повѣстей. Въ* 16; 116 *стран.*

25. Разговоры нянюшки съ дѣтьми. *Въ* 12; 16 *стран.*

26. Подарокъ дѣтямъ *въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія Апрѣля* 14 *дня* 1840 *года. Въ* 8; 44 *стран.*

Приведенныя здѣсь дѣтскія книги всѣ безъ малѣйшаго достоинства.

27. Дѣтскій собесѣдникъ, *издаваемый подъ руководствомъ Н. Греча. Часть первая. Въ* 8; 118 *стран.*

28. Очеркъ Россійской исторіи, *съ тремя таблицами. Соч. П. К. Въ* 8; 34 *стран.*

29. Разговоры о природѣ. *Съ* 28 *рисунками. Въ* 12; 226 *стран.*

30. Деревенскій телеграфъ днемъ и ночью. *Подарокъ прилежнымъ дѣтямъ на праздникъ св. Пасхи.*

31. Исторія несчастій жука и похожденія муравья. *Расказъ для дѣтей.*

Выборъ предметовъ, порядокъ ихъ изложенія, самый языкъ и видимое дѣйствіе на умственныя способности дѣтей ставятъ сочиненія сіи въ разрядъ полезныхъ и даже замѣчательныхъ книгъ для дѣтской библіотеки. Между ними особенное вниманіе должны обратить на себя *Разговоры о природѣ*, при которыхъ для напечатлѣнія предметовъ въ дѣтской памяти приложены картинки. Но главное дѣло въ умѣньѣ не утомлять вниманія и поддерживать любознательность.

32. Карманный Латинско-Русскій словарь, *составленный* Алексѣемъ Болдыревымъ, *бывшимъ профес. Моск. Универ. Въ* 16; 480 *стран.*

33. Самоучитель Французскаго языка *по методѣ* А. Ф. Язвинскаго, *изданный изобрѣтателемъ методы.* Часть первая. *Въ* 8; *X и* 116 *стран. Съ* 4 *таблицами.*

При изученіи языковъ обѣ означенныя книги съ пользою могутъ быть употреблены. Нельзя однако же не замѣтить, что Самоучитель г. Язвинскаго гораздо болѣе облегчаетъ дѣло и доводитъ прямѣе до цѣли, когда ознакомишься съ этою методою изъ непосредственныхъ уроковъ автора.

34. Бесѣда Русскаго отца съ сыномъ, *или подарокъ въ день его ангела.* Константина Терскаго. *Въ* 8; VII и 230 *стран.*

35. Нравственные анекдоты *въ картинахъ. Въ* 16; 40 *стран.*

Надобно отдать справедливость сочинителямъ этихъ нравоучительныхъ сочиненій въ томъ. что обѣ книжки изданы съ цѣлью похвальною. Еще болѣе было бы въ нихъ достоинства, если бы изложеніе ихъ примѣнялось тщательнѣе къ понятіямъ и потребностямъ юнаго возраста, для котораго онѣ назначены.

*

36. Поѣздка въ Швецію *въ* 1839 *году*. Ивана Головина. *Въ* 8; *III стран.*

37. *Нѣсколько сутокъ* въ дорогѣ отъ Санктпетербурга къ Симбирску. *Въ* 8; 80 *стран.*

Занимательныхъ и дѣльныхъ свѣдѣній много въ сихъ сочиненіяхъ. Недостаетъ только ровности въ отдѣлѣ языка, и вниманіе не всегда обращено на предметы, достойные изслѣдованія.

38. Нѣкоторыя замѣчанія на книгу: Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, *составленныя членомъ-корреспондентомъ Статистическаго Отдѣленія Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, И. Ш. Въ* 8; *VI и* 140 *стран.*

Подъ этимъ скромнымъ названіемъ г. Ш. составилъ любопытнѣйшую книгу о Закавказскомъ краѣ. И безъ указаній на ошибки *Обозрѣнія Россійскихъ владѣній за Кавказомъ* въ его сочиненіи заключенъ прекрасный взглядъ на страну, для насъ теперь во всѣхъ отношеніяхъ интересную.

39. Хива, *или географическое и статистическое описаніе Хивинскаго ханства, состоящаго теперь въ войнѣ съ Россіей, заимствованное изъ разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей, съ изображеніемъ костюмовъ и вида города Хивы*

Въ книгѣ, столь много обѣщающей своимъ заглавіемъ, очень мало удовлетворительнаго. Видно, что автору не удалось воспользоваться всѣми источниками, о которыхъ онъ думалъ. Не говоримъ уже о системѣ и соразмѣрностей частей, чего не найдешь въ сочиненіи.

*

40. О мѣрѣ наказаній. *Москов. Университ. профессора* Сергія Баршева. *Въ 8; 279 стран.*

Наука уголовнаго права пріобрѣла въ изданной теперь книжкѣ удовлетворительное и соотвѣтственное нашей эпохѣ рѣшеніе однаго изъ самыхъ важныхъ своихъ вопросовъ. Если профессоръ обработаетъ всѣ части преподаваемыхъ имъ предметовъ соотвѣтственно этому прекрасному началу, то юридическая литература наша выиграетъ много, особенно, когда навыкъ и вниманіе доведутъ автора до языка болѣе отчетливаго и совсѣмъ чистаго.

41. Юридическая Библіотека. *Опытъ руководства къ познанію законовъ и къ правильному примѣненію ихъ къ случаямъ; для всѣхъ вообще состояній, въ особенности для поступающихъ въ гражданскую службу, для стряпчихъ и повѣренныхъ по дѣламъ, съ приложеніемъ образцовъ разныхъ актовъ, прошеній, жалобъ и другихъ бумагъ,*

и съ присовокупленіемъ юридическихъ анекдотовъ и пословицъ. Изданіе Өедора Наливкина. Тетрадь первая. *Въ* 8; 42 *стран.*

Небольшая тетрадь конечно еще ничего не значитъ сравнительно съ тѣмъ числомъ предметовъ, которые должны войти въ изданіе, судя по его заглавію. Но хорошее начало считается половиною исполненія дѣла. Удовлетворительнаго въ разсматриваемомъ нами началѣ не много. Если вся эта *библіотека* составится изъ старинныхъ воззрѣній и не покажетъ истиннаго состоянія юридическихъ наукъ въ наше время, то она или сама по необходимости остановится, или (чего Боже избави!) остановитъ многихъ отъ пріобрѣтенія надлежащихъ знаній. Но время еще не потеряно. Для столь огромнаго предпріятія нужно содѣйствіе цѣлаго сословія образованнѣйшихъ юристовъ. Если издатель не охладѣетъ къ своему предпріятію и пріобрѣтетъ сотрудниковъ, знающихъ дѣло и способныхъ къ нему; то Библіотекѣ его мы обязаны будемъ счастливыми результатами.

*

42. О лѣсной торговлѣ съ Англіею, *съ приложеніемъ правилъ для вычисленія кубическаго содержанія лѣса. Издано по приказанію Е. С. Министра Финансовъ. Въ* 8; 71 *стран.*

Необходимое пособie для людей, занимающихся отправленiемъ лѣсу изъ Россiи въ Англiю, куда настоитъ нужда привозить его не въ видѣ бревенъ, а обдѣланный или обтесанный. Въ книжкѣ, о которой мы упоминаемъ, представлены не только наставленiя обдѣлки, но приложены чертежи самыхъ формъ, какiя надобно давать продаваемому лѣсу.

*

43. **Практическiя упражненiя въ бухгалтерiи** *по дѣламъ внутренней торговли и фабрикацiи, составленныя* Николаемъ Емельяновымъ, *бывшимъ воспитанникомъ Московскаго коммерческаго училища. Въ* 8; 230 *стран.*

44. **Двойная Англiйская бухгалтерiя** *по вновь изобрѣтенной Эдуардомъ Джемсомъ двойной бухгалтерiи, приспособленная наиболѣе для негоцiантовъ, не имѣющихъ прямыхъ отношенiй съ иностранными государствами, съ переложенными на Россiйскую серебреную монету расчетами, по которой научившiйся бухгалтерiи можетъ правильно вести свои книги. Составлено и издано* Е. Б. Вейтцлеромъ. *Въ* 4; 51 *стран.*

Нельзя не отдать справедливости издателямъ сихъ книгъ, составленныхъ дѣльно, удовлетворитель-

но и съ видимымъ знаніемъ предмета, до котораго онѣ касаются. Желаемъ, чтобы имѣющіе надобность въ подобныхъ сочиненіяхъ воспользовались теперь изданными.

*

45. Ветеринарная фармакологія. *Въ* 12; 147 *стран.*

Въ ученомъ отношеніи эта книга вполнѣ удовлетворительна. Предметы науки обняты послѣдовательно и объяснены хорошо. Собственно и литературная сторона не безъ достоинствъ, хотя изложенію можно бы сообщить нѣсколько болѣе обработки.

46. О Ганеманнѣ и Гомеопатіи, *прагматическое сочиненіе* Семена Вольскаго, *Двора* Его Императорскаго Величества *почетнаго лейбъ-медика, доктора медицины и проч. Три части. Въ* 8; *VI, XXVI и* 85; *XIII и* 189; *VII и* 136 *стран.*

Въ нашей литературѣ не было еще ни одной полемико-догматической книги столь полной, столь систематической и столь ровно до конца обработанной, какъ сочиненіе г. Вольскаго. Дѣло идетъ о предметѣ, раздѣлившемъ нынѣ весь медицинской міръ на аллопатовъ и гомеопатовъ. Прочитавъ изслѣдованія опыт-

наго мыслителя со стороны первыхъ, мы нетерпѣливо ожидаемъ равнаго ему адвоката со стороны вторыхъ. Дѣло такъ многосложно и важно, что конечно никто не осмѣлится произнести приговора, пока не явится и противникъ съ своими доказательствами—въ исполненіе стараго, мудраго правила: audiatur et altera pars.

*

47. *Съ радостными чувствами благоговѣнія жданный* 1840 *новый годъ*. Сочиненіе Александра Орлова. *Въ* 8: 9 *стран*.

Появленіе книжекъ этаго разбора возбуждаетъ особеннаго рода чувство, которое, не будучи въ собственномъ смыслѣ ни грустію, ни досадою, нѣсколько похоже на нихъ вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ: до чего дойдетъ литература, т. е. гласность представительныхъ ощущеній и мыслей, когда пошлость и безвкусіе беззаботно и громогласно со всѣхъ сторонъ заговорятъ во всеуслышаніе?

II.

48. Путевыя записки, *веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ* 1835 *году* Владиміромъ Давыдовымъ. Часть II. *Въ* 8; 342 *стран*.

49. Атласъ *къ Путевымъ Запискамъ* Давыдова *по Іоническимъ островамъ, Греціи, Малой Азіи и Турціи.* Отдѣленіе II. 21 *рисунокъ въ-листъ.*

50. Труды Общества Русскихъ врачей въ Санктпетербургѣ. Часть II. *Въ* 8; 358 *ст.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. **Священная исторія ветхаго и новаго завѣта.** *Изданіе содержателя типографіи А. Плюшара. Въ* 8; *II и* 476 *стран.*

Желая доставить дѣтямъ не только назидательное чтеніе, но и самое пріятное занятіе ихъ вниманію, издатель украсилъ книгу 700 политипажн. рисунк.

*

2. **Походъ Кира младшаго,** *по тексту, разсмотрѣнному Кригеромъ. Съ объясненіемъ и словаремъ издано докторомъ* К. Зедергольмомъ. *Въ* 8; 271 *и* 119 *стран.*

Предпріятіе, достойное уваженія по намѣренію переводчика — доставить юношеству книгу, весьма удобную для изученія Греческаго языка. Нельзя только не пожалѣть, что переводчикъ не нашелъ нужнымъ просмотрѣть свой Русской языкъ съ кѣмъ-нибудь изъ природныхъ Русскихъ: книга много бы выиграла.

3. Атласъ древняго свѣта, *сочиненный* г. Лапи, *съ подробною картою Палестины или Обѣтованной земли и планомъ Іерусалима, описаннаго Шатобріаномъ. 8 листовъ.*

Кромѣ плана Іерусалима, въ атласѣ помѣщены слѣдующія карты: 1) общая, представляющая древній свѣтъ, 2) Палестины, 3) древней Греціи, 4) Малой Азіи, 5) имперіи Александра великаго и 6) Римской имперіи.

4. Система Логики Карла Фридриха Бахмана. *Переводъ съ послѣдняго изданія.* Часть первая. *Въ* 8; 310 *стран.*

5. Руководство къ изученію Логики, *составленное по системѣ Логики Бахмана.* П. Пащенко. *Въ* 12; 102 *стран.*

Первая изъ сихъ книгъ, если говорить о ней единственно по достоинству перевода конечно хоро-

ша. Но система Бахмана вообще не отличается отъ другихъ ни легкостію своего построенія, ни незыблемостію основаній. Такимъ образомъ и трудъ переводчика и трудъ подражателя равно не вознаграждаютъ тѣхъ усилій, которыхъ они стоили издателямъ.

6. Полезное чтеніе для дѣтей. *Изданіе, украшенное картинками. Въ* 16; 311 *стран.*

Безъ всякаго соображенія и, кажется, безъ цѣли выбрано сюда нѣсколько расказовъ изъ Французскихъ дѣтскихъ книгъ, прибавлено кое-что свое— и вотъ что украшено названіемъ *Полезнаго чтенія для дѣтей.*

*

7. Похвала глупости, *сочиненіе* Дезидерія Эразма Ротердамскаго, *писанное за* 300 *лѣтъ передъ симъ. Переводъ съ Латинскаго подлинника. Въ* 12; 91 *стран.*

Остроумнѣйшій, ученѣйшій, самый дѣятельный человѣкъ на поприщѣ литературы и даже политики написалъ сатиру на нравы своего вѣка, назвавъ ее *Похвалою глупости.* Сатира, точно также, какъ и другое произведеніе литературы, основанное на красотѣ комической, занимательно особенно въ свою эпоху, на своемъ мѣстѣ и для современниковъ. Для насъ же

любопытна не *Похвала глупости*, и Эразмъ Ротердамскій, его жизнь, объясняющая каждое изъ сочиненій его. И такъ изданіе Эразмовой біографіи, взглядъ на его вѣкъ и на отношенія его къ тогдашнимъ дѣйствователямъ, переводъ всѣхъ его произведеній—вотъ что было бы услугою, вполнѣ соотвѣтствующею направленію нынѣшней литературы. Судя по тому, какъ хорошо переведено разбираемое нами сочиненіе, думаемъ, что переводчикъ издалъ его какъ опытъ, и что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе на счетъ современныхъ требованій въ литературѣ.

*

8. Молодая Сибирячка. *Истинное происшествіе. Перев. съ Французскаго*, А. Попова. *Въ* 16; 141 *стран.*

9. Расказъ о томъ, какъ Іафетъ ищетъ отца. *Соч. капитана* Марріета. *Переводъ съ Англійскаго. Въ двухъ частяхъ. Въ* 8; 288 *и* 283 *стран.*

10. Герцогиня Лонгвиль. *Эпизодъ изъ временъ Фронды. Соч.* С. Феликса. *Съ Французскаго. Въ* 12; 249 *стран.*

11. Рококо изъ 333 повѣстей, отрывковъ и расказовъ. *Перев. съ Французскаго.* А. Волкова. Книжка первая. *Въ* 16; 81 *стран.*

12. Прекрасный молодой человѣкъ. *Романъ* Поль-де-Кока. *Четыре части. Въ* 12; 141, 144, 151 *и* 147 *стран.*

Выборъ книгъ, предназначенныхъ переводчиками для легкаго чтенія, нынѣшній разъ совсѣмъ не дуренъ. Оставляя Поль-де-Кока въ сторонѣ, какъ неизбѣжное зло нашего времени, можно найти въ прочихъ что-нибудь или занимательное, или оригинальное. *Рококо* предзнаменуетъ родъ сборника переводныхъ повѣстей. Странное обѣщаніе: выдать 333 расказа! Простительно книгопродавцу объявлять о новой *дюжинѣ* или сотнѣ статеекъ, поступившихъ въ его лавку. Покамѣстъ *Рококо* содержитъ только два расказа. *Маррієтъ* и *Феликсъ*, каждый въ своемъ родѣ, положительно хороши — одинъ въ очеркахъ современныхъ Англійскихъ характеровъ, другой въ сценахъ избранной имъ эпохи. Но вниманіе полное, участіе живое должна возбудить наша молодая Сибирячка, это произведеніе, въ которомъ соединены простота и грація древнихъ съ религіозностію и мечтательностію новѣйшихъ временъ. Графъ Местръ, сочинитель ея, безспорно принадлежитъ къ разряду первоклассныхъ писателей Французскихъ. Жуковскій перевелъ изъ него столь извѣст-

ные стихи: *Узникъ къ мотыльку*, а Баратынскій *Прокаженнаго города Аоста*. Сожалѣемъ, что переводчикъ Сибирячки не съ такою любовію обработалъ свой трудъ, съ какимъ искуствомъ сочинитель исполнилъ его. Но мы должны быть благодарны г. Попову уже и за то, что онъ познакомилъ Русскую публику съ этимъ интереснымъ сюжетомъ въ его истинномъ видѣ и освободилъ воображеніе читателей своихъ отъ прикрасъ мелочныхъ и безполезныхъ, которыми обезобразила его прихоть другаго автора, передѣлавшаго повѣсть графа Местра для сцены. Г. Поповъ, ревнуя ко благу отечественной словесности и вѣроятно — по молодости лѣтъ — надѣясь утонченнымъ оборотомъ призвать на прямой путь маститаго автора *театральной* Сибирячки, посвятилъ ему Сибирячку *истинную*.

*

13. Римскія элегіи, *сочиненіе* Гёте. *Въ* 8; 60 *стран.*

Весело, славно живу *я*, здѣсь, на классической почвѣ;
Утро проходитъ въ занятьяхъ: читая творенія древнихъ,
Умъ постигаетъ яснѣе вѣкъ и людей современныхъ;
Ночь посвящаю богу любови: пусть въ-половину
Буду я только ученъ—да за это блаженъ я трикраты!
Впрочемъ учиться могу *я* и тутъ, какъ вездѣ, созерцая
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья; въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю,

Тайну искуства, мраморъ и краски вполнѣ изучая.
Если жъ подруга уснетъ — я уношуся далеко,
Глядя на образъ прекрасной, гдѣ жизнь и покой сочетались:
Мысли одна за другою текутъ вереницей, и тщетно
Гаснетъ лампада. О други! и тутъ, несказанно добрая,
Нѣжнымъ дыханіемъ сердце она согрѣваетъ, надолго
Римскаго лика черты въ памяти мнѣ оставляя...

Мы представили нашимъ читателямъ переводъ V Элегіи. Всѣхъ ихъ XX. По образцу, нами приведенному, до нѣкоторой степени можно судить о прелести оригинала и достоинствѣ перевода. Гёте писалъ это въ молодости, полный любви къ искуствамъ, въ восторгѣ отъ южной природы и подъ вліяніемъ юношескихъ страстей.

*

14. Леченіе лошадей холодною водою. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 12; 23 *стран.*

15. Собраніе рецептовъ, *извлеченныхъ изъ фармакологій Пари и Грайя для приготовленія патентованныхъ средствъ, врачебныхъ веществъ и нѣкоторыхъ препаратовъ, наиболѣе употребляемыхъ во Франціи и въ другихъ государствахъ. Соч. аптекара* Прудомма. *Съ присовокупленіемъ рецептовъ Алиберта,*

перваго врача короля Французскаго. Переводъ съ Французскаго. Въ 8; 191 *стран.*

То и другое сочиненіе заслуживали, чтобы ихъ передать на Русской языкъ. Гидропатія (леченіе водою) конечно съ пользою можетъ быть употреблена для лошадей. Опытные и столь извѣстные врачи, которыхъ рецептами воспользовался Прудоммъ, многое могутъ пополнить въ медицинѣ.

16. Игра въ вистъ. *Собраніе законовъ, правилъ и постановленій, употребляемыхъ въ этой игрѣ, объясненныхъ примѣрами, извлеченными изъ лучшихъ сочиненій по сему предмету, какъ старой, такъ и новой школы, отъ Хойля до Мечюся. Перевелъ съ Англійскаго* Б. К. Е. Сомогоровъ. *Въ* 16; 131 *стран.*

Казалось бы, довольно уже и того, что на вистъ потребляется столько времени въ продолженіе игры: нѣтъ — хотятъ еще, чтобы мы и читали о вистѣ. Какое ученое заглавіе! Авторъ по видимому только и ожидаетъ, чтобы гдѣ-нибудь открылась каѳедра виста: онъ тотчасъ предстанетъ съ книгою своею и предъявитъ неотъемлемыя права на занятіе профессорской должности.

17. *Совѣты Крейсиха* о средствахъ противъ убытковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, *при-*

чиняемыхъ вліяніемъ неблагопріятной погоды, изданные членомъ Императорскаго *вольнаго экономическаго общества* Н. Пейкеромъ. *Въ* 16; 156 *стран.*

Замѣчанія очень хорошія. Наши хозяева, при чтеніи этой книги, должны только имѣть въ виду то, что Крейсихъ предлагаетъ свои совѣты Нѣмцамъ сообразно положенію хозяйства въ Германіи. Русскіе могутъ примѣнять къ себѣ не все — и то съ осмотрительностію.

II.

18. Живописное путешествіе по Азіи, *составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе и украшенное гравюрами. Переводъ* Е. Корша. *Изданіе А. Ширяева.* Томъ IV. *Въ* 8; 241 *стран.*

19. Хирургія, *сочиненная М. І. Хеліусомъ, докторомъ медицины и хирургіи. Переведенная съ Нѣмецкаго* Генрихомъ Леемъ. Части 2 и 3. *Въ* 8; 381 *и* 259 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. Странникъ. *Сочиненіе* А. Вельтмана. Изданіе второе. Часть I. *Въ* 12; 144 *стран.*

2. Басни Ивана Крылова. *Въ осьми книгахъ.* Сороковая тысяча. *Въ* 8; 300 *стран.*

*

3. *Новые* Французскіе и Русскіе разговоры, *составленные и раздѣленные на* 150 *уроковъ* г. Сомовымъ. Четвертое изданіе. *Иждивеніемъ Матвѣя Заикина. Въ* 8; 234 *и* X *стран.*

*

4. **Описаніе посольства**, *отправленнаго въ 1659 году отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II, Великому Герцогу Тосканскому. Въ 8; 66 стран.*

5. **Карты пяти частей свѣта**, *какъ-то: Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи, съ глобусомъ, составленныя Географомъ Департ. Нар. Просвѣщ. А. Максимовичемъ; а по извѣстнымъ путешествіямъ гг. Крузенштерна, Литке, Головнина, Беллинсгаузена, Коцебу, Лазарева, Франклина, Денгама, Клапертона, Бичея, Парри и Росса исправлены и дополнены* Ѳ. Позняковымъ.

*

6. **Мысли объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства** *и улучшеніи быта поселянъ хлѣбопашцевъ.* **Изданіе второе**, *дополненное.* Петра Шеміота. *Въ 8; V и 232 стран.*

7. **Карманная книжка для скорѣйшихъ и вѣрныхъ расчетовъ**, *заключающая курсъ Россійской и иностранной золотой и серебреной монеты. Составленная* А. Крюковымъ. **Изданіе второе.** *Въ 16; 23 стран.*

*

8. Балакирева *полное собраніе анекдотовъ, шута, бывшаго при дворѣ Петра Великаго.* Изданіе 2-е. *Въ пяти частяхъ.*

9. Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ *и о прекрасной королевѣ Ранцывенѣ.* Изданіе второе. *Въ* 12; 158 *стран.*

10. Повѣсть о приключеніи Англійскаго милорда Георга *и проч.* Изданіе осьмое. *Три части. Въ* 12; 104, 68 *и* 110 *стран.*

11. Народный Русскій пѣсенникъ. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 12; 92 *и* 92 *стран.*

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Спѣшимъ обрадовать нашихъ читателей. Наконецъ получена здѣсь книга: *La Russie dans l'Asie mineure, ou campagnes du maréchal Paskevitch en* 1828 *et* 1829 *précédées d'un tableau du Caucase, par* Felix de Fonton—изданная въ Парижѣ со всею типографическою роскошью и единогласно расхваленная всѣми иностранными журналами за ея неотъемлемое внутреннее достоинство. При этой книгѣ находится литографи-

рованный портретъ фельдмаршала Паскевича; сверхъ того: 1) общая карта театра войны, 2) планъ осады Карса, 3) планъ сраженія подъ Ахалцихомъ, 4) планъ осады Ахалциха — и еще пять плановъ, представляющихъ военныя дѣйствія того же времени.

ПОВѢСТИ.

ПАННА СОТНИКОВНА.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

Посвящается Аннѣ Григорьевнѣ Квиткѣ.

Въ сотенномъ мѣстечкѣ Тарановкѣ, Харьковскаго казачьяго Слободскаго полка, въ домѣ пана Сотника, въ такъ, по тогдашнему, называемой «большой хатѣ», въ ясный морозный день, сидѣла у окна дѣвушка и прилѣжно занималась работою. Передъ нею лежало нѣсколько церковныхъ пеленъ, эпитрахилей, поручей и другихъ вещей старыхъ и истертыхъ. Дѣвушка со всею заботливостью выбирала, отбирала, подбирала одно къ другому; и когда изъ двухъ или трехъ обрывковъ могло составиться что-нибудь одно цѣлое, тутъ удовольствіе показывалось на лицѣ ея; она осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ, взглядывала къ образамъ, у коихъ теплилась лампада, съ умиленіемъ цаловала крестикъ, нашитый на которой-либо вещи,

починиваемой ею, и принималася сшивать ихъ. Отъ ранняго утра, она *не покладала рукъ*, такъ спѣшила съ своею работою, и хотя передъ нею лежала еще порядочная куча ветоши, но и въ сторонѣ, на столикѣ, покрытомъ чистою скатертью, лежало еще болѣе отдѣланныхъ и вычиненныхъ ею, подшитыхъ, сшитыхъ, порядкомъ сложенныхъ и накрытыхъ другою скатертью вещей. Отдѣлывая какую пелену или покровецъ, она, сложивъ его, клала въ кучу подъ скатерть и думала: «слава Богу! все меньше остается и, Богъ поможетъ, къ вечеру все кончу; а завтра, когда зазвонятъ на «царскіе часы», отнесу и отдамъ батюшкѣ отцу Филиппу... Охъ, какъ онъ меня въ прошедшую недѣлю (воскресеніе) застыдилъ, когда, раздавши людямъ дару (антидоръ), послѣ обѣдни, вдругъ выкликаетъ меня: «Параскева Мироновна!.. Я и не опомнилась! думаю, что это не меня кличутъ, оглядываюсь на другихъ, а онъ повторяетъ: «Параскева Мироновна, панна Сотниковна! сходите сюда.» Нечего было дѣлать, пошла. Иду — и ноги не служатъ... а онъ и даетъ мнѣ узелъ и говоритъ: возмите, доню, и поработайте на церковь Божію. Вычините это старенькое; можетъ, будетъ что прилично для употребленія въ храмѣ Господнемъ. Знавши чистую душу вашу и усердіе къ святынѣ, увѣренъ, что вы безъ лѣности и съ непорочными мыслями симъ займетесь.» А я краснѣю, а я краснѣю! Свѣта Божьяго не взвидѣла, и только, знай, цалую руку его.... То уже правда, что пристыдилъ при такомъ мно-

жествѣ!.. И что-то народъ!.. Какъ они батиньку почитаютъ! Даже и мнѣ всегда даютъ дорогу и кланяются; а тутъ и еще больше начали меня шановать. И разступаются, и на другихъ говорятъ: «отступися; панна Сотниковна идетъ, несетъ церковныя вещи»; другой ко мнѣ заговариваетъ: «Боже вамъ помогай, панночка! потрудитесь для Божіей церкви къ празднику святому.» Иной вызывался нести узелъ за мною... Благодарю Бога моего! — проговорила она уже громко и перекрестяся: — что подчиненные любятъ батиньку, а чрезъ него и всѣхъ насъ... Ты, Господи, возлюби меня и удостой царства твоего!» И она предалася, какъ привыкла, подобнымъ размышленіямъ.

Съ утра еще, какъ сѣла за работу, задумавшись и забывшись, начала-было, своимъ серебренымъ голосочкомъ, пѣть какую-то пѣсенку; но вдругъ, вспомнивъ, какимъ дѣломъ занимается, вскрикнула: «Ахъ, Господи! что я сдѣлала?» и тутъ же, вскочивъ, положила три земныхъ поклона, моля Бога простить забывчивость и разсѣяніе ея; оградила крестомъ стѣны комнаты, чтобы отогнать искусителя, сѣла за работу, все сожалѣя, что, при такомъ святомъ занятіи, она допустила овладѣть собою свѣтскимъ мыслямъ.

Въ горницѣ, гдѣ сидѣла наша панна Сотниковна, слышны были шумъ и голоса женщинъ, прибирав-

шихъ въ другихъ, черезъ сѣни, комнатахъ, какъ обыкновенно передъ большимъ праздникомъ. Голосъ хозяйки, пани Сотниковой, слышенъ былъ изъ-за всего шума; но она не была брюзгливая хлопотунья, а благоразумная и взыскательная распорядительница, и все приказывала толкомъ, съ разсудкомъ, и отъ того дѣло шло очень успѣшно. Работающія женщины разсуждали между собою: «У другой «панеи» и въ два дня того бы не сдѣлали, что у нашей пани Сотнички въ одинъ ранокъ (утро) кончили, за тѣмъ, что съ толкомъ приказываетъ, и у нея одно другое не погоняетъ.»

И вотъ, пани Сотникова, видя, что всѣ приборы кончены и все уставлено по мѣстамъ, приказала Марьянѣ, ключницѣ своей, не отходившей отъ своей «панеи», дать рабочимъ водки и позвать къ обѣду. «Смотри же — подтверждала она ей — чтобы всего было вдоволь, и чтобы люди не были голодны. Работы требуемъ, такъ надобно и имъ выгоды дать.» Потомъ она вошла къ дочери, и тутъ же, изъ мѣдной лоханки, у дверей прибитой, умылася, обмыла пыль, павшую на лицо и руки ея, утерлася, пошла въ комнату (спальню и вообще домашнюю комнату), зашла за серпянковой пологъ и тамъ, не бывъ вовсе никѣмъ видима, еще старалась укрываться, перемѣняя свою головную шапочку (не пригоже, если бы кто, и даже изъ дѣтей ея, увидѣлъ ея голову ничѣмъ не покрытую), и вошла опять въ большую комнату,

передъ маленькимъ, въ золоченыхъ рамочкахъ съ зелеными по нихъ розводами, зеркальцемъ поправилась и, взглянувъ въ окошко, сказала:

«Неидетъ же Вася изъ школы, а уже пора обѣдать. У меня такъ много дѣла! Съ приборами управилась, а послѣ обѣда надобно приниматься за другое: птицу заготовить на всѣ святки для себя и людей. Когда управлюся?»

— Еще же, мамо, завтра цѣлый день — сказала дочь.

«Такъ завтра опять другое дѣло. Завтра «святвечеръ»; надобно приготовить по закону, что для насъ, а что и для людей. Пока обдѣлю всѣхъ на «узваръ», такъ и утро пройдетъ; а мало ли и пироговъ надобно? Горпина же не можетъ помогать намъ, она будетъ готовить все нужное къ празднику. Воротится ли еще сегодня мой Миронъ Петровичь?»

— О! когда батинька сказали, что сегодня будутъ, такъ уже вѣрно будутъ; развѣ старшина зачѣмъ продержатъ, а все-таки къ такому великому празднику отпустятъ къ своимъ.

«Къ празднику? А каково же намъ будетъ, мнѣ безъ хозяина, а вамъ безъ отца, сѣсть «за узваръ и кутью?» Одинъ разъ въ годъ законъ исполняется.

Кто живой дождетъ на тотъ годъ. Ужъ мнѣ эта служба! Вѣкъ нашъ пройдетъ, и не наживемся и не навидаемся. То старшина призываетъ къ себѣ, то посылаетъ куда; а пуще всего какъ походъ скажутъ, такъ тутъ уже ни жива, ни мертва. Каково намъ было, какъ «по зато-рикъ (третьяго года)» провожала его съ казаками еще даже за Изюмъ, подъ «барвинкину-стѣнку?» И наплакалась, и нагоревалась, и всего передумала. Нѣтъ, Парася, доненька моя! какъ ты себѣ знаешь; а я не совѣтую итти за служащаго. Ты, по своему сердцу, не доживешь вѣку!»

— Ой, мамочка-мамочка! развѣ жъ вы не знаете моей натуры? Ни за что не пойду за мужъ.

«Будто и можно тебѣ такъ прожить? Была моложе, передумывала все; до двадцати лѣтъ стыдно было бы и помышлять о женихахъ; а вотъ, отъ первыхъ Парасковей (14-го октября) пошелъ тебѣ уже другой годъ на двадцать лѣтъ, такъ пора дѣтскіе вѣтры выкинуть изъ головы. Съ полгода, какъ я уже помаленьку начала приготовлять тебѣ приданое. Кто знаетъ? иной не посмотритъ на твои молодыя лѣта, пришлетъ и въ этотъ мясоѣдъ людей; нечего будетъ дѣлать; намъ тебя не держать. Вонъ у тебя еще двѣ сестры ростутъ.

— Мамочка-душечка! — Послѣ нѣкотораго молчанія, перекрестясь, начала говорить Парася, оставивъ

свою работу и наклонивъ головку на лѣвое плечо, а правою рукою щипала свои пышные у рубашки и разными шелками вышитые рукава: — Теперь, какъ къ рѣчи стало, такъ я бы вамъ что-то сказала. — И сама же зарумянилась, какъ атласная, алая юпка (корсетъ), что охватывала стройный станъ ея.

«Говори, доня, что у тебя на мысли — сказала мать.

— На мысли у меня то, мамочка, что я боюсь и открыть и утаить, не рѣшивъ еще, благо ли это будетъ для меня и отъ Бога ли такая мысль?

«Открой мнѣ, и мы вмѣстѣ разберемъ.»

— Помните ли, какъ мы, года три назадъ, ходили въ Хорошевскій монастырь видѣть постриженіе пани Квитковой (*изъ Лѣтописи*).

«Она была за-мужемъ за бунчуковымъ товарищемъ паномъ Гамалѣемъ, да не долго пожила за нимъ. Какъ ходили наши казаки съ паномъ полковникомъ Харьковскимъ, Квиткою, ажъ въ Персію, и онъ съ ними ходилъ, да тамъ и умеръ. А бѣдная вдова года три погоревала и постриглася въ монахини.»

— Какая она молодая, богатая, хорошаго роду, а все оставила ради спасенія души своей.

«Вотъ и сестра ея также поступила. Я очень хорошо знала панну Ѳеодосію, нашу таки полковниковну. Благочестивая душа была! Не пожелала замужъ, оставила знаменитыхъ родителей, богатство, все также презрѣла. А тутъ вскорѣ и другая сестра ей послѣдовала (*изъ Лѣтописи же*). Такъ, пожалуй, къ чему же это ты заговорила?

— Къ тому, маточка, что я при этомъ постриженіи и насмотрѣлась и наплакалась!.. Что со мною тогда было, я не могу вамъ и расказать. Я была какъ на небесахъ! Сердце во мнѣ горѣло, душа пылала и стремилася къ Богу; готова была тогда же кинуться къ архимандриту, который постригалъ госпожу Марію... а послѣ... а потомъ...

«Что же послѣ, что потомъ? договори уже.» Сказала мать съ безпокойствомъ.

— А потомъ... вотъ четвертый годъ, какъ у меня пламенное желаніе быть монахинею... Я прошу Бога утро и вечеръ, что, если угодна ему моя жертва, благоволилъ бы принять ее и меня въ исполненіи укрѣпить. Если же я недостойна быть въ числѣ избранныхъ, то... сотворилъ бы со мною по волѣ своей...

Съ изумленіемъ слушала мать слова дочери. Открытіе это было неожиданно, и она, полная благочестія, не могла, не смѣла и не знала что отвѣчать; но глядя на иконы, какъ будто испрашивая наставленія свыше, сказала: — «Дѣло святое и великое ты задумываешь, доченька моя! Я, своимъ женскимъ умомъ, не смѣю тебѣ ничего сказать; только знай, что ты во мнѣ всю кровь взволновала. Отсовѣтывать тебѣ и не пускать, боюсь, не будетъ ли въ томъ грѣха? Согласиться, ужасаюсь, понимая всю важность клятвъ, кои ты должна будешь произнести!.. И страшуся мысли, разстаться съ тобой!.. А чтобъ не погрѣшить, не будемъ больше говорить объ этомъ. Пріѣдетъ твой пан-отецъ, отойдутъ праздники, тогда открой ему душу свою. Знаю, что и онъ не рѣшитъ ничего; такъ соберемся и пойдемъ въ «Озерянскую пустынь», что за Мерефою, помолимся Богу и посовѣтуемся тамъ съ святыми отцами.»

— Я и сама думала, маточка моя, совѣтоваться, съ кѣмъ только должно, но не прежде, какъ уже вамъ все открывъ. Я и духовному отцу, на исповѣди, не объявляла. Какъ же теперь сказала вамъ, такъ мнѣ стало легко на душѣ. Одной же милости у васъ попрошу. Позвольте мнѣ уже оставить всѣ наряды и убранства и во всѣ святки не ходить никуда по гостямъ, а сидѣть дома.

«Любая моя Парася! — сказала мать, лаская ее и цалуя въ голову: — «не дѣлай этаго, и я тебѣ не совѣтую. Желанія и намѣренія твоего никто не знаетъ, а всѣ будутъ удивляться твоему затворничеству. Тебя же всѣ любятъ и почитаютъ первою между панночками. Не видя тебя въ своемъ кругу, пойдутъ толки. А какъ, не дай Богъ, пройдетъ какая слава? Дѣвичья слава какъ стекло; и одно дыханіе наводитъ тусклость. Дастъ Богъ, дождемся послѣ завтра праздника Рождества Христова, ты и убирайся и наряжайся; слава Богу, есть во что! Будешь ходить съ нами по гостямъ, а въ сердцѣ имѣй свое. Богъ будетъ видѣть все, и люди не осудятъ....

Тутъ вбѣжалъ изъ сѣней мальчикъ лѣтъ 13-ти, въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ синею китайкою, и бросивъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадку и линѣйку, перекрестился къ образамъ, поклонился матери и сестрѣ, и посиѣшно бросился къ зеленой, изразцовой печкѣ отогрѣвать окостенѣвшіе пальцы свои. То погрѣетъ, то потретъ ихъ, то дышетъ на нихъ, а ногами то и дѣло стучитъ по деревянному полу.

— Видно ты очень озябъ, Вася? — спросила мать.

«Несносно холодно! — отвѣчалъ мальчикъ: — въ силу добѣжалъ изъ школы.»

— Отъ чего же такъ долго оставался тамъ? Давно пора обѣдать.

«Панъ Симеонъ большіе стихи задалъ всѣмъ, насилу выучили и долго прочитывали предъ нимъ. А тамъ велѣлъ твердить зяды, чтобъ не забыли черезъ праздники. Потомъ протверживали «вирши», что говорить передъ старшинами, когда, съ батинькою, поѣду въ Харьковъ.

Пани Сотникова, имѣя на рукахъ много дѣла, хлопотала объ обѣдѣ, а Парася, когда братъ уже совершенно обогрѣлся, просила его прочитать тотъ стихъ изъ псалтиря, который онъ сегодня выучилъ.

Это она дѣлала каждый день и всегда затверживала въ памяти читаемое братомъ. Теперь же, когда она, намѣреніе свое итти въ монастырь, сдѣлала извѣстнымъ матери и надѣялась достигнуть своего желанія, то и просила брата «показать ей азбуку и склады.»

— Къ чему это, сестра? Не ужели ты хочешь быть *письменною*? — спросилъ удивленный Вася.

«Желала бы, когда Богъ поможетъ.»

— Какъ это можно? Дѣвушкѣ, и знать письмо? Тебя женихи осудятъ.

«Моему жениху это будетъ пріятно. Для него хочу я выучиться, чтобы пристойнѣе съ нимъ бесѣдовать.»

Условились начать ученіе послѣ святокъ, «когда вода отсвятится.»

Поздо вечеромъ возвратился изъ главнаго, полковаго города Харькова панъ Сотникъ Миронъ Петровичь. Хвалился женѣ, что былъ милостиво принимаемъ паномъ полковымъ обознымъ Иваномъ Григорьевичемъ, а наипаче родителемъ его самимъ вельможнымъ паномъ полковникомъ Григоріемъ Семеновичемъ Квиткою, и отъ сей главной старшины уволенъ отъ пріѣзда на праздники съ поздравленіями, ажъ до новаго года, потому что-де на святкахъ отправляется въ здѣшнія сотни коммиссія изъ чиновниковъ, находящихся «при Михаилѣ Романовичѣ Хрущовѣ, *отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку* г-нѣ майорѣ, производящемъ въ Слободскихъ полкахъ перепись» (*изъ Лѣтописи*). Нужно будетъ и у насъ сдѣлать нѣкоторыя повѣрки.

«И я вамъ, пане Мироне, маю кое-что объявить, что у насъ дѣлается и что я узнала; да нехай уже послѣ праздниковъ, чтобъ не смущать сердца вашего.» Такъ говорила пани Сотникова мужу, желая предварить его о намѣреніи дочери.

— А что же, душка — сказалъ панъ Сотникъ: — когда нужно предотвратить каковую бѣду, то нечего выжидать праздниковъ. И веселѣе встрѣтимъ святые дни, когда душа будетъ покойна.

«Да тутъ нѣтъ никакаго смущенія — отвѣчала пани Сотникова: Богъ съ вами, не турбуйтеся позанапрасно.» И тутъ же объявила отцу о намѣреніи дочери, и какъ она объ этомъ съ нею говорила. Такое извѣстіе потревожило пана Сотника, но жена его успокоивала его словами: «Нуте бо отложите думки; порадимось опосля, а теперь лучше спочиньте.»

На завтрашній день — это былъ «первый святвечеръ (сочельникъ предъ Рождествомъ) — пани Сотниковой много было дѣла. Она встала «въ до-свѣта», распоряжала, приготовляла все необходимое на тотъ день, именно: «взваръ и кутью» * законныя принадлежности къ обѣду, или правильнѣе къ ужину. Не успѣла она управиться съ этой частью, какъ нагряну-

* Взваръ — или, по выговору — узваръ. Сушеныя вишни, яблоки, груши и т. п. и еще, по достатку, изюмъ, винныя ягоды, черносливъ варятся и подаются послѣ всего за обѣдомъ въ сочельникъ, такъ равно и «кутья», изъ пшеничныхъ крупъ каша, расправляемая сытою или сокомъ изъ маку. Въ самой большой бѣдности. эти два блюда необходимы, иначе наступающій праздникъ встрѣтится съ горестью, что не изъ-чего было исполнить обряда или — по разумѣнію простаго народа — закона. Достаточные почитаютъ священною обязанностью надѣлить неимущихъ всѣмъ необходимымъ для взвара и кутьи. Оба эти горшка ставятся на почотномъ углѣ и во всѣ свят-

ли къ ней женщины дворовыя и подданныя ея, живущія въ томъ же селеніи; пришли и бѣдныя казачки, по бѣдности не могущія въ такой день имѣть «законной пищи.» Всѣ онѣ явились для полученія нужнаго для взвара и кутьи. Подъ личнымъ надзоромъ пани Сотниковой отпускаема была имъ провизія по соразмѣрности семействъ; нѣкоторымъ же сама поукладывала разныхъ ягодъ, говоря: «Въ этой семьѣ есть маленькія дѣтки; пусть для праздника полакомятся ягодками. Прибавьте имъ и медку побольше.»

Пани Сотникова знала всѣ бѣдныя семейства въ Тарановкѣ и снабжала ихъ необходимымъ не только для жизни, но и въ уреченные праздники доставляла, что имъ было нужно — по ея выраженію — «для закона», не ведя ни въ чемъ счета, а только смотрѣла на крайность просившихъ. Панъ Сотникъ же, хотя и ни во что домашнее не входилъ, но когда видѣлъ возвращающихся съ полученнымъ пособіемъ, то, пересмотрѣвъ данное, воротитъ казачку и скажетъ женѣ: «Прикажите, душка, прибавить ей чего-нибудь еще. Я знаю ихъ и видѣлъ всю ихъ нужду. Бѣдность такая, что способу нѣтъ.»

ки подаютъ къ столу: изъ нихъ съѣдаютъ хотя по немногу въ концѣ обѣда. Въ голодный же свят-вечеръ (крещенскій сочельникъ) совсѣмъ доѣдаютъ взваръ и кутью съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ святыню, прося Бога, чтобъ благословилъ дождать и на будущій годъ.

Управясь немного съ приходящими, начала горевать и жаловаться Марьянѣ, ключницѣ и по всѣмъ заботамъ правой рукѣ своей: «Посмотри, Марьяна, что это? Никто нейдетъ получать взвару?»

— Побойтесь Бога, пани! что вы это говорите? отвѣчаетъ вѣрная прислужница, за усердіе свое имѣвшая право свободно объясняться съ своею панею: сколько вы за весь ранокъ (утро) роздали!

«Такъ сколько же и осталось! У покойной матери моей, царство душѣ ея, что бывало ни заготовятъ къ этому дню, все тутъ и раздадутъ. И матусенька даже заплачетъ было отъ радости. Меня же какъ то не такъ люди любятъ; почитай никто и не приходилъ.»

— Потурать вамъ (дать волю), такъ вы бы все роздали. И такъ всю Тарановку обдѣлили, а то и панянка: утромъ понесли за нею полнехонькіе узлы со всѣмъ добрымъ. Вотъ же то раздастъ, а придетъ, такъ еще будетъ посылать, кому вздумаетъ.

Но куда же это Парася, вмѣсто того, чтобы помогать матери въ ея хлопотахъ, куда она пошла изъ дому? Уже лѣтъ пять, какъ она выпросила у матери позволеніе, въ уреченные дни въ году, отлучаться *куда и зачѣмъ сама знаетъ*. Предъ такими днями она получала отъ отца положенное число денегъ и,

дополнивъ ихъ выработанными своими трудами, употребляла ихъ по своей волѣ.

Въ это утро, первый выходъ ея былъ къ одной казачкѣ, вдовѣ, похоронившей мужа предъ тѣмъ за три дня. Она застала ее горюющую съ пятью сиротами, и изъ нихъ меньшее лежало въ оспѣ. «Матусенька моя знаетъ, что ты, Оксано, истратилась на похороны мужа, и что не можно тебѣ никуда отлучиться отъ твоихъ дѣтокъ, да еще и отъ больнаго, прислала тебѣ на взваръ и кутью чего надобно. Пожалуста возьми. Я бъ у тебя посидѣла, да мнѣ некогда—спѣшу домой. Такъ сказала панна Сотниковна горемычной вдовѣ и, положивъ узлы на столъ, спѣшила уйти. Но хозяйка, уже знавшая «панночкину натуру», поскорѣе ощупала узлы и, удерживая Парасю, говоритъ: «Не на одинъ взваръ вы мнѣ пожаловали, тутъ есть и деньги...»

— Не знаю, моя голубочка! — отвѣчала торопливо Парася, а сама спѣшила уйти изъ хаты: — когда есть деньги, то вѣрно моя матусенька тихонько отъ меня положила. Не говори и ты ей ни слова, а молитесь за нее и моего таточку...

— И за тебя, Ангелъ-утѣшитель нашъ, молятся всѣ несчастные!.. говорила вдова, утирая слезы съ поднятыхъ къ небу глазъ...

«Здравствуйте, мои горькіе старички!.. сказала панна Сотниковна, входя въ полуразваливающуюся хижину, въ коей оканчивали свой вѣкъ разбитый въ рукахъ параличемъ старикъ и вовсе слѣпая старуха, жена его: вотъ это вамъ и на-сегодня и на-завтра для розговѣнья. Теперь же знайте, что Ѳеська уже не будетъ приходить служить вамъ...»

— Отъ чего же это, наша милая паняночка? — спрашивала старуха, ища по ея голосу руками, чтобы схватить, если уже не руку, то хоть полу ея платья и поцаловать въ отраду себѣ: отъ чего же это? Она такъ усердно за нами смотрѣла, такъ охотно услуживала. .

«Она намъ сказала—прервалъ расслабленный старикъ—что вы, панночка, еще недавно прибавили ей цѣны за услуги намъ...»

— Я упросила Трофима Набоку—поспѣшила перервать его панна Сотниковна: и онъ принимаетъ васъ къ себѣ. Хата у него просторная, теплая. Дочь его, моя пріятелька, обѣщалась мнѣ смотрѣть за вами, какъ за отцомъ и матерью...

«Да упокоитъ васъ Богъ, какъ вы насъ... начала-было говорить старуха, но, услыша затворяющуюся дверь, умолкла. Мужъ ея плакалъ какъ дитя...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избы сихъ несчастныхъ Парася встрѣтила того Трофима, кого *будто* упросила принять ихъ. Тутъ же она вручила ему по условію деньги за содержаніе и присмотръ, обѣщевая еще прибавить, если старикамъ будетъ хорошо у него...

Въ такихъ и подобныхъ тому занятіяхъ Парася провела все утро сочельника и уже возвращалась домой, чтобы, забравъ починенныя ею вещи церковныя, отнести священнику, какъ подошелъ къ ней молодой казакъ и сказалъ ей о своемъ горѣ...

«Ты знаешь, Осипъ, что я у пан-отца прошу только за невинныхъ, а ты въ этомъ дѣлѣ очень неправъ; но—не знаю, успѣю ли, а просить буду...»

— Не только пан-отецъ, самъ Богъ услышитъ молитву твою, наша благодѣтельница! Сколько ты утерла слезъ горькихъ въ это несчастное утро, сколько поселила отрады скорбнымъ, какою радостью надѣлила ты страдавшихъ!.. Такъ говорилъ Осипъ, но говорилъ самъ себѣ, потому-что Парася уже далеко была отъ него...

Зазвонили на царскіе часы. Пани Сотникова послала просить къ себѣ мужа и сказала ему: «Не успѣю никакъ вырваться къ церкви, много хлопотъ; даже и свѣчь не ссучила. Пусть Богъ проститъ,

пойду ужо *до службы*, и свѣчи сама донесу. А теперь, на часахъ, пожалуйте поставьте четыре свѣчи у Евангелія, когда станутъ читать. Вотъ вамъ на нихъ четыре денешки *» — и начала доставать ихъ изъ *калитки*, всегда висѣвшей у нея на поясѣ.

— Не турбуйтесь, душка, я маю и свои деньги—сказалъ панъ Сотникъ.

«То ваши, а то мои трудовыя. Вотъ же и пятая денежка, подайте, за Христа ради, старцу.»

И панъ Сотникъ, «одягшись въ теплую кирею», взялъ шапку, пока простую, и пошелъ къ церкви, подпираясь палкою, на коей вмѣсто набалдашника была преискусно вырѣзана голова заморской, по воображенію, птицы.

Пани Сотникова управилась со всѣми своими хлопотами, какъ вошелъ къ ней панъ Сотникъ, уже спочившій послѣ долгаго стоянія въ церкви. Парася, кончивши все, что ей хотѣлось, также возвратилась и отогрѣвалась стоя у печки.

«Всѣхъ ли знакомыхъ своихъ обходила, Парася? «спросилъ ее отецъ, трепля ласково по румяной

* Это было въ 1732-мъ году. Тогда свѣчка за денешку была больше нынѣшней гривенной; и денежка, какъ извѣстно, цѣнилася во сто разъ противъ теперешней.

щечкѣ, еще болѣе покраснѣвщей отъ такаго начала. Чего краснѣть? Я все знаю; знаю, кого ты призираешь, кому помогаешь... Ахъ! я не властенъ ничего на это сказать тебѣ; Отецъ нашъ, видяй втайнѣ, тотъ...» и старикъ отъ умиленія не договорилъ.

— Тотъ воздастъ вамъ за все!—договорила Парася: я только исполняю желаніе ваше, слѣдую примѣру, вами мнѣ внушенному, а дары ваши, отъ васъ получаемые и по наставленію вашему употребляемые.

«Такъ, такъ—сказалъ отецъ, утирая слезу—ты и на насъ призываешь благословеніе Божіе. Продолжай, доню, всегда такъ чувствовать и поступать; не оставляй того и въ новой тебѣ открывающейся жизни.»

— Стало, таточка, вы согласны? мамочка сказала вамъ?..

«Сказала—отвѣчалъ серьёзно панъ Сотникъ: только эта мысль у тебя, какъ ни благочестива, но дѣтская, юная. Ты обязана прежде всего исполнять во всемъ безпрекословно волю родителей. Мы желаемъ, чтобы ты исполнила все, чѣмъ обязана, прежде, намъ, а тамъ и ближнимъ. Для того не должна ты отвергнуть того жениха, котораго я пріискалъ тебѣ и въ

теперешнюю мою поѣздку въ Харьковъ выправился объ немъ досконально. Старшина и всѣ похваляютъ его, а панъ полковникъ нашъ, прося меня — да, доню! — прося не откладывать, обѣщалъ именно поставить сотникомъ въ Золочевъ. А это уже не шутка, когда въ такія молодыя лѣта дѣлаютъ ему такую довѣренность.»

— Хорошо, таточка! — нескоро начала говорить Парася, смутившаяся неожиданнымъ предложеніемъ отцовскимъ. — Что же потомъ, когда я выйду замужъ?

«Какъ что? Ты будешь счастлива мужемъ, дѣтьми. Богъ благословитъ, достатокъ будешь раздѣлять съ неимущими ближними.»

— А потомъ, таточка?

«А потомъ?.. извѣстно... потомъ... Отецъ милосердый призоветъ тебя, по закону, данному всѣмъ человѣкамъ... призоветъ тебя принять награду...»

— И все же кончится на томъ—сказала Парася съ невыразимо-пріятною улыбкою отъ самодовольствія, что ея мнѣніе неоспоримо: — что послѣ всего должно умереть! Такъ не лучше ли, не прилѣпляясь ни къ чему, не связывая чужой судьбы съ своею, быть ко всему равнодушною и готовою, съ полною вѣрою на

милосердіе Божіе, во всякой часъ оставить этотъ ничтожный свѣтъ?

Отецъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, съ какимъ-то уваженіемъ, хотѣлъ говорить; услыша благовѣстъ къ обѣднѣ, перекрестился и сказалъ: «Теперь не время уже говорить, отложимъ до послѣ-праздника. Пойдемъ къ церкви предначинать спасительный праздникъ.» И все семейство, принарядясь скромно и прилично постному еще празднеству, отправилось чинно въ церковь. Обѣдня кончилась въ захожденіе солнца. Тутъ пошли приготовленія къ ужину со всѣми обрядами. Накурили ладономъ, столъ устлали сѣномъ, покрыли скатертью и на столѣ поставили свѣчу желтаго воску. На почетномъ мѣстѣ стояли взваръ и кутья, окруженные кучами пироговъ съ разными веществами. Не садились за столъ; ожидали звѣзды. Панъ Сотникъ, при всемъ благочестіи своемъ, какъ человѣкъ служивый и бывшій не одинъ разъ въ походѣ противъ Крымской орды, слѣдовательно привыкшій *разрѣшать* пораньше, сѣтуя на медленность звѣзды, прилегъ на лавкѣ и, чтобы не упустить перваго появленія ея, приказалъ Кулинкѣ, дѣвчонкѣ лѣтъ двенадцати, стоять на дворѣ и выглядывать звѣзду. Во ожиданіи вѣстовщицы, Парася присѣла къ отцу и, ласкаясь къ нему, начала его просить объ одномъ казакѣ, именно о томъ Осипѣ, который утромъ просилъ ея предстательства за него у пана Сотника. Онъ, какъ лично видѣвшій, нѣкоторыя не-

большія шалости, Татарами сдѣланныя, посланъ былъ къ пану полковнику въ Харьковъ для личнаго донесенія, но не поѣхалъ, а нанялъ вмѣсто себя другаго. Въ то утро панъ Сотникъ, за такую ослушность Осипа, приказалъ его *научить добре*, но когда уже отойдутъ праздники. Теперь Парася ходатайствовала, чтобы наказаніе вовсе было отмѣнено.

«Неможно, доню! съ прискорбіемъ отвѣчалъ ей отецъ: «онъ виноватъ противъ службы — сдѣлай онъ это въ походѣ, то ему неминуемая смерть. Онъ казакъ...»

— Таточка! онъ человѣкъ. Въ то время жена родила ему первое дитя; онъ не имѣлъ на кого ихъ оставить; въ ту пору всѣхъ презрѣлъ для спокойствія тѣхъ, кто ему дороже всего.

«Одно слово, доню: неможно. Дай поблажку одному, всѣ выйдутъ изъ повиновенія. Онъ виноватъ.»

— И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ... любый мой таточка! За Онисима Перепелицу, когда онъ побилъ бѣдную женщину, я не просила: онъ былъ виноватъ. Но теперь прошу именемъ предвѣчнаго Младенца, нынѣ нами привѣтствуемаго, пощады отцу, который все презрѣлъ, чтобы

успокоить своего перваго младенца, Богомъ ему посланнаго.

«Чего-то ты не выпросишь! Я не прощаю, но скажи отъ себя пану есаулу, чтобы забылъ исполнить мое приказаніе надъ Осипомъ; а я не вспомню...»

— О таточка!.. вскрикнула обрадованная Парася и выбѣжала изъ комнаты...

Кулинка, ожидавшая звѣзды съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ, нежели самъ панъ Сотникъ — и не видя ея, пустилась на хитрости. Постоявъ недолго на дворѣ, она прибѣжала съ донесеніемъ и пришепетывая кричитъ: «Взе зирка блиснула (звѣзда уже заблистала).»

Вася и меньшія сестры его бросились изъ комнаты, чтобы повѣрить донесеніе Кулинки, но, не видя звѣзды, спрашивали: «гдѣ же твоя звѣзда?»

«От-зе, ей Богу, сцо блиснула, быля мене якъ разъ тутъ и покатилась, та, мабуть, у хмару заховалась. (Ну, право, блестѣла, подлѣ меня, вотъ тутъ, и прокатилась, да, видно, скрылась въ облако).

На небѣ не было ни облачка, и Кулинка обличена въ плутовствѣ къ большой потѣхѣ дѣтей. Они продолжали трунить надъ нею, что занимало и ста-

риковъ; а между-тѣмъ показалась такъ желанная звѣзда. Съ молитвою, благочестиво и чинно сѣли за столъ... Но Параси нѣтъ; куда-то ушла. Очень скоро явилась и она, довольно прозябши и запыхавшись. «Куда ты, доню, въ этотъ часъ отлучалась?» спросили вмѣстѣ безпокоившіеся объ ея отсутствіи родители.

«Таточка мой милый! Надобно было обрадовать скорѣе Осипа, что вы на него уже не сердитесь.»

— Такъ это ты сама бѣгала? спросила мать съ удивленіемъ.

«Къ чему же безпокоить другихъ, когда я могу что исполнить? Притомъ же надо было толкомъ все расказать, чего другой не сдѣлалъ бы. Надобно было видѣть радость его! Завтра утромъ, пока бы онъ узналъ, то все горевалъ бы, а теперь съ какою радостью онъ и жена его встрѣчаютъ праздникъ и какъ благодарятъ васъ...

Но они знаютъ кого благодарить—сказалъ отецъ, утирая слезу—станемъ же обѣдать.

«Батенька!—спросилъ Вася, управившись съ первыми блюдами: отъ чего мы сегодня обѣдаемъ на сѣнѣ?»

— Въ воспоминаніе того, сыну, сказалъ отецъ, что Спаситель, отвергши всѣ удобства, избралъ для рожденія своего самый бѣднѣйшій вертепъ и благоволилъ быть положенъ въ яслахъ, въ сѣно. Въ воспоминаніе того предки наши постановили и намъ завѣщали въ этотъ праздникъ трапезовать на сѣнѣ. Когда будешь хозяиномъ, не оставляй предковскихъ обрядовъ; тѣмъ покажешь, что чтишь память ихъ.

«А отъ чего этотъ славный узваръ и эта отмѣнная кутья, продолжалъ спрашивать любознательный Вася, приготовляются только въ свят-вечеръ?»

— Обыкновеніе у людей, можетъ быть, въ нашемъ только народѣ, при рожденіи дитяти, извѣщая друзей, родныхъ и пріятелей о радости своей, посылать чего-нибудь выпить за здоровье новорожденнаго, что вообще называется «взваръ». Какъ же и Спаситель благоволилъ притти въ міръ и родиться, какъ младенецъ, то мы, при праздникѣ Рождества Его, приготовляемъ взваръ, но уже не изъ крѣпкаго напитка, а изъ сладкихъ овощей, означая тѣмъ, въ самослабѣйшемъ подобіи, сладость спасенія нашего. Какъ же Онъ родился для того, чтобы страданіями принять смерть, то въ воспоминаніе того «при взварѣ» подается и «кутья», обыкновенно поставляемая въ пищу при погребеніи и поминаніи усопшихъ.

По окончаніи стола принесена была усердная молитва, что Богъ удостоилъ все семейство безъ разлученія и въ полномъ здоровьѣ дождать такаго вожделѣннаго наступающаго праздника. Потомъ начался другой обрядъ. Вошли въ комнату дѣти разныхъ возрастовъ, препровождаемыя няньками; даже и грудныя были принесены. Это все были крестныя дѣти пана Сотника, жены его и большее изъ нихъ число панны Сотниковны, Параси Мироновны. Отъ каждаго дитяти принесена была «вечеря»: на тарелкѣ кутья съ сытою, пироги и проч. Это обыкновенно; а отъ достаточнѣйшихъ родителей присланы были изюмъ, черносливъ, пряники и все т. п. Воспріемники должны были обласкать дѣтей, обдарить ихъ ленточками, платочками, вещицами, кого деньгами, все по приличію. Парася долго занималась дѣтьми, «не наласкалась, не налюбовалась ими, не нацаловалась ихъ» и, обдаривъ щедро, отпустила по домамъ. Съ своей стороны, Васю и двухъ меньшихъ дочерей отправила пани Сотникова съ богатыми вечерями къ своимъ воспріемникамъ.

Къ обѣднѣ въ церковь собралась вся сотенная старшина, ранговые казаки и́ множество народа. Панъ Сотникъ весьма удивился, что, еще прежде совершеннаго окончанія обѣдни, казаки *рушили* изъ церкви и панъ хорунжій съ ними. Панъ Сотникъ спросилъ о томъ у пана есаула.

«Эге, ваша вельможность! отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ чванствомъ: «нашимъ хлопцамъ отмѣнно нравится регулярство; насмотрѣлись на Москалей, какъ вмѣстѣ ходили съ ними въ Персію. Такъ теперь хотятъ новою регулою вамъ честь отдать.»

Вышли изъ церкви — и весь народъ, не спѣша въ домы, остановился смотрѣть на невиданное ими до того зрѣлище. Вся сотня стояла *стѣною*, какъ одинъ человѣкъ. Стоятъ какъ вкопаные; высокія ихъ шапки вздѣты на бекрень къ лѣвому уху; ни одинъ не пошевелится, и хоть близко ихъ проходятъ красивыя, *чорнявыя* и разряженныя дѣвки, быстро смотрятъ въ глаза молодымъ, чорноусымъ, *гарнымъ* казаченькамъ, но ни одинъ не смѣетъ затрогать знакомокъ, а только преслѣдуетъ ихъ глазами, и то осторожно, чтобъ начальство не замѣтило. Подмигнетъ знакомой усикомъ, и больше не смѣетъ: *новая регула не велитъ.*

Съ удовольствіемъ посматривалъ панъ Сотникъ на это нововведеніе и съ пріятнымъ ожиданіемъ подходилъ къ своимъ хлопцамъ. По мѣрѣ приближенія его, панъ хорунжій выскочилъ и, ставъ *передъ стѣною*, началъ командовать:

«А нуте!—слухайте!—беритесь за шапки!»

И казаки схватились за шапки, кто правою, кто лѣвою рукою, наконецъ исправились и ожидаютъ команды.

Когда панъ Сотникъ подошелъ уже къ сотнѣ, тутъ панъ хорунжій закомандовалъ громче прежняго и будто на-распѣвъ:

«Знимайте шапки пану Сотнику!»

Лоп-лоп-лоп-лоп-лоп! — Зашумѣли не въ-ладъ снимаемыя шапки; замолотили наши хлопцы руками, словно какъ цѣпами на гумнѣ. Иной поспѣшилъ, другой отсталъ тотъ задѣлъ товарища, свою шапку уронилъ, у другаго выбилъ, шапки катаются, казаки достаютъ, отталкиваютъ, хохочутъ, кричатъ: «то геть бо... се моя... о бодай тебе покалявъ мою... всеобщая суматоха!

Панъ хорунжій, важно снявшій по темпамъ свою шапку, только лишь хотѣлъ сказать поздравленіе пану Сотнику, но, увидѣвъ такой безпорядокъ, разсердился, бросился-было къ нимъ, стуча ногами, но воротился, кинулъ свою шапку на-земъ и закричалъ: «А бодай васъ! Вотъ цѣлую недѣлю училъ, а таки не выучилъ... Ну дарма!.. Поздравляемъ васъ, пане Сотнику, съ великимъ праздникомъ. Не здивуйте, пожалуйте, что не вовсе ладно...»

— Поздоровляемо, пане Сотнику, по старовинѣ!— гаркнули въ одинъ голосъ казаки проходящему мимо ихъ Мирону Петровичу, благодарящему за усердіе и за желаніе потѣшить его *новою муштрою*.

«Се такъ зъ перву; вы бачайте, пане Сотнику; дали навчимось ще и не еёго.» Кричали многіе голоса, и всѣ, уже безъ команды, побѣжали по домамъ.

Старшина также тутъ поздравила пана Сотника, и поспѣшили къ своимъ семействамъ разгавливаться.

Не успѣлъ панъ Сотникъ съ своими возвратиться въ домъ, какъ пришедшее духовенство съ крестомъ, по пропѣтіи церковнаго стиха: *слава въ вышнихъ Богу*: приносило поздравленія съ праздникомъ пану Сотнику «всесемейно».

За-тѣмъ выступили «виршаники» говорить поздравительныя вирши. Въ Харьковѣ уже года три прежде того (въ 1729-мъ году) былъ открытъ «коллегіумъ» или семинарія, гдѣ преподавались всѣ духовныя науки. Чиновники и помѣщики помѣстили туда своихъ дѣтей. *Сыночекъ* пана есаула Тарановской сотни, *мальчикъ* лѣтъ семнадцати, изъ первыхъ поступилъ въ училище и уже дошелъ до піитики. Обязанный поздравить начальника отца своего, онъ упросилъ однаго изъ учителей, вмѣсто старыхъ, вообще говоримыхъ и всѣмъ извѣстныхъ виршей, на-

писать новую «штатскимъ языкомъ», входящимъ во всеобщее употребленіе. Учитель, оставивъ школу и уединясь на двѣ недѣли, написалъ, а панъ есауленко во столько же времени выучилъ ее, казалось ему, твердо. Теперь пришелъ онъ къ пану Сотнику, выступилъ, выпрямился, руки отвѣсилъ, глаза вперилъ въ потолокъ и прежде-нежели сталъ говорить, уже побагровѣлъ, вспотѣлъ, но началъ громко:

«На верхъ, я юный, горъ Парнасскихъ возлетаю.
Сый младъ, вселенный міръ въ-мигъ я обозрѣваю.
Кипятъ и стынутъ, на что я нынѣ зрю, чувства.
Но се упалъ безъ всякаго мой духъ искуства.
Мужайся ты, мой духъ, бодрися и востани...

Тутъ нашъ піита сбился и, не находя послѣдующаго слова, все твердилъ: «востани,.. востани...» какъ панъ Сотникъ, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, подсказалъ ему къ рифмѣ: «прильпе языкъ гортани.» И паничь, не надѣясь поймать Геркулеса, Марса и Сатурна, красовавшихся въ сей виршѣ, заключилъ по необходимости конечнымъ стихомъ, весьма соотвѣтствующимъ *тексту* пана Сотника:

Да тое обрѣтешь ты въ жизни, радость тужъ.
Будь здравъ, великій, и съ семействомъ, доблій мужъ* !

* Анахронизмъ ужасный! Въ тѣ годы *такъ* не писали еще. Эта «вирша» сочинена въ семидесятыхъ годахъ и долго славилась, какъ образцовая «по чистотѣ языка и высокимъ мыслямъ.»

Намѣсто откланявшагося и отошедшаго въ сторону пана есауленка выступилъ дьяченко. Дьячекъ, отецъ его, еще въ молодости своей, досталъ отъ Кіевскихъ бурсаковъ виршу, изъ которой, въ продолженіе времени, многое забылъ, теперь, вспоминая, вставилъ, добавилъ, исправилъ и далъ сыну выучить. Вотъ онъ и началъ.

- ◡ - ◡ - ◡

Пославъ Иродъ свои
Во Виѳлеемъ вои
Погубити дѣти
Всѣ отъ двою лѣты.
Утробы рыдаютъ,
А ихъ поражаютъ.
Мечи страшни блещутъ,
Члены же трепещутъ.
Рахиль бѣдна страждетъ!..
А тутъ крови жаждетъ
Воинъ лютый, и шукаетъ,
Но Христа не обрѣтаетъ!
И необрѣтоша
И вспять отыдоша.
Вѣра жъ намъ настала,
Радость крѣпка возсіяла.
Тую и вашици получити желаю
И съ праздникомъ Рождества Христова поздравляю!

За нимъ подобныя вирши говорили сыновья казаковъ, обучающіеся въ школѣ у пана дьяка.

Всѣхъ ихъ панъ Сотникъ выслушивалъ снисходительно, обдарилъ копѣйками, угостилъ духовенство и, оставшись съ семействомъ своимъ, провелъ весь день, по-тогдашнему, только съ ними спокойно и скромно.

Возвратясь отъ вечерень, Парася, желая и вечеръ провести въ благочестивыхъ занятіяхъ, просила Васю читать ей житіе мученицы Варвары, уже не двадцать разъ ею слышанное. При слушаніи описанія страданій ея Парася плакала отъ умиленія. Отецъ подсѣлъ къ ней и, обнявъ ее, приклонилъ голову ея къ груди своей и сказалъ: «еще ты не наслушалась подвиговъ святой?»

— Завидна участь ея, батюшка! — отвѣчала Парася, сцѣпивъ руки и прижимая къ сердцу.

«Да, доня! Было время и случай для пріобрѣтенія царства.»

— И теперь, батенька, многіе бываютъ гонимы и еще ужаснѣе ближними своими, и страдаютъ если не тѣломъ, такъ духомъ.

«А есть и падающіе.»

— Избави Богъ ихъ отъ такой доли! Не могу похвалиться твердостью своею, но прошу Создателя

въ годину искушенія укрѣпить меня; желаю все презрѣть и на все рѣшиться, лишь бы уклониться отъ грѣха.

Въ подобныхъ разговорахъ проведенъ ими весь вечеръ, и сколько отецъ ни наклонялъ рѣчь къ замужству Параси, ея счастью чрезъ то и какую она доставитъ радость ему и матери, если исполнитъ волю ихъ, но Парася, цалуя руки его, просила дать ей поразмыслить.

На другой день, отъ обѣдни, вся старшина пришла поздравить своего пана Сотника; а ранговые казаки и, такъ называвшіеся тогда, свойственники и подпомощники ихъ, собравшись на дворѣ, громко возглашали свои поздравленія и желанія всѣхъ благъ пану Сотнику съ семействомъ.

Поподчивавъ почетныхъ гостей разными, какъ тогда водилось, водками и упросивъ закусывать что Богъ послалъ, хозяинъ сдалъ женѣ домашнее ихъ угощеніе, а самъ вышелъ поздороваться какъ съ казаками, такъ и съ прочими, свободными отъ службы, но по земству неограниченно подчиненными ему.

Послѣ обыкновенныхъ взаимныхъ привѣтствій пан Сотникъ объявилъ, что сей-часъ выйдетъ ключница Марьяна, поподчуетъ ихъ водкою и угоститъ закускою...

«Не хочемо Марьяны» заревѣли въ одинъ голосъ казаки и всѣ бывшіе съ ними. «Цуръ ей! Она стара, буднишная, теперь же праздникъ. Просимо панночку, панну Сотниковну, Мироновну Парасю. Пусть, какъ и всегда, въ годовые праздники, потрудится, выйдетъ и поднесетъ намъ. Не важна горѣлка, важна ласка ваша и панночкинъ взглядъ да улыбка. Отъ того молодой подскочитъ, и старый помолодѣетъ.»

И Парася уже была въ кругу ихъ. Сверхъ богатаго, золотаго, парчеваго кунтуша, обложеннаго массивною сѣткою, она накинула на себя «сибирковую» шубку, покрытую зеленымъ штофомъ, но не имѣла времени закутываться въ нее, черпая безпрестанно ковшемъ изъ поставленной среди двора кади съ горѣлкою и поднося каждому. Бѣленькія ручки ея отъ морозу раскраснѣлись (о перчаткахъ не смѣли въ то время и подумать. Какъ можно собачью шкуру вздѣть на руку?), но Парася тому не внимала. Ее веселило усердіе любящихъ ее и дорожащихъ малѣйшимъ словомъ ея. Она готова была цѣлый день угощать ихъ.

Въ продолженіе подчиванья вышелъ къ нимъ и панъ Сотникъ, разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ заслуженнѣйшихъ, шутилъ надъ заботою дочери, какъ Парася вдругъ обратилась къ отцу и сказала: «потрудитесь, таточка, подчивать, пока я потру руку.

что-то отекла.» Отецъ, не примѣчая ничего, зачерпнулъ и подалъ подошедшему казаку... То былъ Осипъ, которому Парася испросила прощеніе. Панъ Сотникъ усмѣхнулся, нечего дѣлать, поднесъ ему, преимущественно предъ всѣми, изъ своихъ рукъ водки, отдалъ чарку и поцаловалъ восхищенную Парасю. Осипъ отошелъ въ сторону и, глядя на нее, утеръ радостную слезу.

Парася необыкновенно была весела и говорлива съ подходящими къ ней. Были изъ нихъ такіе, что хотѣли ей намекнуть о чемъ-то... Но она вмѣсто отвѣта грозила на нихъ пальчикомъ, краснѣла словно калина и спѣшила заговорить съ другимъ... Всѣ бывшіе на угощеніи у пана Сотника, возвращаясь домой, ни о чемъ другомъ не толковали, какъ о гарной и жартавливой паннѣ Сотниковнѣ, Мироновнѣ Парасѣ...

Чиновные гости обѣдали и разошлись по домамъ — по обычаю — отдыхать; а къ-вечеру опять собрались къ тому же хозяину допраздновать день. Степенные люди сидѣли вокругъ стола, говорили о разномъ и наконецъ съ большимъ вниманіемъ слушали краснорѣчивый расказъ пана есаула, о «бывшей въ 1727 году, октября 1-го числа, на праздникъ Покрова» элекціи (избраніи) на Малороссійское гетьманство его ясневельможности Даніила Петровича Апостола» (*Лѣтопись*); какъ панъ есаулъ, по особенному случаю, находился притомъ и видѣлъ, какъ все проис-

ходило чинно и единогласно. Толковали, судили о бывшемъ и будущемъ. Разсуждали, передъ чѣмъ бы это «въ позапрошедшемъ (1730-мъ) году, февраля противъ 5-го числа, видѣны были кометы отъ полунощи. Одна пошла на востокъ, а другая на западъ; видомъ красныя, и яко бы отъ пожару по снѣгу отдавалося червоннымъ, отъ перваго часа ночи до половины ночи, а далѣе къ свѣту изгасли» (*Лѣтопись*).

— Охъ, не къ добру это, мои голубчики! Я и тогда говорила, что это не къ добру — начала предсказывать пани есаулова сидящимъ около нея другимъ гостьямъ и щелкающимъ орѣхи.

«А что же? отозвался на ихъ разсужденія панъ есаулъ, подувая въ чашку «вареной» *, четвертую круговую. А что же? Красная комета означаетъ кровь. Пойдемъ на орду, побьемъ, пополонимъ...»

— А либо они придутъ на насъ — замѣтила пани Сотникова, вздохнувши — и побьютъ и пополонятъ насъ, не хуже какъ случалось и съ другими, и какъ, не далеко сказать, разорили Мерефу, всего не больше, какъ *верстовъ* двадцать пять отъ насъ.

* Сушеныя вишни, яблоки, груши, калина, изюмъ, черносливъ и т. п. поливается вишневкою, или другою наливкою, въ замазанномъ горшкѣ ставится въ печь, и на другой день горячая, прямо изъ печи, разливается въ чашки для угощенія.

«А мы у васъ на что? съ жаромъ вступился панъ есаулъ: мало ли разовъ думали Крымчане насъ заполонить совсѣмъ? Ну и *набѣжатъ* и *попсуютъ* кое-гдѣ и заполонятъ, что съ-расплоху попало; да какъ мы *наскочимъ*, такъ все и воротимъ съ лихвою, а они съ *облизьнемъ* урываютъ въ свою орду, сколько видно; *мовъ Ляхи до лясу.*»

— Повѣрьте, пане есауле! — вступилъ въ рѣчь самъ панъ Сотникъ — что если бы намъ сила, сирѣчь: не будь мы развлечены и службою, и обереженіемъ домовъ, и устройствомъ, вотъ уже около ста лѣтъ, а и доднесь еще новаго, по причинѣ непріятельскихъ тревогъ неустроеннаго хозяйства нашего, то давно мы сами бы, безъ всякой помощи отъ регулярной арміи, давно бы эту проклятую Татарву стерли съ лица земли. Мы много сдѣлали для отечества. Оставя все свое, правда, избѣгая утѣсненій отъ заклятыхъ враговъ, Ляховъ, мы могли бы разсѣяться по безконечной Россіи; но именно эти самыя мѣста избрали мы, чтобы стать стѣною противъ орды, продолжать наше качество, съ кровью предками намъ переданное, и не входя въ расчеты, чего намъ это будетъ стоить, рѣшились удерживать Крымскую погань отъ набѣговъ на присную матку нашу Россію. Тяжело намъ, это правда. Вотъ теперь исходитъ 1732-й годъ; безъ одиннадцати сто лѣтъ, какъ мы не пускаемъ Татаръ—и все еще пашемъ при рушницахъ (ружьяхъ). Чумаки наши, идя въ дорогу,

также вооружаются, какъ бы готовясь на битву, и мы не имѣемъ покоя, но не унываемъ, а бьемся и надѣемся добиться спокойствія, уже не намъ, но потомкамъ нашимъ. И я вамъ вѣрный «прогностикъ», что знаменія небесныя предвѣщаютъ что-нибудь...

«*Ажъ ничогисинько*! — замѣтилъ вольнодумецъ панъ хорунжій: небесное явленіе было-себѣ такъ, ни къ чему и ни передъ чѣмъ. Либо на вѣтеръ, либо на морозъ. Такъ и пройдетъ.»

— Помилуйте, какъ вы можете такъ говорить? вступилась пани есаулова: такъ и то у васъ ничего, что и громъ гремѣлъ зимою? А когда это, душка, произошло? спросила она у мужа: то-рикъ или позато-рикъ (прошлаго или третьяго года)? Я что-то не припамятую уже.

«Пожалуйте вы меня — сказалъ протяжно панъ есаулъ, приставивъ палецъ ко лбу, чтобы вызвать память: — «это было» тысяча въ семьсотъ тридцать первомъ году, стало быть въ прошломъ, и въ числа 28, 29 и 31-го генваря громъ былъ (*Лѣтопись*). Я потому сіе припомню, что 30-го генваря, въ праздникъ трехъ святителей, я удостоился кушать, по случаю храма въ коллегіумскомъ монастырѣ, у отца архимандрита и ректора Платона Малиновскаго, и тогда же испросилъ у его высокопреподобія переводъ

моему хлопцу изъ инфимы въ синтаксисъ. Такъ мнѣ можно было все хорошо запримѣтить.»

— Пусть себѣ кто хочетъ и не вѣритъ — сказала пани хорунжева, неласково поглядывая на мужа, въ то время критически подмигнувшаго усомъ на все общество — пусть и не вѣритъ; а огонь небесный, блискавка и громъ въ необыкновенную годину бываетъ предъ огнемъ земнымъ. Такъ же и случилось: «чрезъ двенадцать дней послѣ грому преизрядная церковь Рождества Христова въ Харьковѣ, за Лопанью, сгорѣла *(Лѣтопись)*.

«Громъ не въ-пору гремитъ и на урожай... «начала-было говорить пани Сотникова, но бросилась къ окошку и всмотрѣвшись сказала: вотъ же къ намъ и гости съ дороги... двѣ будки по трое коней...»

— Давай Богъ добрыхъ людей! сказалъ панъ Сотникъ и вышелъ въ сѣни встрѣчать прiѣзжихъ.

Гости вошли. То былъ поручикъ, находящiйся при гвардейскомъ майорѣ Хрущовѣ, присланномъ въ Слободскiе полки для учиненiя переписи казакамъ и другимъ состоянiямъ. Встрѣтилась маленькая запутанность по сотнямъ Мерефянской, Тарановской, Соколовской и Змiевской; нужно было сдѣлать повѣрку на мѣстѣ. Майоръ откомандировалъ бывшаго при

немъ поручика и однаго гвардейскаго унтеръ-офицера; а для успѣшнаго письмоводства выпросилъ онъ у «квартирующаго въ Харьковѣ генералъ-лейтенанта графа Дюкласа» изъ его штаба двухъ кондукторовъ (юнкеровъ по генеральному штабу). Поручикъ располагалъ начать повѣрку съ Мерефянской сотни; но какъ пана Сотника дома не нашли, выѣхалъ въ Гадячь на праздники къ тестю, то и рѣшилъ начать съ Тарановки.

Панъ Сотникъ просилъ пана поручика, пока сдѣлается распоряженіе на счетъ квартиръ, и самому не отказать, и подчиненнымъ его, какъ людямъ молодымъ, а притомъ бывшимъ «не изъ подлаго, а благороднаго рода, дозволить принять участіе въ проведеніи праздничнаго вечера вмѣстѣ съ ними. Поручикъ съ удовольствіемъ согласился, и панъ Сотникъ повелъ пріѣзжихъ молодцовъ въ ту комнату, гдѣ были «панночки и паничи.» Они, какъ все родные и знакомые, проводили вечеръ, въ своемъ кругу, весело. Съ-начала пѣли «колядныя», а потомъ и «весельныя» (свадебныя) пѣсни, такъ, безо всего, для препровожденія времени «ради скуки», и припѣвая къ своимъ подругамъ, каждую пѣсню заключали общимъ, веселымъ смѣхомъ и разными «прикладками». Потомъ играли въ жмурки, кричали, шумѣли, бѣгали, и наконецъ уморившись, усѣлись и принялись «загадывать загадки.» Когда же и тутъ все знаніе ихъ по сей части истощилось, принялись играть,

«въ короли». Тутъ-то введены были къ нимъ пріѣзжіе молодые люди.

Домашные панычи, обласкавъ пріѣзжихъ, просили принять участіе въ играхъ. Кондукторы, года два квартировавшіе въ Харьковѣ, довольно понимали языкъ и знакомы были съ обычаями. По званію своему, еще не имѣя права быть въ лучшемъ обществѣ, они бывали только въ кругу простомъ и получили навыкъ къ вольному обращенію. Теперь имъ показалось, что они въ такомъ же обществѣ и, мало по малу, прибрали къ своимъ рукамъ все распоряженіе игры, къ большому удовольствію панночекъ, примѣнившихся, а потому и прискучившихъ, къ однообразному обращенію своихъ панычей. Ободренные успѣхомъ, гости пошли вдаль къ огорченію панычей, увидѣвшихъ себя отринутыми и не уважаемыми. Въ отраду себѣ они тихомолкомъ шептали другъ другу: — «Уже *Москаля* и видно; тотчасъ *заверховодитъ.* Наши панночки на насъ и не глядятъ.» *Панночкамъ же*, какъ и въ нынѣшнее время барышнямъ, нравилась новость безъ дальнѣйшаго разбора.

Панна Сотниковна, Парася Мироновна, имѣла свои правила. При всей тихости и скромности своей, гдѣ должно было не отставать отъ другихъ, она не растраивала общаго веселья и принимала въ немъ дѣятельное участіе, видя, что тѣмъ доставляетъ удо-

вольствіе подругамъ. И теперь она веселилась со всѣми, казалось, отъ всего сердца. Въ пѣсняхъ, ея звонкій и чистый голосъ разливался и украшалъ весь хоръ. Въ жмуркахъ, она бѣгала быстрѣе всѣхъ, и тогда только позволяла изловить себя, когда ей приходила охота побѣгать съ завязанными глазами. И въ короли она играла очень охотно, исполняла безотговорочно всѣ приказанія очереднаго короля, потому-что во всѣхъ играющихъ было въ виду одно увеселеніе, безъ примѣси постороннихъ, невмѣстныхъ игрѣ чувствъ. Въ продолженіе игры, она развеселилась болѣе обыкновеннаго, къ удовольствію подругъ и общества своего. На присоединившихся вновь, пріѣзжихъ *паничей*, она съ-начала не обратила вниманія, но лишь замѣтила, что они располагаютъ веселиться *не для игры*, и что обращеніе ихъ отзывается чѣмъ-то несвойственнымъ ея понятію о пристойности, она тихо отстала отъ играющихъ и удалилась въ уголокъ, не желая быть примѣченною.

При взглядѣ на звѣздное небо, вамъ бросится одна изъ звѣздочекъ въ глаза болѣе прочихъ. Вы глядите на нее, любуетесь ею преимущественно; скроется она, вы ее отыскиваете по всѣмъ угламъ и закоулкамъ неба, и не успокоитесь, пока снова не увидите ее. Такъ было и съ нашими пріѣзжими молодцами. Люди молодые, но уже опытные; глазъ зорокъ, смѣтливости довольно; они, при входѣ, при первыхъ еще поклонахъ, окинувъ глазомъ *звѣздное* собра-

ніе, тутъ же подмѣтили для себя по звѣздочкѣ. Особливо Прохоръ Тимофѣевичь, одинъ изъ кондукторовъ, лѣтами старше товарищей, а потому смѣтливѣе и опытнѣе ихъ въ разборѣ такихъ звѣздочекъ, тотчасъ замѣтилъ дѣвушку стройную, бѣленькую, румяную, полную, съ какими-то глазами, цвѣта коихъ не могъ расмотрѣть сквозь длинныя, черныя рѣсницы, при входѣ его мигомъ опустившіяся; носикъ пряменькій, тоненькій; ротикъ... а она на ту пору отъ души смѣялась; и этотъ маленькій ротикъ украшали коралловыя губки, и изъ-за нихъ зубки меленькіе, ровненькіе... перламутръ, жемчугъ, слоновая кость... тутъ алебастровая шейка, на ней черная бархатка... ну, кажется, собралъ все, что ни есть лучшаго, но все вмѣстѣ, въ паннѣ Сотниковнѣ, было лучше воображенія!..

Это все замѣтилъ Прохоръ Тимофѣевичь и мысленно рѣшилъ: «эта *панночка* моя!» Онъ такъ дѣлалъ въ Харьковѣ въ тѣхъ сборищахъ, гдѣ любилъ и привыкъ бывать — и всегда имѣлъ успѣхъ. Тутъ же, не успѣлъ онъ еще начать приближаться къ ней, какъ она вышла изъ кругу играющихъ. Какая досада Прохору Тимофѣевичу!» Но я же не отстану отъ нея!» подумалъ онъ, и законодательствуя въ игрѣ, хотѣлъ распространить власть свою и на отставшую. Парася, замѣтивъ это и находя всѣ отзывы и придирки его совсѣмъ не по мыслямъ своимъ, воспользовалась общимъ разборомъ чего-то, вспорхнула и скры-

лась въ свою свѣтелку, гдѣ и пробыла до ужина. Хотя же и вышла тогда, но при родителяхъ ея и другихъ почтенныхъ лицахъ, а болѣе при начальникѣ своемъ, не смѣлъ Прохоръ Тимофѣевичь приставать къ ней, и хотя почти не сводилъ глазъ съ нея, но не поймалъ ни однаго взгляда ея, обращеннаго къ нему.

Досадно было Прохору Тимофѣевичу, предъ коимъ и Харьковскія *панночки* (такъ имъ почитаемыя, съ коими, не умѣвъ найти разницы, смѣшивалъ Тарановскую панну Сотниковну) смирялись, «а эта *хохлушка* смѣетъ умничать и будто не замѣчать его. «Не я буду — сказалъ онъ товарищу, съ которымъ ему отвели одну квартиру: «не я буду, если не изловлю этой пташки. Будетъ помнить нашихъ. Завтра звалъ насъ къ себѣ на имениный пиръ какой-то здѣшній *чупъ*; пойду — и если *моя* будетъ тамъ, ужъ влюблю же въ себя, а потомъ и брошу. Пусть мучится. Я не одну изъ ихъ братьи усмирялъ въ этомъ глупомъ, хохлацкомъ краю, *гдѣ, правду сказать, только и хорошаго, что вишневка да панночки.*»

Товарищъ не вмѣшивался въ дѣла обиженнаго. Ему Гапочка, панна есаулова, шепнула на ушко: «какой вы гарный паничь; я васъ полюбила!« И какъ эта панна Гапочка была дѣвка кровь съ молокомъ, — какъ выражался обожатель ея — гла-

за имѣла огненные, сама жива, быстра, рѣшительна, такъ онъ никого и не видалъ, и удивлялся, про кого товарищъ можетъ говорить болѣе, какъ не про его Гапочку?

Поговорили, придумывали, совѣтывались — и, какъ обыкновенно такаго разбора страстные любовники, скоро и крѣпко уснули.

На завтрашній день именинный пиръ у пана есаула былъ не на шутку. Не только свои, здѣшніе, но многіе пріѣхали и изъ другихъ сосѣднихъ сотень и ближнихъ помѣщиковъ. Для соблюденія приличій и большей свободы, панночки расположились въ другой комнатѣ, куда втерлись и наши пріѣзжіе, что впрочемъ противно было тогдашнему обыкновенію. Но какъ это были люди *Московскіе*, слѣдовательно *смалчивали* противъ ихъ нововведеній.

Панночекъ было болѣе двадцати. Прохоръ Тимофѣевичь, презрѣвъ удобными, легкими побѣдами, пустился, оставляя тогдашнюю и даже всякую пристойность, любезничать по-своему предъ панною Сотниковною. И въ то время онъ былъ страненъ своими свободными вопросами, уподобленіями и неслыханными въ этомъ кругу выраженіями. Но какъ это было отъ ловкаго, красиваго молодаго мужчины, то ему не только снисходительно позволяли, но еще и всѣ его плоскенькія шуточки одобряли явнымъ удовольствен-

нымъ хохотомъ. Позабавивъ всѣхъ и ободренный Прохоръ Тимофѣевичь явно присталъ къ Парасѣ, хвалилъ ея красоту, увѣрялъ, что лишь увидѣлъ ее, то и влюбился на-прапалое; что умретъ, застрѣлится, утопится, повѣсится, если не услышитъ отъ нея, что и она его любитъ. Каково было дѣвушкѣ съ правилами, какія имѣла Парася, съ принятымъ ею на счетъ будущей своей жизни намѣреніемъ, каково было слышать ей всѣ эти неприличныя и въ простомъ кругу дерзости? Тогдашнее образованіе дѣвицъ не могло доставить ей смѣлости словомъ или даже взглядомъ остановить и унять забывшагося; и такъ она, опустивъ глазки въ землю, молчала, отъ справедливаго негодованія измѣняяся въ лицѣ; а повѣса почиталъ, что дѣвушка восхищена его объясненіями и только отъ смущенія и застѣнчивости не можетъ сознаться, что и она къ нему неравнодушна. Такая увѣренность дѣлаетъ его еще дерзче: онъ хочетъ расмотрѣть перстни на пальцахъ ея, и для того ловитъ руку ея; хочетъ узнать доброту коралловъ, коими унизана грудь ея, видѣть «дукаты», красующіеся на бѣлой шейкѣ ея; предлагаетъ вечеромъ провожать ее домой... Бѣдная панна Сотниковна готова плакать отъ нападковъ негодяя! Вступиться за нее, защитить некому: отецъ занятъ съ товарищами и гостями разговоромъ о своихъ предметахъ; мать хотя часто изъ *большой* комнаты поглядываетъ въ ту, гдѣ панночки и дочь ея сидятъ; видитъ все, но, какъ мать, восхищается, что лучшій панычь *пристаетъ* къ Парасѣ. «Авось-либо отвлечетъ ее отъ мо-

нащества!» думаетъ она и продолжаетъ бесѣдовать съ сидящими подлѣ нея. Паныча и подруги ея вовсе не обращаютъ вниманія, веселится ли она, или страдаетъ? Они имѣютъ свои занятія, пріятныя для нихъ. Нѣкоторыя изъ подругъ даже утѣшаются за любимую ими Парасю, что изъ панычей на ея долю достался «гарнишій и моторнишій» (лучшій и ловкій) изъ панычей.

За обѣдомъ панна Сотниковна немного отдохнула, потому-что мучителя ея, какъ гостя, да еще и изъ генеральнаго штаба, хозяинъ пригласилъ за главный столъ. Но лишь отобѣдали, какъ Прохоръ Тимофѣевичь, уподчиванный любимыми имъ наливками, сладкими, вкусными, но крѣпкими, пустился снова атаковать панну Сотниковну. Для большаго веселья, хозяинъ призвалъ троистую музыку: скрипача, басиста и цымбалиста; огромный деревенскій оркестръ! Молодежь пустилась танцовать. Важные польскіе не были еще извѣстны въ этомъ кругу; танцы или пляски были національные, живые, быстрые, возбуждающіе къ веселости. Прохоръ Тимофѣевичь, по склонности своей къ весельямъ разныхъ родовъ, скоро понялъ духъ этихъ танцовъ, и — гдѣ ему удавалось показать свою удаль, — слылъ первымъ «танцюрою!» «Какъ же ему въ Тарановкѣ не быть признану за лихаго плясуна? Онъ и въ танцахъ теперь завладѣлъ всѣмъ порядкомъ, и все шло по его распоряженію. Одно ему никакъ не удавалось: онъ хотѣлъ танцовать съ пан-

ною Сотниковною, но она ни за что не шла. Мать ея, съ большимъ сожалѣніемъ, увѣряла его, что ея Парася не умѣетъ и не любитъ «танчить»; и какъ родилась, то и до сего «зросту не ходила въ танецъ; а то, какъ бы ей съ такимъ гарнымъ, моторнымъ и швидкимъ панычемъ не потанчить и не покрутиться?»

Неудачу свою Прохоръ Тимофѣевичь вымѣщалъ въ танцахъ съ другими. И что за скачки, прыжки, присядки онъ выдѣлывалъ? Какъ искусно выбивалъ гопака? Стѣны и окна дрожали! Народъ, услышавъ «ревущую» музыку, нахлынулъ во дворъ пана есаула. Глядятъ и расхваливаютъ отличающагося кондуктора. «Вотъ танцюра, такъ-такъ! Его чортъ умудрилъ такъ выкидывать ногами!

Упоенный со всѣхъ сторонъ раздающимися похвалами, Прохоръ Тимофѣевичь, подмѣтивъ, что пани Сотниковой нѣтъ въ той комнатѣ, а панъ Сотникъ также вышелъ къ товарищамъ, рѣшается выкинуть *штучку*, часто имъ употребляемую на вечерницахъ съ простыми дѣвками и за что всегда его хвалили, подбѣгаетъ къ Парасѣ, никакъ не ожидавшей такой дерзости, и прежде-нежели она опомнилась, схватываетъ ее за руки, тащитъ въ кругъ танцующихъ, вертитъ ее, обхватываетъ станъ ея, кружится съ нею...Сколько она ни противится, сколько ни вырывается. не можетъ освободиться отъ тирана своего,

который, наплясавшись около нея, сколько ему хотѣлось, оставилъ ее.

Бѣдная, горькая панна Сотниковна, по ея разумѣнію опозоренная, осмѣянная въ такомъ обществѣ, свѣта Божьяго не взвидѣла! Въ сильномъ негодованіи и боясь, чтобы злодѣй ея не простеръ далѣе дерзости, не сказавшись никому, тихо промежду гостей пробравшись, ушла домой.

Прохоръ Тимофѣевичь, почитая, что здѣшнія панночки, одѣяніемъ и разговоромъ одинаковыя съ его Харьковскими знакомками, пріучены и къ обращенію одинаковому, восхищенный своимъ подвигомъ, выскочилъ въ другую комнату послѣ неумѣренныхъ танцовъ прохладиться грушевымъ квасомъ, но когда воротился въ комнату танцующихъ и узналъ, что уже Параси нѣтъ здѣсь, отъ досады ударилъ себя въ лобъ и «сказалъ: Жаль, что я не зналъ, когда она пошла! Будь я гунстватъ (тогдашнее модное заклятіе), если бы не пошелъ ее проводить. Да я ее провожу когда-нибудь!.»

«Зачто ты такъ нападаешь на нее?» спросилъ его товарищъ.

— За то, что не люблю такихъ спѣсивыхъ. По всему видно, что не налюбуется мной, не нарадуется, что шучу съ нею, а корчитъ такую несмѣяну,

что будто и приступу къ ней нѣтъ. О! я скоро проучу ее, и тебя, Миша, научу, какъ образумливать такихъ притворщицъ.

«А можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ты ей надоѣдаешь?»

— Пустяки, душа моя! я знаю и присмотрѣлся къ хитростямъ ихъ. Ей досадно, что я при всѣхъ пристаю. Вотъ какъ бы мы самъ-на-самъ, такъ она не такъ сурова была бы...

Предъ отходомъ гостей по домамъ, поручикъ объявилъ, что какъ уже три дня праздниковъ прошли, то съ завтрашняго дня онъ хочетъ приняться за дѣло.

«Помилуйте, вашмцъ!—панъ хорунжій, выступя, сказалъ — «завтра недѣля (воскресенье); какъ можно приступать къ дѣлу? Да и очередь у меня погулять.» И тутъ же просилъ всѣхъ гостей пожаловать къ нему завтра на хлѣбъ-соль и погулять на цѣлый день, какъ и у пана есаула.

Возвратясь домой, панъ Сотникъ съ женою распрашивали дочь, отъ чего она ушла такъ рано? Парася расказала о всѣхъ обидахъ, какія нанесъ ей дерзкій кондукторъ и просила позволенія завтра остаться дома, не ходить къ пану хорунжему на

пиръ. Но отецъ не велѣлъ о томъ и думать.—«Пойти должно—прибавилъ онъ.—Панъ хорунжій, кромѣ всего, пріятель мой; тебя уважаетъ и будетъ сѣтовать, если ты не будешь у него. А когда этотъ «шибенникъ» (сорвавшійся съ висѣлицы) будетъ и завтра тебѣ надоѣдать, то, пожалуй, можешь пойти домой; а я тогда, хотя и не ловко на такаго человѣка жаловаться, у него сотенное дѣло на рукахъ, но раскажу все пану поручику. Впрочемъ онъ только завтра будетъ съ ними, а тамъ примется за дѣло, пойдетъ по дворамъ, поѣдетъ по хуторамъ, то мы его и не увидимъ.»

Нечего дѣлать: Парася должна была послушать отца.

Поутру, *двадцать осьмаго* декабря, ключница пани Сотниковой Марьяна, пришла просить у своей «панеи» позволенія «отгулять колядку», т. е. все то, что въ первый день праздника дѣвки и парни, а на другой день женщины, колядуя собрали, все это прогулять: на деньги купить горѣлки и *нанять* «скрипника», а изъ провизіи составить ужинъ; для чего позволить всей дворнѣ отлучиться до поздняго вечера. Пани Сотникова «ради такой законной причины «не могла отказать и позволила всѣмъ гулять гдѣ кто хочетъ.— А какъ мы цѣлый день и сами не будемъ дома — сказала она: — то горницы запереть и ключь мнѣ отдать; а въ кухнѣ оставить стараго Кирика; онъ ка-

лека, ему не до гулянья, пусть лежитъ на печи, да бережетъ двора. Вася будетъ съ нами, а дѣтей (двухъ дочерей) отведите къ господиновой (попадьѣ) и попросите, чтобы подержала ихъ со своими дѣтьми.»

Одѣлись, нарядились, домъ заперли, ключь взяла къ себѣ пани Сотникова, и пошли на званый обѣдъ къ пану хорунжему. Парася хотя убралась скромно, просто, но эта простота дѣлала ее еще милѣе, еще прелестнѣе, если только могла быть лучше того, какъ была. Увидѣвъ небрежность ея въ нарядѣ, мать хотѣла-было настоять, чтобъ она «взяла на себя» и лучшій кунтушъ и запасочку (передникъ) пестрѣе, и на голову навязала бы лучшихъ лентъ и позументовъ, и намиста съ крестами и червонцами привѣсила бы болѣе; но замѣтивъ, что Парасѣ необыкновенно все шло къ лицу безъ пышныхъ нарядовъ, оставила безъ перемѣны.

И точно. При входѣ сотничьяго семейства къ пану хорунжему, гдѣ уже всѣ гости собрались, Парася обратила на себя общее вниманіе: мужчины глядѣли на нее съ восхищеніемъ, подруги съ наслажденіемъ и гордостью (тогда не умѣли завидовать достоинству), и ласкаясь къ ней со всею искренностью, говорили: «Отъ чего все тебѣ пристало? Какъ это ты дѣлаешь, что хотя и различно, а всегда прекрасна? Парася краса намъ и всему нашему краю.,,»

Что же чувствовалъ Прохоръ Тимофѣевичъ, то трудно выразить: онъ видѣлъ въ ней красоту необыкновенную; съ отчаяніемъ въ душѣ замѣчалъ въ ней добродѣтель чистѣйшую, требующую обожанія; онъ удивлялся ей: онъ готовъ былъ пасть предъ нею и просить какъ милости, уже не благосклоннаго, прощающаго его за нанесенныя ей дерзости, но хотя снисходительнаго, взгляда... Онъ все это находилъ въ душѣ своей, но въ сердцѣ его былъ адъ!.. Кровь кипѣла, мысли бушевали, заглушали разсудокъ, и... онъ ничего болѣе не видѣлъ, какъ необходимость вытребовать, *отнять* у Параси взаимность въ страсти, сожигающей его!.. Какъ ни равнодушно подошелъ онъ къ ней, какъ ни силился хладнокровно заговорить съ нею, но не могъ скрыть внутренняго волненія. Парася и всегда боялась его, а теперь, замѣтивъ пылающій взоръ, несводимый съ нея, необыкновенный, дрожащій голосъ при обращеніи рѣчи къ ней... все это заставляло ее еще болѣе бояться приближенія его; а отъ того она была суровѣе къ нему, нежели въ прошедшіе дни.

Молодой кондукторъ, въ посѣщаемыхъ имъ до сего обществахъ не привыкшій видѣть отъ избранной имъ красавицы подобной холодности и даже презрѣнія, выходилъ изъ себя. Онъ истребилъ въ себѣ уваженіе къ ней — и строилъ планы къ мщенію.

«Будетъ она помнить меня!» то и дѣло твердилъ онъ товарищу своему во все время до обѣда; недаромъ судьба привела меня сюда. Безъ того не отстану.»

За обѣдомъ случай привелъ его сѣсть противъ Параси .. Угощаемый крѣпкимъ медомъ и наливками, онъ все болѣе воспламенялся и до того забылся, что даже смѣлъ кидать на нее хлѣбными шариками, что по тогдашнему — и право справедливому — сужденію почиталось верхомъ глупости, неуваженіемъ къ обществу, презрѣніемъ къ особѣ, на которую кидаешь, а даже грѣхомъ ругаться надъ хлѣбомъ святымъ.

Встали отъ стола. Прохоръ Тимофѣевичь—какъ говорится—*былъ готовъ*. Въ сѣняхъ забренчала музыка. Онъ шепнулъ товарищу: «смотри, какъ я, расплясавшись, опять схвачу свою гордую и свирѣпую. Заверчу ее хоть до смерти, а ужъ не выпущу, пока не поцалуетъ.»

— Берегись — совѣтовалъ товарищъ: — здѣсь отецъ и мать; вступятся.

«Ничего. Все это будетъ подъ видомъ шутки. Вѣдь же цалуются дочки въ короли и при нихъ, такъ и это ничего. А лишь бы поцаловала, тогда Парашенька и не опомнится, какъ станетъ моею.»

Когда онъ говорилъ и послѣднія слова произнесъ съ необыкновенною горячностью, то проходившая мимо Парася слышала; и тутъ же, остерегаясь непріятностей, рѣшилась уйти домой. Не сказавъ правды матери, а подъ предлогомъ головной боли, взяла у нея ключь и, пробравшись тихо изъ гостей, спокойно пошла домой.

Она была въ домѣ одна; тишина вездѣ. Придумывала, чѣмъ заняться; принялась надѣлать къ новому году новыхъ цвѣтовъ и голубей, привѣшиваемыхъ предъ образами. Вынула для того свои цвѣтныя изъ обоевъ бумаги; достала отцовскій ножъ, коимъ всегда искусно вырѣзывала листики къ цвѣткамъ и крылышки къ голубямъ; со всѣмъ симъ расположилась на скамѣйкѣ подлѣ кровати въ спальнѣ матери. И только лишь сложила бумагу, какъ ей нужно было, взяла ножъ и хотѣла рѣзать, какъ вдругъ вскочила и, всплеснувъ руками, сказала громко: «Ахъ, что это я хотѣла дѣлать? забыла, что сегодня недѣленько; грѣшно работать»... Оставивъ все это, какъ было, на скамѣйкѣ, вышла въ большую комнату, взяла изъ отцовскихъ богомольныхъ книгъ акаѳистъ мученицы Варвары, сѣла у окна, и съ большимъ вниманіемъ начала разсматривать изображенныя тамъ мученія святой...

Прохоръ Тимофѣевичь въ пляскахъ отличался безъ-устали. Питыя имъ наливки и ободренія уди-

вляющихся ловкости его доводили его до изступленія, Выказавъ свои удали въ скачкахъ и присядкахъ, онъ сталъ глазами отыскивать панну Сотниковну... нѣтъ ея! Будто безъ намѣренія, заглянулъ въ другую комнату, нѣтъ! въ третьей... нѣтъ!.. Это взорвало его. И вдругъ — рѣшается. Стремительно схватываетъ товарища за руку и сказавъ: «пойдемъ» ведетъ его.

Въ сѣняхъ встрѣтилъ ихъ хозяинъ; неся къ гостямъ кувшинъ съ шипучимъ медомъ, онъ спрашиваетъ, куда они уходятъ? Кондукторы отвѣчаютъ, что идутъ переодѣться и скоро будутъ назадъ. Онъ, упросивъ ихъ выпить по стопѣ отличнаго меду, отпускаетъ ихъ.

«Куда мы идемъ?» спросилъ у Прохора Тимофѣевича товарищъ, едва поспѣшавшій за нимъ итти.»

— Въ домъ Сотника — отвѣчалъ онъ въ иступленномъ волненіи, умноженномъ еще выпитымъ, къ прежнимъ, послѣднимъ медомъ.

«Зачѣмъ?»

И Прохоръ Тимофѣевичь со всею откровенностью расказалъ объ умыслѣ своемъ.

— Оставь все къ чорту. Намъ будетъ бѣда!

«Вотъ еще. Не думаешь ли, что она станетъ жаловаться? Повѣрь мнѣ, все гладко сойдетъ съ рукъ: и она, эта теперь пышная, гордая Сотниковна, вечеромъ сама явится въ нашъ кругъ, будетъ весела и не откажется плясать со мною; а завтра я уже не найду отъ нея мѣста. Я знаю этихъ «хохлушекъ», не даромъ два года квартирую въ Харьковѣ. Совѣтую тебѣ также поступить съ твоею Гапочкою. Съ ними нѣжничаньемъ ничего не выиграешь. Ты поможешь мнѣ сегодня, а я тебѣ завтра.»

Парася такъ углубилась въ свой предметъ, что и не замѣтила прошедшихъ мимо ея окна кондукторовъ. Она увидѣла ихъ, когда они уже вошли; а привѣтствіе Прохора Тимофѣевича заставило ее вскочить и, въ большомъ страхѣ, броситься къ дверямъ, чтобы, выбѣжавъ на улицу, уйти отъ нихъ; но неистовый удержалъ ее и велѣлъ товарищу запереть дверь...

Крикъ, призывающій на помощь, немедленно утихъ... слышны только удушливые стоны... потомъ самыя убѣдительныя просьбы, обѣщанія, клятвы никому не жаловаться, простить ихъ... потомъ рыданія... еще отчаянный крикъ, немедленно заглушенный... стукъ отъ опрокидывающихся скамѣекъ... ударъ въ дверь спальни... Человѣческая сила не отвратитъ поруганія... гибнетъ несчастная... Еще мигъ... Но блеснулъ ножъ въ рукѣ ея... и она съ необыкновенною

силою вонзаетъ его въ грудь себѣ... Вмѣсто стона отъ ужасной, невыносимой боли, она, почти съ радостью, вскрикнула: «Лучше смерть, нежели поруганіе!.. Я спасена... Боже благодарю тебя!..»

Злодѣй стоялъ тутъ же, залитый невинною кровью! Ударъ, побуждаемый чрезмѣрнымъ отчаяніемъ, былъ необыкновенно силенъ—и кровь быстро хлынула прямо въ глаза извергу!.. Онъ окаменѣлъ въ ужасѣ!

Въ одно и тоже время раздались страшные удары въ дверь... которая тутъ же уступила силѣ четырехъ человѣкъ, съ иступленіемъ ломившихъ ее.

То былъ отецъ несчастной жертвы!..

Вася, желая раздѣлить время съ сестрою, оставилъ веселящихся и пошелъ къ ней. Подходя уже къ дверямъ, услышавъ необычайный крикъ ея, хотѣлъ броситься на помощь, но нашедъ дверь запертою изнутри и, слыша сестру, усугубляющую крикъ, онъ со всѣхъ силъ побѣжалъ къ отцу и въ большомъ страхѣ объявилъ, что сестру рѣжутъ «харцызы» (разбойники, очень обыкновенные въ то время). Сотникъ пустился бѣжать, и за нимъ не отстали пріятели его. Запертая дверь не устояла передъ ними.

Въ первой комнатѣ отецъ видитъ все въ большомъ безпорядкѣ... бывшія на дочери убранства расбросанныя по полу... бросается въ другую комнату и... стонъ, раздирающій душу, слышатъ спѣшащіе за нимъ!..

Его милая дочь, радость, утѣшеніе лежитъ, залитая вся кровію... одежда изорвана... волосы въ безпорядкѣ разметаны... изъ глубокой раны на груди кровь еще быстро стремится; но прекрасное лицо ея уже покрыто предсмертною блѣдностью... глаза тускнѣютъ... Необыкновенно прелестныя уста ея, уже синѣющія отъ прикосновенія смертнаго холода, силятся произносить молитву... Такъ увидѣлъ ее отецъ, поверженную неистовымъ злодѣемъ на ложе съ адскимъ намѣреніемъ; но сила воли при влеченіи злодѣемъ изнуреннаго сопротивленіемъ тѣла ея, направила слабую руку несчастной схватить ножъ, за нѣсколько минутъ приготовленный для пріятныхъ занятій... она съ рѣшимостью схватила его... и въ послѣдней уже крайности употребила къ избавленію себя отъ поруганія...

Стенанія и вопли отцовскіе были еще услышаны ею. Собравъ послѣднія силы, она сказала: «я... спасла... честь!..»

Видя злодѣя, въ ужасѣ стоящаго и трепещущаго всѣмъ тѣломъ, отецъ понялъ все, и чтобы уда-

лить несчастную даже отъ самаго взора его, внѣ себя, онъ схватываетъ ее съ постели и, закрывъ рукою рану, чтобы удержать остатки крови, драгоцѣнной ему, несетъ ее, самъ не зная куда и съ какимъ намѣреніемъ... въ дверяхъ встрѣчаетъ онъ мать... «Горе намъ! — простоналъ онъ голосомъ, потрясающимъ душу: — вотъ радость наша!...» примолвилъ онъ рыдая и тихо опустилъ на постланный уже на полу коверъ драгоцѣнное бремя свое... Силы оставили его и онъ припалъ къ умирающей!..

Кто выразитъ жестокость удара, поразившаго сердце горестной матери!!!... Не знавъ ничего о случившемся, а только увидѣвши, что мужъ ея торопливо побѣжалъ домой, она спѣша шла за нимъ, предполагая самымъ большимъ несчастьемъ, что ея кладовыя разбиты, сундуки разграблены, или что домъ и все въ немъ горитъ... Въ этомъ полустрахѣ она вбѣжала въ домъ... и что увидѣла!!... Помертвѣвъ, сцѣпивъ руки, она стояла неподвижно... не слезы, кровь, быстро бросившаяся въ голову ея, готова была брызнуть изъ глазъ ея; но иступленное отчаяніе оледенило ее всю, даже самые стоны... они душили и жгли ее!.. Увидѣвъ рану дочери, она лобызала ее и, какъ бы спрашивая мужа о происшедшемъ, устремила на него взоръ... Онъ понялъ ее и съ лютостью сказалъ: «злодѣи хотѣли *згвалтовать* ее... но... она... спасла честь свою!..»

Первое чувство матери было обратиться къ Богу съ пламенною благодарностью за избавленіе дочери ея отъ поруганія; но отчаяніе, палящее сердце ея и раздирающее душу, заглушило всѣ чувства! Цалуя ее въ уста и очи, кричала горькая:

«Доненька моя!.. серденько мое!.. счастье мое улетающее!.. чувствуешь ли ты, что мать благословитъ тебя... отпуская къ вѣчной радости!..»

— Отрада моя!.. Отецъ... горькій отецъ не можетъ замѣнить тебя!.. стоналъ несчастный.

Страдалица, и при послѣднемъ издыханіи узнала голоса счастливившихъ ее въ краткую жизнь, судорожно протянула къ каждому руки, улыбнулась съ невыразимою пріятностью... безболѣзненно вздохнула и видитъ себя въ сонмѣ свѣтовъ, и съ ними же стремящуюся къ невыразимому свѣту...

Родители еще лобызаютъ прекрасное тѣло, оставленное уже прекраснѣйшею душею! еще надѣются, что она слышитъ нѣжнѣйшія призыванія ихъ.... что чувствуетъ ласки ихъ... цалуютъ ее въ смежившіяся очи... въ застывшую рану... въ оледенѣлыя руки... Но предстоящіе, видя, что уже все кончилось, съ усиліемъ отвлекаютъ ихъ и приступаютъ устроить должное съ усопшею.

Вдругъ комната наполняется новыми рыдающими! То были подруги ея, за часъ еще любовавшіяся ею, гордившіяся ею въ своемъ кругу, среди веселія пораженныя ужасной вѣстью! Узнавъ о причинѣ страдальческой кончины ея, оставивъ все, прибѣгаютъ на плачевное позорище и заступаютъ мѣста отвлеченныхъ родителей. Съ такою же горестью кидаются къ ногамъ, челу, къ ранѣ ея... всякая *спѣшитъ* облобызать ее!.. «Благодаримъ тебя, милая подруженька! — кричатъ рыдающія: «благодаримъ за подвигъ твой. Въ жизни была украшеніемъ нашимъ, а смертью прославила подругъ твоихъ!..»

И что могли найти лучшаго изъ одежды ея, убрали ее своими руками; вѣнокъ изъ цвѣтовъ на головѣ, какъ символъ дѣвическаго ея состоянія и непорочности; сложенныя руки; прижимали къ мѣсту раны св. крестъ.

Умилительно было зрѣлище! Юная, прекрасная, неискаженная въ чертахъ и самою смертію, съ тою же улыбкою, которая выразилась на устахъ ея при раставаніи съ ангельскою душею, лежала усопшая, окруженная стоящими подругами своими въ убранствахъ праздничныхъ, какъ были въ кругу веселящихся —будто торжествующими и геройскій подвигъ подруги и преселеніе ея въ вѣчную радость. Предстоящій благочестивый служитель Божій, проливая

слезы, возноситъ молитвы «о еже по неложному обѣщанію своему царствія небеснаго сподобити ю.» Клиръ поетъ: «Жива будетъ душа моя... яко заповѣди твоя сохранихъ... На словеси твоя уповахъ... помилуй рабу твою!» Предстоящій народъ, при первомъ извѣстіи, стекшійся во множествѣ на плачевное зрѣлище, льетъ слезы и въ душѣ своей вторитъ: «помилуй рабу твою!»

Первая молитва о вѣчномъ упокоеніи принесена. Священникъ открылъ Божественную книгу и, побѣждая скорбь свою, удушая рыданія, силился читать слово Божіе для утѣшенія и назиданія предстоящимъ.

Вновь пришедшіе, горестными воплями и скорбными возгласами своими, обратили на себя общее вниманіе. То были престарѣлые, разнаго возраста неимущіе, безпокровные, сироты и другіе. «Кто будетъ утѣшать насъ въ бѣдахъ нашихъ? вопили они, лобызая руки усопшей: она была наша благодѣтельница!.. помогала намъ... снабжала насъ всѣмъ... прислуживала мнѣ въ болѣзни... перевязывала язвы мои... лелѣяла больныхъ дѣтей моихъ... пріодѣвала моихъ сироточекъ... выплатила за меня долгъ мой... Она питала меня съ дѣтьми, когда мы не имѣли куска хлѣба и одёжи къ зимѣ, она пріодѣла насъ... Священникъ пріостановилъ чтеніе. Даже ему, духовнику ея, неизвѣстны были добрыя дѣла ея, творив-

шіяся втайнѣ, а нынѣ только открывающіяся. Тутъ только узнали, что она въ установленные ею дни ходила въ хижины убогихъ и бѣдствующихъ — и имъ-то раздѣляла она все выработываемое ею и даваемое ей родителями.

Всѣ слушающіе, умиляясь, славили добродѣтели ея.

Отецъ, по лицу коего струились горькія слезы, поддерживая уже изнемогшую отъ скорби мать, слыша все это, сказалъ женѣ своей: «и намъ ли, послѣ всего того, что мы теперь узнали объ этомъ ангелѣ, услаждавшемъ жизнь нашу, намъ ли скорбѣть о лишe...» Но слезы залили слова его и онъ, силясь передать отраду подругѣ своего несчастія, не имѣлъ твердости выразить того, что думалъ и зналъ. Чувства побѣждали все и отвергали всякую отраду.

И злодѣй не миновалъ должнаго. Первые, пришедшіе съ отцомъ, схватили его и сообщника... Есаулъ предупредилъ начальника ихъ, чтобы скрытно, тотчасъ отправить ихъ въ Харьковь: иначе онъ не ручается, что казаки и народъ, обожая покойницу и внемля одной мести, растерзаютъ преступниковъ. Поручикъ отправилъ ихъ въ Харьковь для справедливаго суда и наказанія.

И неошибочно было опасеніе есаула. Съ воплемъ и лютымъ крикомъ казаки долго искали виновниковъ общей ихъ горести; сѣтовали, что не могли показать надъ ними мщенія своего.

Усердіе свое къ оплакиваемой ими показали они при погребеніи ея. Кромѣ соблюденія всѣхъ, по тогдашнему обыкновенію, обрядовъ, слѣдующихъ при погребеніи дѣвицы, вся сотня казаковъ, безъ всякаго назначенія отъ начальства, собралась въ полномъ своемъ вооруженіи, препровождала гробъ, окружила могилу и, при опусканіи на вѣчное жилище незабвенной для нихъ панны Сотниковны, рыдая, отдала ей послѣднюю честь. «Да будетъ надъ тобою земля перомъ! Прощай на-вѣки, наша незабытная!» говорили всѣ, кидая землю въ могилу ея...

Страдалицу похоронили, какъ водилось тогда, близъ церкви. Каждое воскресенье, при выходѣ отъ обѣдни, на могилѣ ея рыдали родители. Не меньше рыдали и благодѣтельствованные ею; съ сожалѣніемъ вспоминали знавшіе ее... Скоро родители облегли ее... Время отъ времени переселялись къ ней чтившіе память ея... и могила сравнялась... и церковь перенесена на другое мѣсто... и уже никто въ Тарановкѣ не помнитъ, кто была и какъ пострадала панна Сотниковна. Только въ Лѣтописи одной изъ фамиліи, начальствовавшей въ Слободскихъ полкахъ, читаемъ

подъ 1732-мъ годомъ: «Того жъ году, декабря 28 дня, Тарановскаго Сотника Мирона Петровича дочь, Парасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ...»

Основьяненко.

ЛОЖНЫЯ ПОНЯТІЯ.

Посвящается Натальѣ Григорьевнѣ Принцъ.

I.

Для чего люди всѣмъ жертвуютъ, чтобы только показаться знатнѣе другихъ и богаче, нежели они въ самомъ дѣлѣ? Какая имъ выгода, какая польза отъ того? Не большею ли частію съ убыткомъ и даже разореніемъ оканчивается такое ихъ стараніе? И потомъ, въ награду, насмѣшки отъ другихъ, кромѣ уже растройства состоянію, потеря спокойствія и вѣчное раскаяніе!.. Ежедневно видимые нами образцы насъ не удерживаютъ; смѣемся надъ другими, а сами, презирая благоразумные совѣты, идемъ по слѣдамъ заблуждающихся. Живя роскошнѣе, нежели позволяетъ достатокъ, выказывая себя знатнѣе проис-

хожденія своего, надѣются пріобрѣсти почтеніе, уваженіе, удивленіе; но выходитъ напротивъ. Въ этой части расказа нашего, мы приведемъ примѣръ изъ низшаго сословія (въ высшемъ, образованномъ кругу, такая слабость рѣже), какъ человѣкъ, при всѣхъ способахъ, при всемъ удобствѣ быть въ своемъ обществѣ первымъ и уважаемымъ, пренебрегши его, поступилъ въ высшее, долженъ былъ вести родъ жизни ему несвойственный и неизвѣстный, упалъ, растроилъ навсегда благосостояніе свое и лишилъ спокойствія себя и семейство свое.

Пантелеймонъ Стовбырь получилъ отъ отца значительное по званію своему, казеннаго обывателя, состояніе: довольное число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, сверхъ того вѣтреную мельницу, дающею порядочный доходъ, нѣсколько паръ воловъ, на которыхъ работники привозили ему изъ Дону рыбу, изъ Крыму соль и поставляли въ Херсонъ разныя тяжести, а въ Одессу пшеницу. Пчелиная пасѣка приносила ему большую пользу. Дворъ у него былъ обширный, весь застроенный разными необходимыми въ его хозяйствѣ строеніями. Изба, какъ у зажиточнаго обывателя, была съ двумя трубами; большая хата съ комнатою, черезъ сѣни противная хата, сѣни съ присѣнками, навѣсомъ надъ крылечкомъ; при дворѣ огородъ, колодезь и небольшой садикъ съ вишневыми, грушевыми и яблоновыми деревьями. Все это было за-городомъ, нѣсколько уда-

лено отъ крайнихъ улицъ города, и было какъ-бы особымъ хуторомъ, такъ-что и при большомъ постоѣ въ городѣ, къ Стовбырю, за отдаленностью, никто не приходилъ назначать квартиры, да и самые постояльцы, по той же причинѣ, отказывались отъ предложенія стоять у него. При нарядѣ на общественныя работы ни одинъ десятскій не заходилъ къ Стовбырю съ назначеніемъ, потому единственно, что онъ жилъ внѣ улицъ городскихъ, слѣдовательно, внѣ городскаго завѣдыванія. Такимъ образомъ старый Стовбырь жилъ, какъ у насъ говорится, «словно у Бога за дверью.»

При такихъ выгодахъ немудрено, если онъ умножалъ свои доходы; а живя просто, скромно, по приличію, присматривая за всѣмъ и вездѣ самъ, работая своими руками, чтобы не издерживать денегъ на наемщика, не только не издерживалъ получаемыхъ доходовъ, но накопилъ денегъ довольное, по своему состоянію, количество. При немъ сынъ его Пантелеймонъ былъ скроменъ, помогалъ отцу въ присмотрѣ и работахъ, и никакъ не противился его распоряженіямъ. Отецъ, женивъ его, вскорѣ умеръ.

Почему бы Пантелеймону не продолжать такъ же жить, какъ и отецъ! Нѣтъ! Онъ — какъ свойственно человѣку съ слабымъ разсудкомъ — принялся порочить занятія отцовскія и осуждать его пристрастіе къ неусыпному за всѣмъ присмотру. Онъ рѣшилъ,

что ему съ такими доходами, съ такимъ во всемъ достаткомъ, низко самому наблюдать за всѣмъ, а потому нанялъ прикащика и предоставилъ все въ его неограниченное распоряженіе; самъ же приготовлялся только принимать готовые доходы. Мечтая же о своемъ богатствѣ, почиталъ себя выше всѣхъ и поспѣшилъ отдѣляться отъ своего сословія. Первое, онъ перерядился изъ свиты сѣраго, уразовскаго сукна въ синій жупанъ, для простыхъ дней имѣлъ одинъ, а для праздниковъ другой еще лучшаго сукна. Пояса были у него дорогіе, шапки нарядныя. Жену также пріодѣлъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юбки (корсеты), шелковыя запаски (передники), парчевые очипки, глазетовые кораблики; накупилъ ей дорогихъ намистъ (коралловъ), янтарей, дукатовъ — и такъ вырядившись съ женою, оба ничего больше не дѣлали, какъ сидѣли сложа руки, принимали, что хотѣлъ прикащикъ взнести имъ изъ доходовъ по хозяйству, были довольны и, не входя въ дальнѣйшій расчетъ и оставляя все безъ наблюденія, почитали себя несмѣтно богатыми и расчитывали, что имъ съ избыткомъ всего станетъ на всю жизнь.

При такомъ достаткѣ, по понятію Стовбыря, ему непріятно было отцовское, родовое прозваніе «Стовбырь»; ему стыдно было слышать его; оно не шло къ его наружному виду и къ убранству жены его. Придумавши, какъ перемѣнить себѣ прозваніе,

онъ началъ хлопотать у волостнаго писаря, чтобы въ спискахъ его писали уже не просто «Стовбыремъ«, а «Стовбыревскимъ». Это казалось ему важнѣе и дѣлало его въ глазахъ другихъ болѣе уважительнымъ. Писарь—какъ писарь—взялъ съ него деньги, въ спискахъ оставилъ по-прежнему, а ему далъ какую-то безъ подписи бумагу, что онъ есть «именно прирожденный Стовбыревскій». Почитать такую безделицу важнымъ дѣломъ, свойственно только человѣку изъ простаго сословія; въ высшемъ кругу, перемѣны фамилій или придачи звучныхъ окончаній «овъ» скій» не бываетъ. Они не стыдятся родовымъ прозваніемъ.

Досадно было Пантелеймону, что когда онъ идетъ по улицѣ — а для показа своего новаго убранства, онъ, безъ всякой надобности, часто ходилъ по городскимъ улицамъ — никто, не только не хотѣлъ вставать предъ нимъ изъ почтенія, но даже и не кланялся ему. Если же когда, проходя въ толпѣ и тѣснотѣ между народомъ, кто потѣснялъ его, то онъ отталкивая говорилъ: «что ты, мужикъ, толкаешься? Разсмотрѣлъ бы прежде, кто идетъ!»

Случалось, что сосѣди, по надобностямъ, приходили къ нему, и безъ дальныхъ справокъ прямо шли въ хату, гдѣ онъ находился, спрашивали у него топора, лопаты, или чего подобнаго; тутъ онъ всегда съ суровостью отвѣчалъ: «какъ же ты

смѣешь, за такою бездѣлицею, прямо лѣзть ко мнѣ на глаза? Ты бы спросилъ у моего прикащика. А то и просунулся разомъ ко мнѣ, какъ будто ровня? То-то ужъ и видно мужика!»

Не самъ ли онъ большой мужикъ, глупецъ: не заслуживъ уваженія, требуетъ его отъ другихъ!

Сосѣди, по обыкновенію и по привычкѣ, называли его полуименемъ: «Талемонъ.» Тутъ онъ сердился и ворчалъ на нихъ: «Кто это Та-ле-монъ? У меня, кажется, есть настоящее имя «Пантелеймонъ»; да, не полѣнясь, могъ бы прибавить «Степановичь.»

— Не много ли для тебя за одинъ разъ будетъ?—говорилъ смѣясь сосѣдъ.

«Ну, когда трудно выговорить, такъ назвалъ бы «дядюшкою» что ли?»

— Куда ты въ дяди годишься? Недавно усы показались, а о бородѣ и слуховъ нѣтъ, а онъ вздумалъ дядею быть! —

«Отвяжись же отъ меня, мужикъ! Ты забываешься, думаешь, что я тебѣ ровня?» Скажетъ съ сердцемъ Пантелеймонъ и вздёрнувъ свою, сѣрыхъ овчинъ съ краснымъ, суконнымъ верхомъ шапку, на

бекрень, отворотится отъ него, подойдетъ къ другой кучѣ, гдѣ товарищи его по дѣтству, зная его мужицкое, глупое чванство, на-смѣхъ, начнутъ отзываться къ нему: — «Здорово, панько! — здравствуй, Пантюха!» Тутъ онъ выйдетъ изъ себя, закричитъ имъ: «Эки мужики! Не видите ли, кто я? Я вамъ неровня!» и уйдетъ отъ нихъ домой.

Совершенно глупое желаніе: безъ достоинствъ ожидать отличія и сердиться, что другіе понимаютъ его не такъ, какъ онъ себя.

Такія непріятныя встрѣчи начали случаться часто до того, что Пантелеймону неможно было вытти на улицу. Лишь только явится гдѣ, или въ свое общество придетъ, какъ уже и слышитъ: «Вотъ панько... вотъ Пантюха!.. Онъ возмечталъ о себѣ Богъ знаетъ что и съ нами не знается, называя насъ мужиками; самъ же кто?»

Увидѣвъ Пантелеймонъ, что не можетъ вытребовать къ себѣ уваженія, не заставитъ, противъ воли, почитать себя, онъ прибѣгнулъ къ богачеству своему.

«А что думаешь, Петровна?—сказалъ онъ однажды женѣ, которую иначе не называлъ, какъ по отчеству: «Что намъ среди этихъ мужиковъ дѣлать? Никто не знаетъ намъ цѣны, никто не ува-

жаетъ. И—то то мужики!—еще насмѣхаются надъ нами, что мы держимъ себя прилично въ отношеніи къ нимъ. Они не стоятъ насъ, недостойны, чтобы мы были съ ними. Чтожъ? Мы столько имѣемъ, что можемъ подняться выше. Къ чему этотъ хуторъ, въ которомъ мы «киснемъ», окруженные этими грубіянами? Хочу переписаться въ мѣщане: хуторъ и все имущество продамъ, куплю домъ въ самомъ городѣ, сведу знакомство съ лучшими людьми, стоющими насъ, и начнемъ жить, какъ прилично нашему достатку и понятію нашему о самихъ себѣ. Увидимъ, если и тамъ люди глупы и не будутъ знать намъ цѣны, то я — была-не-была — пролѣзу и въ купечество; тогда-то тѣ, которые не умѣли уважать меня, станутъ издали кланяться и заискивать слова, взгляда моего! Я зазвалъ бы и теперь гостей; такъ все же такое мужичество, что стыдно съ ними слово промолвить; всё либо отцовскіе родственники, либо пріятели его, покойника, смѣшнаго старика! Ставши же мѣщаниномъ и живя въ хорошихъ «горницахъ», я буду жить такъ, не откажется зайти ко мнѣ на чашку чаю и самъ частный, не только уже квартальный; да и приказные, даже изъ губернскаго правленія и другихъ палатъ, поищутъ моего знакомства. Вотъ люди! истинно по мнѣ: нестыдно будетъ съ ними водиться. Какъ ты думаешь, Петровна?»

Кулина Петровна, достойная сожительница Пантелеймона Степановича Стовбыревскаго, при первомъ

предложеніи мужа, пустилась въ расчеты и соображенія о собственныхъ выгодахъ, а потому мало слушала, что пріятнаго находилъ Степановичь въ перемѣнѣ званія; она заботилась о себѣ, и вмѣсто отвѣта, сходнаго съ рѣчью мужа и котораго онъ ожидалъ, она поспѣшила спросить его:

«Скажи же мнѣ, Степановичь, на милость: когда я стану мѣщанкою, то неужели и тогда буду ходить въ этѣхъ лохмотьяхъ, какъ и послѣдняя мужичка?»

«Эхъ, Петровна — Петровна! что ты называешь лохмотьями? На тебѣ Англійской каламенки спидница (юпка), люстриновый корсетъ, глазетовый очипокъ, сколько разковъ (нитокъ) намиста и янтарей, съ дукатами чистаго золота и серебреными крестами на шеѣ у тебя! Все твое убранство, что только теперь на тебѣ, продавши, вырученными деньгами два-три семейства бѣдныхъ можно бы устроить на всю жизнь, а ты думаешь, что равняешься съ послѣднею мужичкою»! Такъ бы слѣдовало отвѣчать мужу ея; но вмѣсто того онъ сказалъ ей:

«Какъ это возможно, чтобы я оставилъ тебя въ такомъ простомъ видѣ? Ты тогда будешь имѣть все лучшее и дороже, нежели это. . .»

— Не о томъ рѣчь, Степановичь! Оно само по себѣ извѣстно, что я буду имѣть лучшее, нежели эта дрянь; но я непремѣнно должна буду, какъ и всѣ мѣщанки, перерядиться въ круглыя платья, ситцевыя, холстинковыя, а подъ-часъ и гарнитуровыя. Платки должны быть у меня шалевые, кашемировые; голову повяжу платками гарнитуровыми, золотомъ и битью шитыми. . .

«Само по себѣ такъ слѣдуетъ, Петровна! И прошу и приказываю: не забывай, какаго ты мужа жена, а по мужу какаго ты стала высокаго роду. . .»

— О! этаго никогда не забуду. Когда же вступишь въ купечество, тогда я уже должна буду ходить въ капотахъ; справлю себѣ салопъ теплый на лисьемъ мѣху, а для лѣта на ватѣ...

«Стыдись: будучи купчихою и моею женою, ходить въ салопѣ, какъ будто секретарша какая! Ты должна тогда справить себѣ мантонъ такой, какъ я видѣлъ на женѣ нашего . . . то есть, купеческаго головы».

Странное дѣло, что въ нижнихъ сословіяхъ даже и женщины стремятся казаться выше своего состоянія — и первое дѣло, не входя ни во что, не соображая своихъ желаній съ способами и обстоятельствами мужа, не вникая въ цѣль и намѣренія его

стараются только запастися уборами и нарядами, чтобы казаться важнѣе, знатнѣе и богаче, нежели онѣ въ самомъ дѣлѣ. Имъ нужды нѣтъ, какъ это накладно будетъ для мужнина кармана, но лишь бы было; лишь бы она могла перещеголять сосѣдку или родственницу свою. Необразованность, низкое чувство — хотя бы разорить мужа, но удовлетворить желанію своему! Глупое понятіе, будто наружное убранство придастъ ей цѣны въ глазахъ другихъ! Такъ не мыслятъ и не поступаютъ въ высшихъ кругахъ.

Слушая требованія мужа, Кулина Петровна призадумалась и въ мысляхъ добиралась, что это за вещь такая «мантонъ»? Она, бывая иногда отъ любопытства для разсѣянія на рынкѣ, не видала его въ продажѣ и не слыхала рѣчей о немъ. Между-тѣмъ дражайшій супругъ ея продолжалъ:

«Теперь-то, Петровна, какъ мы уже почти мѣщане и то до случая, такъ уже непригоже тебѣ говорить мнѣ «ты», а должно «вы». Такъ я буду обращаться съ тобою. У насъ въ мѣщанствѣ такъ водится. Когда же вступимъ въ купечество, тогда уже ты... то есть вы, будете называть меня «душа моя; а я васъ — мой другъ».

— Воля ваша, Степановичь, я не-прочь, а что-то не приходится. Вы мой мужъ, такъ бы должно

быть и мой другъ; а я, какъ есть ваша жена, такъ должна быть и ваша душа: а то какъ будто все на изнанку.

«Конечно, Петровна, вы резонно говорите; но начиная отъ мѣщанства, чѣмъ выше идетъ, то все больше и больше безпорядковъ, до того, что въ дворянствѣ такъ все перепутано, перемѣшано, перепорчено, что и толку не найдешь».

Пантелеймонъ Степановичь поспѣшилъ приступить къ дѣлу. Объявилъ о продажѣ своего имѣнія со всею принадлежностью; явились покупщики. На предложенную ему низкую, половинную цѣну, онъ не соглашался, торговался, объяснялъ выгоды имѣнія; но одинъ изъ покупщиковъ, коротко знавшій характеръ его, наддавъ больше другихъ, сказалъ: «Ахъ, торгуется, какъ послѣдній мужикъ»! и это подѣйствовало на Пантелеймона: онъ не захотѣлъ и въ этомъ случаѣ равняться съ мужикомъ, и тутъ же ударилъ по-рукамъ за цѣну весьма низкую противъ достоинства и выгодъ имѣнія.

Получа деньги и присоединивъ ихъ къ оставшимся послѣ отца, онъ увидѣлъ себя съ весьма значительнымъ капиталомъ для мѣщанина. При записаніи себя въ новое званіе, крѣпко наблюдалъ, чтобы онъ показанъ былъ не по прежнему глупому прозванію «Стовбырь», а ужъ поважнѣе «Стовбыревскій».

«Одно мнѣ только тяжело, что моя жена «Кулина!» Это самое простое, самое мужицкое имя! Когда ее въ нашей мѣщанской компаніи назовутъ по имени, я всегда буду краснѣть. Но дѣлать нечего, перемѣнить невозможно!»

Ставъ уже мѣщаниномъ, онъ потребовалъ, чтобы его Кулина Петровна принарядилась въ круглое платье, какъ слѣдуетъ мѣщанкѣ, и самъ, сбросивъ мужицкую свиту, переодѣлся въ черкеску, принялся заботиться о новомъ, приличномъ ему жилищѣ.

Онъ пріискалъ купить дворъ въ лучшемъ мѣстѣ города. Домикъ былъ по его вкусу, о пяти, какъ онъ называлъ, «горницахъ». Внутреннее убранство отвѣчало наружности дома. Надъ крыльцомъ о пяти ступеняхъ были «присѣнки» или навѣсъ, поддерживаемый двумя столбиками, съ вырѣзанными кружками, городками и т. п., и выкрашенными зеленою краскою. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ вмѣсто полу кирпичемъ, было три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ середнюю комнату, скромно называемую «залка», 8 и 6 арш. мѣры. Въ этой залкѣ было двое оконъ съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами; въ послѣдствіи, за разбитіемъ нѣкоторыхъ, замѣняла ихъ исписанная бумага, приносимая знакомыми хозяину приказными, отрывающими ее отъ черновыхъ протоколовъ и проч. Въ обоихъ углахъ этой залки были привѣшены св. иконы

въ окладахъ, кіотцахъ и безъ всякихъ украшеній — все работъ различныхъ художниковъ Борисовской * и Суздальской школъ. Всѣ иконы убраны были разнаго рода бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами», а висящія тутъ же лампады затепливались съ вечера въ субботу или подъ большой праздникъ. Въ простѣнкѣ между окнами сіяло зеркало небольшое, но составленное изъ двухъ стеколъ — въ одномъ недоставало угла. Рама зеркала была краснаго дерева, извѣстной старинной формы, съ двуглавымъ на верху орломъ, рѣзнымъ, съ облинялою позолотою. Отъ орла, до самаго конца зеркала, на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Полотенце это служило для вытиранія рукъ каждому, имѣющему въ томъ надобность, и перемѣнялось, по обычаю, только въ субботу. Подъ зеркаломъ висѣла небольшая картинка, въ черной рамкѣ, представляющая «Шарлоту на гробницѣ Вертера» — и какъ съ давнихъ временъ на картинѣ оставалась только одна часть стекла, покрывающая гробницу злополучнаго Вертера, а прелестная Шарлота оставалась безъ защиты, то мухи, пыль, сырость и проч. и проч. до того ее залѣпили, что не-

* Курской губерніи въ селѣ Борисовкѣ графа Шереметева много иконописцевъ-самоучекъ, не получившихъ дальнихъ наставленій въ живописи. Они пишутъ иконы для иконостасовъ и для заказывающихъ частно.

возможно было и замѣтить красоты нѣжной страдалицы.

Около зеркала съ обѣихъ сторонъ повѣшены были двѣ картины различныхъ мѣръ и оправъ. Одна представляла Кульнева, съ большимъ брюхомъ, ужасно широкимъ лицомъ и огромными усами. Пантелей разсматривающимъ этотъ портретъ изъяснялъ: «Когда и на картинѣ такъ страшенъ, каково же было непріятелю смотрѣть на него живаго?» Другая картина того же мастерства представляла «миръ съ Европою.» Пантелей и ее не оставлялъ безъ изъясненій: «Этотъ кунштикъ—говорилъ онъ—представляетъ, какъ миръ сошелся съ Европою и, за руки взявшись, ходили по разнымъ государствамъ. «Должно быть» не въ нашей землѣ это случилось, а либо у Нѣмца, либо у Француза. У насъ такаго случая не бывало.» Подъ зеркаломъ, въ простѣнкѣ, стоялъ большой столъ, покрытый скатертью.

На другихъ стѣнахъ, между дверью и печкою, сложенною изъ разныхъ изразцовъ, развѣшаны были картины въ родѣ, вкусѣ и видѣ описанныхъ выше, наприм., портретъ Кутузова, который изображенъ *страшнѣе* Кульнева; подлѣ него картина прибытія Наполеона на островъ св. Елены. Наполеонъ, по тогдашнему обыкновенію, представленъ въ карикатурномъ видѣ, смотрящій въ зрительную трубу на дѣлаемую ему встрѣчу. Пантелей и этаго обстоятельства не остав-

лялъ безъ замѣчанія.» Даже невѣроятно — говорилъ онъ — чтобы такой человѣкъ, низенькій, пузатый, съ кривыми ножками, осмѣлился воеваться съ такимъ огромнымъ и страшнымъ, каковъ есть нашъ Кутузовъ! Однако же онъ его въ хорошее мѣсто загналъ: и на картинѣ страшно — каково же тамъ?» Подлѣ Наполеона висѣла картина «библейская», какъ объяснялъ хозяинъ, представляющая Павла и Виргинію на дождѣ; а хозяинъ говорилъ, что это Лотъ съ женою, бѣгущіе изъ Содома.

На противоположной стѣнѣ портретъ графа Орлова-Денисова, одинаковой работы съ преждеописанными; картины: бѣгство въ Египетъ, блудный сынъ, изгоняемый красавицами, страшный судъ съ подробнымъ изображеніемъ всѣхъ мученій грѣшниковъ и грѣшницъ — въ особенности румянившихся, танцевавшихъ, катавшихся и проч. Было и еще нѣсколько подобныхъ картинъ. Отъ входа въ правомъ углу стѣнные часы съ кукушкою и тутъ же столъ для складки шубъ, шинелей, плащей и проч. приходящихъ къ хозяину; а налѣво шкафъ со стеклами, за коими красовалися серебреныя, старинной работы, чарки различныхъ мѣръ и фигуръ; два хрустальные карафина также различныхъ мѣръ; фаянсовыя тарелки съ кунштиками и цвѣтами. Шесть столовыхъ и одна чайная серебреныхъ ложекъ и такое же цѣдилко поставлены были стоймя, чтобы посѣтители могли видѣть красу ихъ и достоинство.

Изъ «залки» дверь направо вела въ небольшую комнату, называемую «гостиненькою». Тамъ, между такими же окнами, какъ и въ залкѣ, въ простѣнкѣ было зеркало подъ-пару описанному. На главной стѣнѣ красовалась картина, представляющая «послѣдній день Помпея», сработанная въ Москвѣ по наслышкѣ о картинѣ Брюлова. Хозяинъ не могъ равнодушно глядѣть на нее и, объясняя любопытствующимъ, говорилъ: «этотъ кунштъ, государь мой, представляетъ, какъ одинъ городъ — благодареніе Богу, не въ нашей землѣ! — засыпало весь золою, въ родѣ того, какъ когда-то, въ древности, пострадали наши города Содомъ и Гоморъ. Охъ! Боже мой! подумаешь, какое множество пеплу на небесахъ, что можетъ засыпать цѣлые города!» По сторонамъ этой изящной картины висѣли «аллегорическія: такъ на свѣтѣ все превратно», «таковъ нынѣ свѣтъ,» колесо фортуны съ летящимъ внизъ Наполеономъ, вѣсы міра и т. под. Подъ картинами стояла деревянная софа, безъ всякихъ подушекъ, но покрытая ковромъ; стулья такіе же были здѣсь, какъ и въ залкѣ. Дверь налѣво изъ залки вела въ опочивальню хозяевъ, коей все пространство занимала большая печь съ лежанкою и двойная кровать, навьюченная огромными перинами, покрытыми ситцевымъ стеганымъ одѣяломъ и по шести, для каждой персоны, изголовными подушками, пирамидально, одна другой меньше, къ верху сложенными. Изъ спальни выходъ въ «кухоньку», а изъ нея въ сѣни. На пра-

вой же сторонѣ дверь въ сѣняхъ вела въ особый «упокой», предназначенный для гостя или постоя.

Вотъ домъ съ убранствомъ новаго мѣщанина.

На дворѣ было строеніе, необходимое въ хозяйствѣ, и кромѣ того былъ особый флигель для найму.

Новый мѣщанинъ, Пантелей Степановичь Стовбырь, не тужилъ, что недоставало ему сада и огорода, и съ чванствомъ говорилъ: «мы уже изъ этаго вышли, чтобы намъ заниматься мужичьимъ промысломъ. Мой огородъ на базарѣ. Пошлю съ серебреною лопаткою — нароютъ мнѣ всякихъ кореньевъ и нарвутъ плодовъ. А серебра не станемъ занимать у другихъ. Притомъ же и для здоровья моей Кулины Петровны вредно заниматься мужичьимъ хозяйствомъ.

Устроивъ свое жилище, онъ принялся за хозяйство. Какъ мѣщанину быть безъ промыслу? Онъ отложилъ «капиталъ», по его разумѣнію значительный, двѣ тысячи; нанялъ лавочку, накупилъ товару: сальныхъ свѣчь, мыла, синяго купоросу, шпилекъ, булавокъ, крючковъ, тесемокъ, запанокъ и т. под., договорилъ прикащика, сидѣльца и мальчика къ той же лавкѣ. Намѣреніе его было, попривыкнувши къ торговлѣ и умноживши ею капиталъ, запи-

саться въ купцы — и тогда не думать уже ни о чемъ. Выше купеческаго званія онъ не могъ ничего вообразить для себя. О томъ одномъ мечталъ, и въ разговорахъ, будто ошибкою, проговаривался: мы купцы, по нашему купеческому обычаю и проч. Слыша, что многіе изъ его собратій въ разговорѣ имѣютъ привычку приговаривать къ дѣлу и не дѣлу какое-нибудь избранное ими слово, напр. стало быть, выходитъ, будучи и проч., онъ, думавши долго, избралъ себѣ въ приговорку слово «онамедни», слышанное имъ въ разговорѣ Русскихъ купцовъ. Не понимая его значенія, онъ почелъ его за коренное Русское и заранѣе восхищался, что его будутъ почитать чистымъ Великороссіяниномъ. Страсть симъ тщеславиться свойственна людямъ его званія и происхожденія.

Теперь новому мѣщанину надобно познакомиться съ именитыми въ его обществѣ особами и сыскать благорасположеніе нужныхъ ему людей изъ должностныхъ лицъ. Для этаго, разсудилъ онъ, всего лучше сдѣлать пирушку и еще цѣлодневную. Но прежде всего обошелъ самъ лучшій кругъ — или аристократію — своего общества, а Кулину Петровну послалъ знакомиться съ женами ихъ и при томъ наказывалъ: «займитесь вы, Петровна, — онамедни — съ женскимъ поломъ и присмотритесь хорошенько, какъ у нихъ въ чемъ поводится въ разсужденіи угощенія. Надобно все устроить прилично званію и достат-

ку нашему. И еще прошу васъ, чтобы и кофей былъ для гостей. Вы видно, моя Петровна, — онамедни — и не знаете, что означаетъ «кофей», что, вытараща глаза, слушаете?»

— Отъ-роду въ-первое отъ васъ, Степановичь, слышу такое имя—сказала новая мѣщанка. Что оно: изъ дичины что, или такъ-себѣ?

«О — охъ, Петровна! Мнѣ бѣда съ вами! Вы — онамедни — не можете скоро привыкнуть къ порядочному обхожденію. Это напитокъ такъ зовется; безъ него не можно гостей принять. Подите же и у знающихъ распросите, какъ его — онамедни — «гошуютъ» и справляйтесь во всемъ, чтобы у васъ — онамедни — былъ порядокъ.»

Всѣмъ распорядивши, Пантелей Степановичь пригласилъ именитыхъ особъ, какъ то: квартальнаго, гласнаго мѣщанскаго и секретаря градской думы; приглашены были, кромѣ мѣщанъ, вступившіе въ купцы и занимающіеся «коммерціею» на рынкѣ по продажѣ свитъ, сапогъ, шапокъ и полушубковъ и другаго подобнаго товару. Всѣ они были приглашены съ супругами къ обѣду и на цѣлый день. Нѣкоторыя изъ женъ, коихъ мужья подходили къ купечествующимъ, не пожелали участвовать въ этомъ празднествѣ, почитая неприличнымъ быть на пиру у человѣка не однаго съ ними званія.

Въ назначенный день гости собралися, «водковали», т. е. выпили по нѣскольку чарокъ водки, съ приличными при каждой приговорками. Закусили, чѣмъ Богъ послалъ, и непосредственно за тѣмъ сѣли обѣдать. Столъ былъ уже на купеческій ладъ: сколько достало серебреныхъ ложекъ, ихъ положили почетнѣйшимъ гостямъ, а прочіе кушали деревянными; вилки же и ножи были у каждаго выпрошенные парами у сосѣдей. Самыя блюда были не мѣщанскія: обваренной курицы къ лимонному соку вовсе не было, а была на холодное ветчина съ хрѣномъ. Даже былъ и соусъ: цыплята въ сметанѣ съ грибами, зовомыми у нихъ «шампіоны,» и — верхъ угощенія — яблочный пирогъ, для нѣкоторыхъ изъ гостей неизвѣстный даже по виду.

Надобно признаться, что на семъ обѣдѣ не обошлось безъ непріятныхъ приключеній. Отъ непривычки обращаться съ вилками выскакивали изъ-подъ нихъ куски мяса и вскакивали на кашемировой платокъ, или брызги соуса летѣли на платье изъ англійской холстинки сосѣдокъ. Слѣдовательно вытиранія, извиненія, неудовольствія, упреки. Секретарь думы не пропускалъ оказіи поострить надъ такими неловкостями и къ-рѣчи расказывалъ, какъ онъ уважаемъ всѣми чиновниками и что на-дняхъ обѣдалъ у совѣтника казенной палаты, гдѣ случилось ему кушать спаржу. «Спаржа, настоящая спаржа, и въ такое раннее время, весною, когда еще трава недав-

но зазеленѣла. Откуда взялъ онъ эту спаржу, я рѣшительно не могу вамъ доложить» — заключилъ секретарь расказъ свой.

«Когда хотите знать, такъ онъ получилъ ее изъ ада,» сказалъ утвердительно одинъ изъ гостей, сидящихъ въ низшемъ концѣ стола.

— Какъ изъ ада? — воскликнули гости, а нѣкоторые и перекрестились.

«Такъ изъ ада, что точно изъ ада, продолжалъ докащикъ. Вамъ извѣстно, государь мой любезный, что — по нѣкоторымъ отношеніямъ — одинъ изъ нечистыхъ духовъ, по имени «анджерей» силою своею производитъ все небывалое, какъ-то рѣдьку — по нѣкоторымъ отношеніямъ — выпускаетъ въ февралѣ, огурцы въ мартѣ, спаржу, вишни и даже дыни въ маѣ. Можетъ ли это мудрость человѣческая произвести безъ помощи нечистой силы? Никогда. Это все проклятый «анджерей» производитъ! Наше мѣсто свято! Вамъ бы, государь мой любезный, по нѣкоторымъ отношеніямъ не слѣдовало и касаться такаго производства спаржи, не только глотать ее.»

Жена секретаря, слушая такую назидательную рѣчь, съ ужасомъ смотрѣла на супруга своего, попавшаго въ когти проклятаго «анджерея» и приду-

мывала средства, какъ-бы избавить мужа своего отъ такаго оскверненія.

Между-тѣмъ секретарю поднесли яблочный пирогъ — и онъ хотя обѣдывалъ у чиновниковъ, но не зная, какъ приняться за блюдо, ковырялъ его вилкою, и какъ все было неудачно, то и послышался на женскомъ углу тихій полусмѣхъ. Это его сконфузило, но не надолго; онъ, чтобъ отвратить отъ себя насмѣшки, самъ же началъ смѣяться и примолвилъ: «бываетъ и на старуху проруха!» Кушая же съ аппетитомъ пирогъ, придумалъ остроту, чтобы истребить впечатлѣніе, произведенное его неловкостью. «Отмѣнная пища, сказалъ онъ, такъ-что растаться съ нею не хочется. Но покормилъ бы этимъ пирогомъ цѣлый день нашихъ косарей, молотильщиковъ, дроворубовъ и другихъ: что̀ бы они сказали?»

«Банмо̀!» вскрикнулъ квартальный — и громкій смѣхъ его повторенъ всею компаніею.

Пообѣдавъ, какъ они изъясняли, знатненько, гости встали и чинно благодарили хозяевъ «за хлѣбъ и соль.»

Хозяева, съ своей стороны, по обязанности сказали: «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Не прогнѣвайтесь, дорогіе гости, что васъ голодомъ проморили.»

Гости возразили: гнѣваться за то, что насъ обкормили?

По окончаніи сихъ форменныхъ, обыкновенныхъ рѣчей, гости прошены въ «гостиненькую», гдѣ имъ предсталъ столъ, уставленный разными «заѣдками». Медовыя варенья: вишни, сливное павидло и бузинный цвѣтъ, были положены на чайныхъ блюдцахъ и къ нимъ чайная серебреная ложечка, одна для всѣхъ гостей и для всѣхъ вареній. При томъ были моченые яблоки, орѣхи, изюмъ, миндаль, винныя ягоды и черносливъ, все на тарелкахъ. Началось подчиваніе. Барыни церемонились, отказывались; хозяйка упрашивала, чтобы онѣ «не жеманились» и кушали бы какъ дома; все это для васъ-де накуплено и намъ его опосля некуды дѣвать. Жена гласнаго, Агаѳья Васильевна, бой-баба, приглашаемая всегда распоряжать пирами свадебными и именинными и похоронными, принялась грызть орѣхи. Смѣтливый хозяинъ вынесъ досточку и молотокъ, чтобы ей удобно была разбивать ихъ; но она отказалась по той причинѣ, что грызетъ ихъ для мужа, и онъ, кромѣ разгрызенныхъ ею, другихъ не станетъ кушать.

Такъ именующія себя «барыни» пустились въ разговоры; и какъ были изъ круга низкаго, необразованнаго, то и принялись злословить, клеветать и сплётничать на отсутствующихъ, знакомыхъ и даже родныхъ. Въ ихъ сословіи это любимое занятіе.

Мужчины же занялись разсужденіями о разныхъ предметахъ: квартальный расказывалъ анекдоты, случившіеся сего утра въ полиціи между просителями; секретарь думы съ гласнымъ отъ мѣщанства разсуждалъ о причинѣ, почему полицеймейстеръ соглашался на высокія цѣны, выпрашиваемыя подрядчиками за фуражъ для пожарныхъ лошадей, кои впрочемъ дѣла своего не знаютъ, а только развозятъ по городу жирную полицеймейстершу. Купечествующій народъ разглагольствовалъ «о коммерціи»: нѣкоторые изъ нихъ недоумѣвали, отъ чего подпялась цѣна на деготь, и они не могутъ уже такъ скоро сбывать этотъ товаръ за дороговизною. «Вѣдь, я думаю, деготь свой товаръ, или привозной изъ-за границы?» спрашивалъ одинъ: прочіе не могли рѣшить. Всеобщее же вниманіе обратилось на расказъ купца о вновь входящихъ въ моду «севериновыхъ свѣчахъ», которыя-де подорвутъ всю коммерцію обыкновенными сальными свѣчами — и мы, по милости этой новой моды, должны весь нашъ торгъ совершенно прекратить, и коммерція ими лопнетъ.

Пантелей Степановичъ подходилъ къ каждой группѣ, не дослушивая до конца, соглашался; а гдѣ требовало приличіе—тамъ пожималъ плечами и восклицалъ: «Дивныя вещи! въ-старину такъ не бывывало!» Наконецъ, взглянувъ на супругу свою, сказалъ: «А что же, Кулина Петровна? время ужъ. Прикажите подпести намъ по чашкѣ кофею »

И заботливая Кулина Петровна пошла въ кухоньку и выслала работницу съ огромнымъ подносомъ, уставленнымъ чашками различныхъ видовъ, цвѣтовъ и мѣръ. Войдя въ комнату, работница поклонилась и начала подносить. Гости разобрали чашки; одинъ только торгующій пряниками отказывался, говоря, что онъ изъ горячихъ напитковъ пьетъ одинъ чай, а кофею не употребляетъ. Сколько работница ни кланялась передъ нимъ, сколько ни упрашивала: «пожалуйте бо... покушайте!» онъ былъ неумолимъ и заключилъ увѣреніемъ, что оно ему противно и его натурѣ вредно.

Странное дѣло! Каждый изъ гостей, отвѣдавъ изъ чашки, морщился и отдавалъ ее назадъ. Невозможно было проглотить этаго кофе. Проворная на все Агаѳья Васильевна открыла, что хозяйка, по неумѣнію своему обращаться съ кофеемъ, предъ подачею, взболтала его весь, въ чаяніи, чтобы каждому гостю досталось кофе, а не одна жижица; какъ же не было хорошихъ сливокъ, такъ она впустила въ молоко масла, и какъ оно было соленое, то и невозможно было никакъ проглотить этой бурды.

Другая на мѣстѣ Кулины Петровны горѣла бы отъ стыда послѣ такой неудачи блеснуть угощеніемъ; но она, несвыкшаяся еще съ обычаями людей, въ кругъ которыхъ недавно вступила, не ожидая насмѣшекъ за свое незнаніе, равнодушно вошла къ го-

стямъ и сама со всѣмъ чистосердечіемъ расказывала въ подробности свои ошибки въ приготовленіи кофе и сливокъ. Матерія богатая для пересмѣшницъ! Если бы онѣ были изъ высшаго кругу, конечно извинили бы невольное незнаніе подруги своей въ новомъ для нея дѣлѣ и еще съ удовольствіемъ бы слушали ея наивныя извиненія; но какъ онѣ были необразованны, то, по глупости своей, не переставали исподтишка насмѣхаться надъ нею и распросами, будто искренными, болѣе выставляли простоту ея. Чудные нравы и свойственные только простому классу женщинъ!

Секретарь думы вдругъ провозгласилъ: «А что же? зачѣмъ терять золотое время? Не составимъ ли вистика? Когда я обѣдалъ у г. совѣтника казенной палаты и тамъ собрались всё пріятели, такъ мы и до обѣда и послѣ обѣда играли. Артамонъ Семеповичь (это былъ квартальный), играете?»

— Почему же? не прочь, но съ уговоромъ играть не далѣе зори. Тамъ служба спроситъ меня,» отвѣчалъ квартальный, поглядывая на свою трехугольную шляпу и шпагу стоящую въ-углу.

«Вотъ два есть, хлопоталъ секретарь. Марко Демьяничь! Играете?

— А на чемъ? — спросилъ Марко Демьянычь, купецъ 3 гильдіи, торгующій свитами и прочимъ суконнымъ убранствомъ, сидѣвшій до того въ углу и предавшійся сладкой дремотѣ.

«Не на чемъ, а играть въ карты, въ вистъ. Играете ли?

— Игрывали когда-то — выходитъ — по одному случаю. Но играть могу, а — выходитъ — счету не знаю.»

«Мы сосчитаемъ, проигрывай только побольше. Четвертый кто? Харитонъ Ивановичь! угодно?»

— Чтобы въ карты? — воскликнулъ съ ужасомъ Харитонъ Ивановичь, торгующій сапожнымъ товаромъ, расматривавшій въ эту минуту картину «послѣдній день Помпея.» И сохрани меня Богъ взять ихъ въ руки! Вотъ мое наслажденіе!» — и снова погрузился въ расматриваніе красокъ картины.

«Какъ же быть, кто четвертый? хлопоталъ секретарь.—А! вотъ Кондратъ Наумовичь. Играй.»

Кондратъ Наумовичь былъ пряничникъ; отговорился незнаніемъ мастей въ картахъ.

«Что же, вы для себя ищете забавки, а о нашемъ удовольствіи и не подумаете? — отозвалась Агаѳья Васильевна. «Развѣ мы и не люди. Не-что думаете, играть не умѣемъ?»

Обрадованный секретарь наговорилъ тысячи извиненій, присоединилъ кучу просьбъ украсить ихъ вистъ своимъ сотовариществомъ и въ заключеніе засыпалъ остротами на счетъ того, что онъ вытащитъ изъ кармановъ Агаѳьи Васильевны все, что тамъ ни есть. «Пантелей Степановичь! — прибавилъ онъ: — составьте же намъ вистикъ?»

«Чтобы что? сказалъ хозяинъ съ недоумѣніемъ: «признаться, въ домѣ... не имѣю... ни кусочка...»

— Эхъ, какой! Дай намъ столъ и карты; вотъ и все тутъ.

«Столовъ пожалуй хоть и два, а картъ, признаться, не держу. Не имѣю—онамедни—дѣтей, такъ не къ чему имѣть игрушки, сказалъ хозяинъ и вздохнулъ о своемъ безчадствѣ.

«Чего тутъ толковать? кричалъ распоряжающій секретарь: пошлите ко мнѣ за картами.

Принесли отъ секретаря карты, избитыя, замасленыя, но и то только 36 картъ: двоекъ не находилось, и тройка бубновая была съ надписью: «это король бубенъ.

Какъ быть безъ двоекъ? Агаѳья Васильевна и тутъ помогла горю. «Пошлите ко мнѣ на-домъ; я колодою гадаю, а двойки отдала дѣтямъ. Пусть пришлютъ.»

Принесли двойки, составили безъ дальняго разсмотрѣнія колоду, поставили деревянный столъ, припасли кусокъ мѣлу и начали играть. Секретарь думы игралъ съ Агаѳьею Васильевною «партификсъ». При окончаніи каждой игры взявшіе леве сосчитаютъ и смѣшаютъ. Противная сторона не повѣряетъ своихъ взятокъ. Такъ секретарь выигралъ партію, и уже доигрывается роберръ, какъ вдругъ ни одна сторона не взяла леве, у каждой по шести взятокъ! Удивленіе, недоумѣніе! принялись повѣрять, считать карты— и наконецъ открылось, что недостаетъ четырехъ картъ, а они такъ играли, не смотря на увѣреніе секретаря, что онъ въ игрѣ твердо помнитъ счетъ каждой масти.

Добыли и недостающія карты; начали снова игру. Сколько остротъ сыпалось съ обѣихъ сторонъ! Наприм., квартальный иначе не называлъ пиковаго короля, какъ полицейскій секретарь, который ему

очень солонъ былъ. Другая сторона также не умолкала. «Отвѣчаете ли вы мнѣ, Агаѳья Васильевна?» спрашивалъ ее партнеръ съ нѣжностью.» — Ахъ, батюшка, что вы? У меня мужъ есть. — Это означало, что у нея нѣтъ фигуры и она не можетъ отвѣчать. Общій хохотъ собесѣдниковъ отдалъ справедливую дань замысловатости Агаѳьи Васильевны.

Въ другомъ случаѣ квартальный спросилъ своего партнёра: «мы въ окрахъ; выйдемъ ли?»

«Чтобъ-то какъ?» спросилъ недоумѣвающій партнеръ.

— Ну, есть ли фигуры козырныя?»

«Есть.»

— Ну, такъ покажите же.

И товарищъ открылъ короля и валета.

«А третья?» спросилъ квартальный.

— Нѣту-те.

«Ну, такъ мы не вышли. А вы въ фигуры не годитесь.»

Общій хохотъ.

Вистъ продолжался долго. Людямъ, не понимающимъ цѣли, для чего они живутъ, не могущимъ заняться разсужденіями о полезныхъ предметахъ, или проводить время въ пріятныхъ разговорахъ, однимъ словомъ, людямъ, съ ограниченными понятіями, сродными низкому ихъ происхожденію, извинительно занятіе картами. Чѣмъ имъ, кромѣ картъ, заняться? Они ни къ чему не способны.

По окончаніи игры и расчета, даже до тридцати копѣекъ простиравшагося, гости начали-было «подниматься», чтобы уйти; но радушный хозяинъ удержалъ, не пустилъ ихъ, прося остаться «на чашку чаю» и убѣждалъ тѣмъ, что еще пожалуютъ прошеные на-вечеръ гости —и они остались.

Въ самомъ дѣлѣ скоро начали прибывать еще новые гости. Не говоря уже объ «особахъ» мѣщанскаго званія, пріятеляхъ, или нужныхъ людяхъ Степановичу, пожаловало нѣсколько изъ купеческаго сословія, и даже самъ частный и наконецъ стряпчій удостоили своимъ посѣщеніемъ, и всѣ съ супругами.

Вечернее угощеніе началось чаемъ, выносимымъ изъ кухоньки на прежнемъ подносѣ, тою же работницею и съ тѣми же поклонами. Между тѣми же чаш-

ками явилась новая декорація: серебреная ложечка, взятая съ варенья. Гость, взявъ чашку съ чаемъ, мѣшалъ тою ложечкою и оставлялъ ее сосѣду для той же надобности. Послѣ первыхъ чашекъ вынесли по другой. Острякъ, секретарь думы, не пропустилъ случая сказалъ «банмо», какъ выражался квартальный. Когда поднесли къ секретарю, онъ оттолкнулъ рукою подносъ и произнесъ рѣшительно: «не пью!»

Работница принялась клапяться и упрашивать: «пожалуйте бо!.. покорно прошу!..»

«Не пью!» кричалъ секретарь: «хозяинъ звалъ меня только на чашку чаю, слѣдовательно на одну; а это уже другая.»

— Это уже не вода, донесъ подошедшій хозяинъ.

Секретарь взялъ чашку, хлебнулъ и сказалъ: «А! это дѣло другое; порядокъ.»

Въ самомъ дѣлѣ это было другое дѣло: тотъ же чай, но съ изобильнымъ прибавленіемъ французской водки.

«Что за бестія, нашъ Дмитрій Павловичь! сказалъ стряпчій на секретаря: изо всего умѣетъ вывернуться. И самъ слово сдержалъ: больше одной чаш-

ки чаю не пьетъ — и хозяина не обидѣлъ. Я говорю, что онъ смѣлая бестія!»

Подали по другой, по третьей и далѣе по четвертой. Секретарь призадумался и спросилъ: «г. стряпчій! три члена нужно для полнаго присутствія: что дѣлать, когда явится четвертый?»

«Стало быть, онъ сверхкомплектный, заштатный? рѣшилъ стряпчій: «а все заштатное должно уничтожать.» И они принялись уничтожать подносимыя имъ чашки.

Среди всеобщаго хохота отъ подобныхъ «банмо» хозяинъ подсѣлъ къ своимъ собратіямъ, трактующимъ о коммерціи по предмету поставки жизненныхъ припасовъ на тюремный замокъ, и прервавъ разговоръ ихъ, началъ хвалиться, какъ онъ умно сдѣлалъ, что бросилъ это глупое, мужицкое общество, а переписался въ мѣщанское. «Тутъ только, слушая такія умныя рѣчи, онамедни по неволѣ и самъ поумнѣешь.»

Барыни этаго общества, по обычаю, были въ ситцевыхъ капотахъ, стеганыхъ на ватѣ. Прибывшія же на вечеръ, изъ этикета, не снимали своихъ лисьихъ шубъ. Послѣ первыхъ двухъ чашекъ чаю онѣ начали помахиваться кончиками своихъ платковъ; при девятыхъ начали ихъ уже оборачивать и от-

прашиваться, при чемъ одной изъ нихъ удалось также сказать «банмо.» Ужъ когда же принуждаете, Петровна, пить чай, такъ прикажите подать вѣники. Я такъ вспотѣла, благодаря вашему усердію, какъ будто на верхнемъ полку въ банѣ.» Но радушная Кулина Петровна не давала имъ никакой пощады и, вмѣстѣ съ работницею усугубляя просьбы, продолжала заливать еще, когда перешло уже за двенадцать. Далѣе оказано было ею снисхожденіе: давши гостямъ небольшой отдыхъ, приступила съ новыми убѣжденіями. Стоило ей сказать одно слово: развѣ вы, Кондратьевна, непривычны къ чаю?» тогда Кондратьевна готова была тянуть и до двадцати, лишь бы увѣрить хозяйку и почтенное общество, что она «въ чаѣ почасту упражняется, и достатокъ позволяетъ употреблять ей такой напитокъ.»

Сидѣли, говорили, осуждали другихъ, хвалили себя; вистъ еще составился. Все шло, какъ прилично только обществу низкаго класса людей. Наконецъ надобно было «и честь знать.» Гости начали подниматься и, соблюдя всѣ церемоніи въ прощаніи и провожаніи, разошлись.

Возвращаясь по домамъ, каждая партія гостей, пока доходили до своихъ домовъ, не оставили безъ того, чтобы не осмѣять и не пересмѣять радушно угостившихъ ихъ хозяевъ. Все было не такъ, все неприлично, все нехорошо! Незабыто было кофе,

молоко, уборъ хозяйкинъ, убранство дома, чванство мужа и жены, желаніе выказать свой достатокъ, все, все было осмѣяно за хлѣбъ, за-соль, какъ свойственно людямъ низкихъ чувствъ!

Задавать подобныя пирушки очень нравилось Пантелею Степановичу и Кулинѣ Петровнѣ. А отъ того онъ былъ уважаемъ отъ своего общества. Квартальный, приходя къ нему по должности, никогда не требовалъ, а просилъ объ исполненіи предписаній полиціи. Кулина Петровна, послѣ повторенныхъ неоднократно угощеній, имѣла уже многихъ знакомыхъ, истинно усердныхъ ей—въ глаза, и имѣла удовольствіе, сходясь съ ними на рынкѣ, куда она, для разсѣянія, подъ-часъ выходила, или въ другомъ мѣстѣ, слышать разныя новости, пересужать знакомыхъ и заводить сплетни, въ чемъ и не отставала отъ другихъ. Однимъ словомъ, Стовбыревскій и супруга его узнали новую жизнь;» новый свѣтъ имъ открылся» говорили они.

Радость и счастье ихъ удвоились. У нихъ родилась дочь. Пантелей желалъ имѣть лучше дочь, нежели сына. «Что сынъ? говорилъ онъ, при ожиданіи умноженія рода своего: «унаслѣдуетъ—онамедни—отцовское званіе и далѣе не пойдетъ. А дочь, при своей красотѣ, можетъ онамедни понравиться какому приказному, а если еще дворянину, помѣщику?.. Будутъ онамедни свои слободы, свои подданные!..

У! Господи! И этакая особа—онамедни—будетъ меня взывать батюшкою... Станетъ цаловать мою руку!.. Вотъ до какой чести дожилъ!.. Такъ вотъ и разница между сыномъ и дочерью! Онамедни дочь всегда важнѣе.»

Какова же была его досада, когда, при нареченіи имени новорожденной, ее назвали «Домною». Пантелей Стапановичь вышелъ изъ себя. «Что это, насмѣшка что ли? кричалъ онъ.» Это у мужика бываетъ дочь До-ма-ха. Я уже вышелъ изъ того. Поди, проси, кланяйся, убѣждай, чтобы назвали ее благороднымъ именемъ, а мужицкаго не хочу.»

И желаніе богатаго мѣщанина было уважено. Новорожденную переименовали «Настасіею. — Ну, вотъ это такъ — сказалъ онъ успокоясь и началъ къ каждому слову приговаривать свое онамедни. — Это имя благородное «Настуся.» И у нашего или бишь у купеческаго головы дочь Настасія. Что бы я дѣлалъ съ Домахою? Я и съ Кулиною Петровною не знаю куда онамедни дѣваться. Жена бы и сюда и туда, такъ что же онамедни? Кулина! Пойди ты съ нею! А перекрестить не можно.»

И какія крестины затѣялъ Пантелей Степановичь! И кого-то онъ уже не позвалъ! Даже самъ секретарь... да какой?— уѣзднаго суда! былъ съ супругою, кромѣ прочихъ другихъ. Радость родителя

была неописанна. Почти цѣлую недѣлю продолжались угощенія; и хотя сама Агаѳья Васильевна распоряжала всѣмъ, но все таки-осуждали и Пантелея Степановича и Кулину Петровну: «За чѣмъ? для кого? начто? Хотятъ насъ удивить? Мы и не на такихъ праздникахъ бывали! И смѣшны они и жалки, что безъ нужды тратятся.» Такъ говорили званые сегодня, возвращаясь отъ Пантелея Степановича, а назавтра опять собирались у него. Извинить ихъ можно; они мѣщане, не имѣютъ понятія о благородныхъ чувствахъ.

Для новорожденной пріискана была кормилица и наряжена — какъ видѣлъ Пантелей Степановичь у первостатейныхъ Великороссійскихъ купцовъ — въ кокошникъ и сарафанъ, хотя она была самая коренная Малороссіянка. Нянькѣ и кормилицѣ приказано было малютку величать не иначе, какъ барыня, Настасья — въ отчествѣ родитель мѣшался и не зналъ, какъ на купеческій манеръ зовется: Пантелеевна или Пантелеймоновна? Не рѣшивъ ничего, предоставилъ имъ на волю называть по отчеству, какъ придется. Мы же, для краткости, будемъ ее называть, какъ и родители звали: Настуся — и больше ничего.

И такъ Настуся росла и была дѣвочка миленькая, какъ ни портили ея здоровье родители, начиняя ее съ утра до вечера разными жирными кушаньями, разными грубыми лакомствами, но она росла и бы-

ла здоровенькая. Какъ ни нѣжили, какъ ни баловали ее, но она была смирна, кротка и послушна.

Располагая выдать ее, по крайней мѣрѣ, за помѣщика съ сотнями душъ, надобно было и воспитать ее прилично будущему состоянію. Пантелей Степановичь пріискалъ одну вдову, попадью, которая обучала Русской грамотѣ приходящихъ къ ней дѣвочекъ разныхъ сословій; туда опредѣлилъ онъ и свою Настусю и условился, чтобы она обучилась читать церковное и гражданское, прямо по верхамъ; подписывать свое имя и знать цифиру. Вотъ что ей нужно — говорилъ онъ: а больше къ чему? Съ такою наукою она будетъ вездѣ годиться!»

И Настуся училась хорошо, исправно посѣщала свою «инспекторшу», выучивала уроки, и до году во всякой книгѣ могла читать все, хоть съ начала, хоть съ конца. На пятнадцатомъ году возраста кончила она ученіе грамотѣ, и заботливые родители приступили къ дальнѣйшему образованію ея.

Нѣсколько семействъ мѣщанскихъ и мелкаго купечества, имѣя подрастающихъ дочерей, собирались съ ними поочередно къ одному изъ нихъ. Туда приходили и «панычи,» сыновья знакомыхъ родителей, бывалые въ обществахъ, видѣвшіе свѣтъ и знавшіе всѣ танцы; приводили съ собою договореннаго «скрипача» и обучали барышень «танчить» всякимъ

танцамъ, какъ кадрелямъ, такъ и всякимъ вальцамъ. Тутъ-то и Настуся усовершенствовала свое воспитаніе, и какъ была стройна, хорошо сложена и ловка, то въ танцахъ и отличалась передъ подругами; въ обхожденіи же съ панычами была скромна и вела себя пристойно и благоразумно; и вообще была тиха, вѣжлива; говорила и отвѣчала скромно, умно, прилично возрасту своему и состоянію. Личикомъ была хорошенькая; и хотя вовсе не занимались нарядами, но родители ея, желая, чтобы какой дворянинъ обратилъ на нее вниманіе и женился бы на ней, не щадили ничего, чтобы нарядить ее, сколько можно, по своему понятію — щеголеватѣе. Чтобы показывать ее, для этаго мать безпрестанно изыскивала случаи выводить ее съ собою, то въ гости, то на ярмарку, то на гулянья. Для такихъ случаевъ Настусю наряжали въ пышное манто, впрочемъ прикрывающее платье самое простенькое, приношенное, шляпку, коленкоровый зонтикъ въ руки и т. под. Не одинъ разъ мать имѣла удовольствіе слышать, что какой-нибудь офицеръ, на гуляньѣ или въ лавкѣ, заглянувъ подъ шляпку дочери ея, приговаривалъ: «какая хорошенькая!» Знакомыя же и подруги, какъ были изъ низшаго сословія, слѣдовательно были завистливы, посматривая на Настусю, обращающую на себя болѣе вниманіе, нежели онѣ, говорили между собою: «Къ чему бы такъ наряжаться? Прилично ли мѣщанской дочери равняться съ нами, купеческими?»

Развѣ Настуся дочь все еще мѣщанина? Неужели отецъ ея не вписался въ купечество, какъ всегда хотѣлъ того? То-то и есть, что, къ крайнему своему прискорбію, все оставался мѣщаниномъ. Отъ чего же?» Не вывезло онамедни,» какъ онъ самъ говорилъ.

Вступивши въ мѣщанское сословіе, онъ завелъ торгъ мелочнымъ товаромъ; но, пренебрегая самъ быть въ лавкѣ, нанималъ прикащика, сидѣльца и мальчика. Ожидая, что капиталъ его умножится, торговля расширится, тогда онъ вступитъ въ купцы, въ любую гильдію. А между-тѣмъ, отъ спѣси, чванства и лѣни, трехъ добродѣтелей, неразлучно живущихъ у людей, подобныхъ Пантелею, вовсе не обращалъ никакаго вниманія на ходъ своей торговли: прикащика не считалъ, бывъ доволенъ умѣреннымъ доходомъ, взносимымъ имъ, и ввѣрилъ ему большія суммы. Когда же полагалъ, что уже довольно расторговался и смѣло можетъ вступить въ купечество, захотѣлъ повѣрить свой капиталъ — и съ горестью увидѣлъ, что вмѣсто прибыли по торговлѣ много задолжалъ, прикащикъ безъ разчету скрылся; тогда нечего было дѣлать — уплативъ долги и прекративъ торговлю по мѣщанству, сидѣть сложа руки до случая, котораго впрочемъ долго было ожидать! Покупка дома, обзаведеніе на мѣщанскую стать, убыточная торговля, желаніе блеснуть достаткомъ въ убранствѣ жены и частыхъ угощеніяхъ почетныхъ особъ, какъ видѣли

выше; наконецъ подрастающая дочь, требующая на свои наряды значительныхъ издержекъ, все это до того истощило состояніе Пантелея Степановича, что онъ едва и по мѣщанству держался, бывъ обремененъ долгами.

Сколько-нибудь поддерживала его отдача въ наемъ флигеля на годъ и по временамъ при ярмаркахъ сараевъ, кладовыхъ и т. под. во дворѣ. Но и тутъ бѣда! Настусѣ уже шестнадцатый годъ, а квартиранты во флигелѣ все панычи, да еще на хозяйскомъ столѣ. Они уже чаще съ нею заговариваютъ, уже и хлѣбными шариками за обѣдомъ на нее кидаютъ. Не проходитъ обѣда, чтобы какой панычь, нацарапавши вилкою на оловянной тарелкѣ — кто его знаетъ что—не подавалъ Настусѣ прочесть. Она прочтетъ, покраснѣетъ—и не знаетъ, куда съ голубыми глазками своими дѣваться! Отецъ видитъ это, задумывается, не можетъ понять, чтобы это означало? А между-тѣмъ ему непріятно.

Не только отецъ, мать, но видятъ и посторонніе, что на каждомъ—называемомъ ими—балѣ, у кого нибудь у сосѣдей, или, по очереди, и у Пантелея Степановича, квартирующіе у него панычи не допускаютъ никого танцевать съ Настусею, «поднимая» ее сами попеременно. Многіе, бывающіе на этихъ балахъ, отличные молодые люди, служащіе въ губернскомъ правленіи и палатахъ, желали бы имѣть сча-

стіе вступить въ танецъ съ Анастасіей Пантелеймоновной, но за квартирантами ея не успѣваютъ—такъ громко жалуются прочіе кавалеры, и объясняютъ, что, признательно сказать, ни одна изъ барышень нашихъ не танцуетъ такъ понятно и въ ногу, хоть какую угодно мазурку, кадриль; и никто не вальцируетъ такъ отчетно, какъ она, Анастасья Пантелеймоновна. Это прелесть!

Это же говорятъ молодые «кавалеры», а отецъ и мать Настусины напрасно ждутъ, чтобы кто-нибудь изъ этихъ отличныхъ молодыхъ людей, пойдя съ Настусею въ танецъ, влюбился въ нее — и, быть можетъ, выгодно было бы за него отдать, потому-что между ними есть и изъ настоящихъ дворянъ, съ душами за родителями, и могущіе дослужиться и до засѣдателя, когда еще не выше. А квартиранты наши что?.. Ничего; и не будетъ съ нихъ ничего!

Что же говорятъ сосѣдки, и что заключаютъ онѣ изъ такаго обращенія панычей съ Настусею — такъ уши вянутъ! Часточка только ихъ заключеній дошла до Пантелея Степановича, и онъ, сообразя то, что самъ замѣтилъ и что слышалъ, недоумѣвалъ, какъ ему поступить въ такомъ критическомъ обстоятельствѣ! Отказать, безъ явной причины, отъ квартиры, не хотѣлъ, потому-что боялся потерять значительный доходъ отъ найма флигеля, и боялся, чтобы паныча «осерчавъ на него» не сплели еще чего-нибудь на

Настусю и на хозяевъ, а черезъ то никто бы и не нанялъ у него флигеля, что было бы ему очень чувствительно.

Среди такаго его недоумѣнія случай поблагопріятствовалъ ему устроить все къ выгодѣ и спокойствію его.

У него была сестра, Прися, выданная еще отцомъ въ замужество за бойкаго парня, Малороссійскаго казака, изъ-за Хорола. За отдаленностью братъ и сестра почти никогда не сообщали другъ другу свѣдѣній о себѣ. Чрезъ бывающихъ изъ того края Пантелей слышалъ, что Прися его очень разбогатѣла; болѣе онъ ни о ней, ни о семействѣ ея ничего не зналъ, какъ вдругъ получилъ отъ своего зятя письмо, коимъ онъ его извѣщалъ, что «счастье во всемъ ему благопріятствовало: онъ отыскалъ древнее свое, пропадавшее дворянство, а потому имѣлъ право владѣть слободами, коихъ по достатку своему и накупилъ съ душцами, такъ-что до трех-сотъ, и онъ состоитъ съ хорошимъ достаткомъ и немаловажнымъ семействомъ, изъ котораго старшій «Омеля» съ неограниченнымъ разумомъ и многими способностями. Пріятели и учители, и наипаче самъ Омеля, отдыха не даютъ и настаиваютъ, чтобы его учить всему въ высшемъ училищѣ. Того ради, продолжаетъ пишущій отъ имени Пантелеева зятя, какъ и должно быть, неграмотнаго — того ради, я зять вашъ и се-

стра Прися, а по закону нынѣ жена моя, Ефросинья Степановна, рѣшились на то и просимъ васъ, принять его какъ сродника, къ себѣ въ домъ и содержать, какъ прилично благородному его званію. Почему онъ въ-слѣдъ за симъ и послѣдуетъ — и проч.»

Надобно было видѣть радость Пантелея Степановича, не тому, что сестра его здорова и счастлива, но что она дворянка, имѣетъ свои слободы, и сынъ ея, родной племянникъ его, будетъ въ глазахъ всѣхъ знакомыхъ обучаться съ другими дворянскими сыновьями! Онъ немедленно приступилъ къ дѣйствію: пригласилъ къ себѣ паничей, квартирантовъ своихъ, и сказалъ. «Я получилъ — онамедни — сейчасъ письмо отъ родной сестры моей, которая за-мужемъ за дворяниномъ, помѣщикомъ трех-сотъ душъ, тамъ, еще за Хороломъ, чтобы — онамедни — принять сына ея, стало быть роднаго моего племянника, къ себѣ въ домъ. Онъ, какъ дворянинъ, то есть, мой родной племянникъ, такъ — онамедни — будетъ учиться съ такими же дворянскими паничами. Такъ хоча — онамедни — мнѣ и жаль васъ, хорошихъ квартирантовъ, отпускать, но перемѣнить нельзя. Сами знаете, что онамедни кровь не вода.»

Хотѣли-нехотѣли паничи, пріискали другую квартиру, простились съ хозяевами и съ Настусею, просили ее помнить ихъ и не забывать... Настуся

молча откланивалась — и больше ничего. Панычи съ тѣмъ и растались.

Худо бъ приходило Пантелею Степановичу безъ квартирантовъ: онъ не зналъ бы, чѣмъ себя и поддерживать предъ почтенными особами, съ которыми уже свелъ тѣсную дружбу и долженъ былъ частенько угощать ихъ и безо зву; худо бы ему приходило, если бы любезный зять не приказалъ дополнить своего письма, что «благородная амбиція наша, какъ природнаго дворянина, не позволяетъ намъ, чтобы нашъ Омеля жилъ у васъ изъ-милости; того ради онъ доставитъ вамъ деньги за квартиру, по чемъ съ людей брали, а также и на содержаніе, въ коемъ прошу не скупиться и помнить, какой онъ крови, а притомъ и нѣжное дитя... и проч.

Это поддержало Пантелея Степановича. Безъ сего дохода ему приходилось уже продать домъ и, возвратясь въ обывательское званіе, переселиться опять въ подгородную слободу, уплатя долги пожитками.

«Самъ я виноватъ!» иногда только, а вовсе не всегда, такъ разсуждалъ Пантелей Степановичь. «Зачѣмъ погнался за пышностью? Зачѣмъ присталъ къ знати и искалъ знакомства съ ними? Не убыло бы меня, если бы я навсегда оставался Талемономъ Стовбыремъ! Между обывателями я былъ бы

всегда первый; а теперь, хотя и мѣщанинъ, но буду послѣдній между ними. По-дѣломъ мнѣ!»

И какъ хорошо, что судьба всегда наказываетъ людей, по ограниченному разсудку и по низости чувствъ желающихъ отдалиться отъ своего круга, презирающихъ въ немъ числящихся и не знающихъ предѣловъ чванству своему и гордости! Какъ прилично они наказываются! У нихъ отнимаются способы продолжать глупости, тѣшащія ихъ и смѣшащія другихъ!.. Какъ жаль, что люди изъ сословія выше мѣщанскаго, слѣдовательно незараженные этою глупостью и смѣшнымъ порокомъ, не заглядываютъ въ низшій кругъ: они бы нашли много, чему посмѣяться между собою...

Довольно о нихъ.

II.

Кто не одаренъ здравымъ умомъ, тотъ, и набравши въ голову чужихъ свѣдѣній, вреденъ себѣ, даже опасенъ обществу и человѣчеству. Почерпнутыми имъ знаніями, которымъ ежеминутно готовъ дать неправильное и опасное примѣненіе, онъ прикрываетъ кривизну своихъ мнѣній. Его терпятъ, даже ослѣпляются имъ въ обществѣ, когда слѣдовало бы удаляться отъ него, какъ отъ злаго безумнаго.

Пріѣхалъ Омеля. Его приняли со всѣмъ радушіемъ, заботились о всѣхъ выгодахъ его въ помѣщеніи. Его не поразило, что такъ близкіе родные были простые люди и по наружности и по обращенію; онъ на это смотрѣлъ безъ вниманія. За ласки и участіе благодарилъ. Спѣша устроить себя, рѣдко бывалъ дома, и вскорѣ выхлопоталъ себѣ опредѣленіе въ училище. Продолжая свои занятія, Пантелей Степановичь и Кулина Петровна только и видали его что за обѣдомъ и то молчаливаго.

Когда же онъ перерядился въ сертукъ, недостигающій до колѣнъ ровно на полъ-аршина, устроилъ свою голову — или-бишь волосы — по-модѣ, заложилъ руки въ извѣстные карманы, закурилъ неугасаемую сигару, взложилъ на носъ бронзовые очки съ простыми стеклами и въ нихъ началъ глядѣть на все его окружающее, тутъ сталъ рѣже обѣдать дома, ссылаясь передъ хозяевами на «свои занятія», которыя не позволяли ему приходить домой даже и за-полночь; началъ собирать товарищей иногда къ себѣ во флигель, и посреди табачнаго дыма, стука стакановъ, звуковъ гитары и пѣнья водевильныхъ куплетовъ, метанія въ обѣ стороны картъ, началъ трактовать съ ними о разныхъ предметахъ, особенно занимающихъ ихъ: тогда перемѣнилось и обращеніе его съ родными; тогда они услышали отъ него то, чего имъ и на мысль не приходило!

Началъ тѣмъ, что просилъ дядюшку и тетушку, какъ ихъ называлъ до того, не величать его по отчеству, Омельянъ Григорьевичь, какъ они это при случаѣ дѣлали. «Это ныньче не принято» говорилъ онъ.

«Помилуйте вы меня!» говорилъ удивленный дядя: «называть васъ при людяхъ просто Омелею какъ-то нейдетъ: вы уже взрослые, а къ тому же вы такаго роду, по батюшкѣ—онамедни—дворянинъ...»

— Эхъ, старикъ! къ чему это? я человѣкъ: это главное; а синяго ли, краснаго ли фрака породы, до этаго нѣтъ дѣла. Имя мое нужно только въ юридическихъ актахъ, пока они еще существуютъ, а съ людьми довольно однаго имени, если необходимо различіе. И для того прошу тебя, старикъ, и тебя, добрая старушка, не иначе называть меня, какъ однимъ именемъ всегда и вездѣ, и не этимъ варварскимъ, неизвѣстно съ какаго языка взятымъ, Омелею, а примѣняясь къ моей наружности и сообразно вѣку, зовите меня «Эмилемъ»; равно и ты, кузина, должна носить имя «Нины», прибавилъ онъ, обращаясь къ Настусѣ.

«Помилуйте... какъ по-вашему... Омиль, что ли? У нея есть крещеное имя; перемѣнять — онамедни—не приходится...»

— Смѣшной старикъ! — восклицалъ благоразумный юноша: вотъ и у меня двѣ родныя сестры, Марьяна и Лукерья: такъ неужели мнѣ давать поводъ смѣяться надъ собою, такъ ихъ называя? Нѣтъ, я назвалъ ихъ приличнѣе «Амалія и Леонора,» о чемъ уже и писалъ къ нимъ.

«Не прогнѣвайтесь, а это—онамедни—мнѣ чудно! Къ чему перемѣнять имя, данное священникомъ, по правиламъ...»

— Эка, старый хлопотунъ! Да развѣ я не могу быть умнѣе твоего попа? не могу выдумать имени, пріятнѣе для слуха, звучнѣе, нѣжнѣе? Впрочемъ, смѣшной старикъ! мнѣ мало нужды, какъ ты, слѣдуя предразсудкамъ, будешь называть ее, а она для меня «Нина.»

«По крайней мѣрѣ, при людяхъ—онамедни—негодилось бы называть ее не ея именемъ, по моему разсужденію...»

— Какъ, старикъ? и ты принимаешься разсуждать?» вскрикнулъ образованный юноша, захохотавъ во все горло.

Пантелей Степановичь обидѣлся уже не на-шутку. «Какъ хотите, любезный племянникъ, съ собою, такъ и поступайте, сказалъ онъ наконецъ: а толь-

ко я вамъ скажу, что неприлично вамъ называть меня «старикъ»! Я вамъ дядя, родной, единоутробной братъ вашей матери. Хоть бы сказали «дядюшка», когда не хотите прибавить «любезный дядюшка.» Да и «ты» говорить мнѣ, или теткѣ вашей, по мнѣ, вамъ нейдетъ. Я старѣе васъ, а потому — онамедни — заслуживаю имѣть почтеніе...»

«Какъ ты смѣшонъ, старикъ, съ своими предразсудками! Требуешь почтенія за то, что прожилъ долго! Отъ тебя ли это? и подвигъ ли это какой? Вздоръ. Случай, одинъ случай. Ты болѣе меня прожилъ, слѣдовательно, болѣе меня съѣлъ, болѣе выпилъ, прошелъ болѣе, нежели я — и за то оказывать тебѣ предпочтеніе? Стыдись.»

«Положимъ и ничего, что я — онамедни — старъ; но я вашъ родственникъ, дядя вамъ, моя кровь въ васъ...»

— Ахъ, если бъ я могъ тебѣ растолковать, или если бы ты былъ удобенъ понять, какъ мы разумѣемъ родство, кровныя связи!.. Но я очень знаю, что вліяніе вѣка также дѣйствуетъ и на тебя; лишь грубая оболочка, которою подернуто твое понятіе, мѣшаетъ дать тебѣ отчетъ самому себѣ. Я увѣренъ, что бываютъ случаи, когда разсудокъ твой прозираетъ сквозь облекающій тебя туманъ, и ты, подобно какъ и мы, осмѣиваешь эти предразсудки,

занесенные тобою изъ вашего грубаго въ нашъ здравомыслящій вѣкъ, вѣкъ дающій всему должную цѣну и понимающій вещи въ настоящемъ видѣ. Конечно, тебѣ странно видѣть, что, по-вашему, юноша, дитя, судитъ справедливѣе, видитъ вещи яснѣе, нежели всѣ вмѣстѣ умники вашего вѣка; но это отъ того, что вы жили въ вѣкъ матеріальный, шли съ своими понятіями, наравнѣ какъ и вашъ домашній скотъ; полагали, что человѣкъ долженъ только ѣсть, спать и болѣе ничего; вы только о томъ и думали, исполняли принятыя вами правила и умножали себѣ подобныхъ также безъ размышленія, какъ ваши лошади, коровы, овцы; размышлять же, входить въ изслѣдованія, постигать цѣль, для коей мы живемъ и должны жить — вамъ это и въ голову не приходило, да и куда вамъ постигнуть?.. Необходимо было преобразованіе — и для того явилось новое поколѣніе, поколѣніе именно наше, съ нашими чистыми понятіями, здравыми идеями, точными сужденіями, предусмотрительностью, благоразумною предпріимчивостью. Мы, слѣдуя призванію, начинаемъ говорить, открываемъ вамъ глаза; но по слѣпотѣ, обладающей вами, свѣтъ тяжелъ для васъ! Неспособность ваша внимать намъ, лѣнь обсуживать предложенія наши по-неволѣ заставляетъ васъ утверждать, что мы проповѣдуемъ нелѣпость, что предлагать совѣты принадлежитъ только вамъ, жившимъ нѣсколько дней болѣе, нежели мы, а мы юноши, дѣти, не смотря на очистившійся разсудокъ нашъ, разсудокъ, который съ начала былъ

затемненъ, спалъ, оставался въ совершенномъ бездѣйствіи, разсудокъ, показавшій намъ настоящую цѣль человѣка и ведущій насъ къ ней: мы должны заглушать все въ себѣ, итти по слѣдамъ вашимъ и дѣлать тѣ же дурачества, что и вы. Ахъ, старикъ-старикъ! если бы вы, т. е. ваше старое, матеріальное, флегматическое... ну не прогнѣвайся за правду... глупое поколѣніе, поручило все намъ, нынѣ еще стѣсненнымъ вами умамъ, умамъ здравымъ, новымъ, сильнымъ, и дало волю неограниченную дѣйствовать безотчотно, исправить все, что вы напортили и даже растроили — вы бы увидѣли, какъ бы пошло все хорошо!.. насталъ бы истинно золотой вѣкъ!..

Много подобнаго объяснялъ нашъ Эмиль своему дядѣ и при всякомъ случаѣ заводилъ рѣчь объ одномъ и томъ же. Пантелей Степановичь, слушая его внимательно и вздвигивая плечами, проговаривалъ: «Кто его знаетъ? Можетъ быть, вы что ни есть и благоразумное говорите, только — онамедни — очень непонятно. А можетъ статься, и лучше бы пошло. А то, такая на все дороговизна! Приступу нѣтъ. Наша коммерція почти упадаетъ. Станется, что и лучше бы пошло, какъ бы учредили... не знаю, о чемъ вы толкуете.»

Не смотря и на такіе отвѣты старика, занесшаго въ нашъ вѣкъ предразсудки прежняго, глупаго

вѣка, Эмиль не умолкалъ—и гдѣ бы то ни случалось, за обѣдомъ ли, или въ семейномъ съ ними кругу, когда онъ, утомленный дѣятельностію, снисходилъ туда для развлеченія, онъ неумолкаемо изъяснялъ открытыя и вновь открываемыя новымъ поколѣніемъ истины. Пантелей Степановичь слушалъ его, выступалъ съ противорѣчіями, или соглашался на то, какъ сказано; а большею частью молчалъ отъ удивленія къ премудрости любезнаго племянника, или отъ непонятія умныхъ рѣчей его; при такомъ случаѣ онъ подымалъ плеча вверхъ и покручивалъ свои толстые съ просѣдью усы. Кулина Петровна также слушала росказни племянника, сложа руки, вертѣла толстенькими своими пальчиками, чему она пріучилась съ самаго вступленія въ мѣщанскій кругъ. Но какъ усердно ни вертѣла, а на пятнадцатомъ оборотѣ пальчики ея спутывались, къ нимъ приклонялась и самая голова... она исправно задремливала при сладкихъ рѣчахъ своего племянника Омели, какъ она называла его. Внимательнѣе всѣхъ слушала его Нина; и хотя также не понимала его рѣчей, коихъ и никто не могъ бы изъяснить, но все-таки слушала, устремивъ на него свои большіе голубые глаза, сложивъ бѣленькія маленькія ручки, также-какъ и маменька, но не шевелила ими, даже удерживалась, чтобы не дышать, боясь проронить и одно слово новаго проповѣдника. При всякомъ его отдыхѣ, при всякой остановкѣ, она думала: «какой умный мой Эмиль!»

Огорченія, что Эмиль иначе не называлъ дядю, какъ старикъ, смѣшной, жалкой старикъ, а тетку въ-глаза величалъ «доброю старушкою», Пантелей Степановичь оставлялъ дома; передъ знакомыми же и значущими для него людьми онъ всегда выискивалъ случай похвалиться, что «племянникъ его, сынъ родной сестры, Приси Степановны, дворянинъ, помѣщикъ, за батюшкою коего триста душъ подданныхъ еще за Хоролемъ, опредѣлившійся въ здѣшнее училище вмѣстѣ съ такими же дворянскими сыновьями, до того уменъ, что когда станетъ говорить, такъ нѣтъ такаго человѣка въ свѣтѣ, который бы его понялъ совершенно. Ей, истинно! Конечно, прибавлялъ онъ: я человѣкъ малоученый; я только и дошелъ что до половины часослова, такъ я и не могу сговорить съ нимъ; но желалъ бы спустить его съ какимъ-нибудь изъ нашихъ комедіантовъ, что, нарядясь королями да рыцарями, полчаса, храбро, не отдыхая, говорятъ какія-то рѣчи и притомъ толкаютъ себя въ грудь кулаками, что и глядѣть страшно; такъ съ такими бы его спустить и ожидать, кто бы кого изъ нихъ переговорилъ? То ужъ бойкая голова у моего Омиля!»

Пріятели Пантелея Степановича, слыша такія похвалы молодому человѣку, спѣшили собираться къ нему подъ предлогомъ видѣть необыкновенное чудо, а главное быть уподчиванными радушнымъ хозяиномъ. Среди разговоровъ и разсужденій о разныхъ

предметахъ, гдѣ Эмиль ораторствовалъ и изо всѣхъ силъ доказывалъ, что всему худому, всему злу, котораго кромѣ его никто не видитъ, виновно прежнее поколѣніе; межъ-тѣмъ чашки, прежде съ водою, а по томъ и съ прибавленіемъ, безпрестанно подносились вѣжливою работницею. Гости не могли нахвалиться, какъ пріятно проводятся ими вечера у Пантелея Степановича въ бесѣдѣ съ мудрымъ его племянникомъ Эмилемъ.

Въ одной бесѣдѣ секретарь думы, чтобы продлить разговоръ и такъ воспользоваться еще лишнею чашкою, спросилъ Эмиля: «окончивъ ученіе, куда располагаете вступить въ службу?»

— А на что и для чего это? желалъ бы я знать» спросилъ Эмиль, остановясь посреди комнаты и завернувъ полы короткаго своего сертука, вложилъ руки по-принадлежности.

«Для полученія отличій, а чрезъ то и выгоднаго мѣста, отвѣчалъ секретарь: я нахожу, что съ вашими способностями вы бы легко могли дослужиться до самаго выгоднаго мѣста, до секретаря губернскаго правленія. Тогда были бы себѣ и другимъ полезны.

— Почему же я долженъ непремѣнно служить?

«Потому, что вы Русскій, вы дворянинъ.»

— Прежде-нежели я Русскій и, какъ вы для какаго-то отличія называете, дворянинъ—я человѣкъ, братъ людямъ. Принадлежа къ новому поколѣнію, я вижу ясно гибель братьевъ моихъ, всего человѣчества. Чувствуя въ себѣ призваніе къ истребленію всего вреднаго, я приготовляюсь къ этому великому служенію. Теперь обдумываю планъ, потомъ примусь излагать его и наконецъ начну дѣйствовать. Поймутъ ли меня, послѣдуютъ ли за мною, это мнѣ не нужно. Я скажу все, я вразумлю всѣхъ, одинъ произведу этотъ великій переворотъ—и скроюсь въ неизвѣстности. Къ чему мнѣ слава, къ чему благодарность въ потомствѣ? Проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ (ему было тогда 18 лѣтъ), я узналъ коротко людей, постигнулъ цѣль ихъ, испыталъ неблагодарность ихъ; жизнь моя отравлена воспоминаніями былаго: но я иду своею дорогою; я постигаю свое призваніе; въ будущности мерцаетъ мнѣ звѣздочка, но такъ темно, неразгаданно!..

И гости слушали его, развѣся уши. Возвращаясь по домамъ, не умолкали хвалить его. Секретарь приговаривалъ: «Да вотъ что я вамъ скажу: какой необыкновенный даръ слова, какое увлекательное краснорѣчіе! Конечно, матерія высокая, не все поймешь, но слушаешь его съ наслажденіемъ.»

По любви своей къ человѣчеству, Эмиль обратилъ вниманіе на Нину, которой необразованность въ отвлеченныхъ предметахъ огорчала его. Для достиженія цѣли своей, онъ началъ чаще быть съ нею, говорилъ съ нею о многомъ, читалъ ей книги, т. е. избранные имъ романы, переводилъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ Французскихъ въ его вкусѣ, объяснялъ неясность, темноту, въ нихъ заключающуюся; нарочно отыскивалъ мѣста, гдѣ осмѣивался порокъ, славилась добродѣтель — опровергалъ и порицалъ такія мысли автора; порицалъ старинные предразсудки, почитавшіе порокомъ то, что нынѣ, по зрѣломъ обсужденіи настоящаго, здравомыслящаго поколѣнія, нашли и признали верхомъ торжества надъ слабостями человѣческими. «И точно, такъ говорилъ онъ: взглянувъ поверхностно, похищеніе собственности, неумѣренное удовлетвореніе страстей, для слабыхъ умовъ покажется порокомъ, зломъ, требующимъ преслѣдованія, искорененія; но взгляни, милая Нина, на послѣдствія: богатство въ рукахъ моихъ приноситъ человѣчеству больше пользы, нежели въ тѣхъ, изъ которыхъ я его исторгнулъ; женщина, томившаяся въ тягостныхъ ей узахъ супружества, съ помощію моею разорвала ихъ. Умники спѣшатъ кричать: зло, развратъ! «Неправда» отвѣчаетъ она, замирая въ объятіяхъ моихъ отъ блаженства любви: «я счастлива! никто, и весь міръ не можетъ доставить мнѣ подобной минуты!» Дѣвица, которой прелести увядаютъ подъ игомъ власти родительской, запрещающей ей мыслить о не-

изъяснимомъ блаженствѣ взаимной любви, томится безъ этагѣ глупаго, осмѣиваемаго уже всѣми варварскаго церемоніала, брака. Она человѣкъ, она должна жить, она слѣдуетъ велѣнію благодѣтельной натуры, избираетъ юношу, коего душа создана вмѣстѣ съ ея душою; чувства, мысли, желанія ихъ одинаковы; они должны жить одинъ для другаго, должны составить одно существо... но тутъ являются люди, нѣсколькими годами старше ихъ и потому принявшіе на себя власть тѣснить ихъ, эти, такъ называемые по предразсудкамъ, родители... они разлучаютъ любящихся—хорошо бы, если бы по расчету богатства: извинительно желать для ближняго независимости отъ обстоятельствъ; но тутъ является самая странная, нелѣпая, уродливая причина къ разлученію любящихся, причина, достойная людей, запятнавшихъ человѣчество: близкое родство! Ахъ, какъ жалки, какъ нелѣпы люди! Не самое ли священное, таинственное родство, навѣкъ соединившее души, эта любовь! Это такое родство, котораго не только никакая человѣческая сила, мудрость, но ниже власть натуры не можетъ разорвать. Натура можетъ произвести любовь, но изстребить ее, разрушить —не имѣетъ къ тому силъ и воли.»

Настуся, превращенная въ Нину, должна была все это слушать! Мало того: она должна была выслушивать объясненія на нѣкоторыя темныя, непонимаемыя ею мѣста во Французскихъ книгахъ, которыя

онъ ей переводилъ; должна была повторять сказанное ей — и когда скромность и стыдъ запрещали ей даже глядѣть на него, не только повторять ужасныя правила, имъ преподаваемыя, онъ и тутъ нападалъ на нее, укорялъ ее за рабство предразсудкамъ и всею силою старался убѣдить ее въ томъ, что въ искренней бесѣдѣ, въ дружескихъ изліяніяхъ чувствъ и мыслей нѣтъ запрещенныхъ выраженій, и каждое слово должно быть передано въ настоящемъ смыслѣ.

Настуся, отъ неопытности, признавъ Эмиля за необыкновенно-умнаго и здраво во всемъ разсуждающаго—и эти, новыя для нея, правила и понятія признавала отчасти справедливыми; съ нѣкоторыми она не соглашалась, не постигая сама отъ чего. Ясно видѣла ложное понятіе Эмиля, хотѣла бы отвлечь его, изъяснить, въ чемъ онъ ошибается; но она только мыслію постигала, изъяснить же и доказать ему не могла и не рѣшалась, а потому молчала при немъ. Злодѣй же, полагая, что убѣдилъ ее, принялся итти далѣе.

Въ присутствіи Настуси, онъ сталъ мраченъ, задумчивъ, унылъ; иногда при мрачномъ молчаніи показывалась у него на глазахъ слеза, иногда онъ—схвативъ себя за голову—вскрикивалъ и шелъ, не видя куда. Нина принимала въ положеніи его искреннее участіе: спрашивала, не боленъ ли онъ, не получилъ

ли какихъ извѣстій отъ родныхъ, не случилось ли съ нимъ чего непріятнаго въ училищѣ между товарищами?

«Нѣтъ, Нина! наконецъ проговаривалъ онъ мрачнымъ, удушаемымъ, гробовымъ голосомъ: если бы и постигло меня что подобное, оно не тронуло бы меня ни малѣйше. Что родные? люди, слѣдовательно смертны — и я былъ бы глупецъ, если бы смерть всѣхъ ихъ вмѣстѣ тронула меня. Я выше предразсудковъ. Несправедливость отъ начальства училищнаго, невниманіе товарищей также для меня ничто. Но я вижу, что я осужденъ влачить скорбную жизнь, итти терновымъ путемъ въ неизвѣстности, пока достигну предѣла, никому неизвѣстнаго, темнаго, неяснаго, пока достигну гроба, за которымъ, говорятъ, есть какая-то вѣчность!..»

И Нина начала страдать вмѣстѣ съ Эмилемъ! Просила, убѣждала, молила, заклинала его раздѣлить съ нею скорбь. . . Эмиль поколебался — и въ одинъ вечеръ, убѣждаемый Ниною, послѣ долгаго молчанія, вскрикнулъ: «такъ, ты узнаешь все, узнаешь, хотя бы меня удалила, прогнала отъ себя, возненавидѣла бы меня!.. Но нѣтъ... несравненная Нина!.. ты не возненавидишь меня!.. И тутъ, взявъ ее за руку, прочелъ ей весь курсъ начала, усиленія и достиженія страсти его до высшей степени. Тутъ былъ и идеалъ, тайная скорбь, невыносимая грусть,

неизвѣстныя желанія, влеченія куда-то... Сколько разъ одна печальная луна была свидѣтельницею его невыносимаго состоянія души!.. Обладаемый лютѣйшимъ отчаяніемъ, сколько разъ онъ покушался прекратить несчастное свое существованіе!.. Сколько разъ онъ всходилъ на скалу и готовъ былъ броситься въ бездну!.. Но тутъ являлся ему его идеалъ, взглядывалъ на него и говорилъ ему: «живи для меня!» и скрывался... Этотъ идеалъ встрѣтилъ онъ — разумѣется — въ Нинѣ... Описывалъ, какъ онъ увидѣлъ ее, что чувствовалъ, какъ страдалъ; говорилъ и то и се, и ни се и ни то... Наконецъ кончилъ обыкновеннымъ возгласомъ: «обожаю тебя, Нина!»

Нина молчала и не понимала, что это и для чего?

Кончивъ первое дѣйствіе своей роли, Эмиль, переведя духъ, началъ описывать счастіе, блаженство, восторгъ взаимной любви. Наконецъ приступилъ разбирать чувства ея къ нему. Перебралъ, пересмотрѣлъ все до послѣдняго и, примѣняясь ко всѣмъ ея поступкамъ, обращенію съ нимъ, мечтамъ безъ него, даже молчанію съ нимъ, всему этому далъ самое выгодное заключеніе и, увѣривъ положительно, что она его любитъ тою же сильною любовію, какъ и онъ ее, требовалъ настоятельно сознанія.

Бѣдная Настуся, слыша, что все то, что она про брата думала, какъ внимательно, а иногда и безъ вниманія слушала расказы его, какъ жалѣла о грусти его, слыша, что все это означаетъ пламенную, страстную любовь, сознавалась, безъ дальняго замѣшательства, что она любитъ его.

Произнесены страшныя клятвы о вѣчной, неизмѣнной любви. Поцалуй запечатлѣлъ все — и продолженіе назначено впредь.

Настуся ничего не понимала изъ такой любви. Она, научаемая природою, постигала, что есть другая цѣль любви, совсѣмъ отличная отъ той, въ которую вовлекъ ее Эмиль. Она сознавалась себѣ, что любитъ его, и жалѣетъ о немъ, когда онъ говоритъ, что онъ несчастенъ; готова на всѣ пожертвованія, лишь бы услаждать ему путь жизни. Онъ, со слезами на глазахъ, говоритъ, что одна его отрада—она; что онъ съ нею забываетъ всѣ скорби: и она не хочетъ, боится оставить его — и всегда съ нимъ. Онъ говоритъ, что поцалуи ея вливаютъ ему новую жизнь, сообщаютъ ему невыразимое блаженство—и она цалуетъ его безъ всякаго сочувствія. День ото дня эти поцалуи, дѣлающіеся страстнѣе, эти объятія жарче, пламеннѣе, уже тяготятъ ее. Не постигая, что есть цѣломудріе, она боится уклониться отъ него. Безъ Эмиля она не скучаетъ, не ждетъ его возвращенія, не спѣшитъ встрѣтить его; но лишь онъ остается одинъ, она спѣ-

шитъ къ нему, предохраняя его отъ скуки; расточаетъ ему ласки, чтобы доставить ему—какъ онъ говоритъ—пріятнѣйшія минуты въ жизни. Она не любитъ его тою пламенною, страстною любовію, забывающею все и всѣхъ для любимаго, съ которымъ одна бесѣда, только одно глядѣнье на него, доставляетъ невыразимое блаженство; любовію, содрагающеюся отъ мысли, что кто-либо другой похищаетъ отъ нея ласки его; нѣтъ, она не такъ любитъ его: она обрадовалась бы, если бы онъ полюбилъ другую; поскучала бы, если бы онъ уѣхалъ; не желала и даже поплакала бы, если бы онъ заболѣлъ. И такъ, эта любовь была не больше, какъ любовь сестры къ брату. Въ немъ же она видѣла совсѣмъ другое: при ласкахъ ея глаза его пылали, онъ дрожалъ, судорожно сжималъ ее въ объятіяхъ и удушливо произносилъ: «я не могу жить безъ тебя!» И она, не постигая силы страсти его, дивилась такому иступленію — и только.

«Какой будетъ конецъ нашей любви?» спросила она однажды, утомленная ласками его.

— Нина! мы должны соединиться: иначе я не могу жить!

«Господи сохрани васъ отъ такой мысли! Я вамъ сестра, двоюродная сестра!»

— Ты ангелъ, посланный небомъ для моего блаженства! Безъ тебя жизнь мнѣ—адъ! И потому, двоюродная ли ты мнѣ, родная ли сестра, что бы ни было, но ты должна соединиться со мною, усладить горестную жизнь мою!

«Что за мысль ужасная! Вспомните законъ.»

Тутъ послѣдовала выходка противъ закона, противъ всего священнаго. Все осмѣяно; и законъ, и людскія понятія; все вздоръ, предразсудокъ, суевѣрство, глупость. Настуся плакала, слушая его, и мысленно просила Бога простить его за богохульство, истребить въ немъ такія мысли и показать ему прямой путь.

«Нина! если ты думаешь, что старики твои не согласятся на бракъ нашъ; если ты полагаешь, что, для нашего соединенія, непремѣнно нуженъ принятый вами церемоніалъ: то убѣжимъ отсюда, убѣжимъ на край вселенной! Свѣтъ великъ; въ числѣ людей найдемъ сострадательнаго, духовнаго, который совершитъ обрядъ къ успокоенію твоей совѣсти. Рѣшись. Что ты потеряешь? Ласки этихъ грубыхъ стариковъ, которыхъ ты, сама не знаешь за что, почти боготворишь; но ты найдешь ласки мужа, любовника, который тебя не оставитъ никогда.»

Настуся отвергла всѣ его предложенія, не склонилась ни на какія убѣжденія, не сжалилась на его слезы и испросила у него именемъ любви, чтобы онъ впередъ и не вспоминалъ объ этомъ ужасномъ предпріятіи. Она начала избѣгать особыхъ свиданій съ нимъ.

До открытія Эмилемъ любви, Настуся, безъ всякихъ опасеній, приходила къ нему во флигель, бесѣдовала съ нимъ; и, узнавъ о любви его, также свободно бывала у него, слушала, ласкала его и принимала отъ него ласки: но послѣ предложенія о побѣгѣ она почувствовала въ душѣ своей, что ей уже неприлично посѣщать его, и иначе съ нимъ не видѣлась, какъ въ домѣ. Онъ упрекалъ ее, выговаривалъ, убѣждалъ имѣть къ нему довѣренность и наконецъ успѣлъ опять въ томъ, что она приходила къ нему, взявъ отъ него слово не говорить ей больше о любви.

Въ одно изъ такихъ выпрошенныхъ свиданій, удаливъ возможность уйти ей отъ него, онъ приступилъ опять съ своимъ требованіемъ, чтобы бѣжать; но когда Настуся снова отвергла его предложенія, тутъ Эмиль распространился въ убѣжденіяхъ, и краснорѣчиво силился доказать ей, что бракъ есть ничто, произвольно людьми установленный церемоніалъ, предразсудкомъ подкрѣпляемый, и что въ свободной независимости, только по однимъ чувствамъ, союзъ

крѣпче, нѣжнѣе, продолжительнѣе. На возраженія Настуси онъ отвѣчалъ ласками, становился рѣшительнѣе, дерзостнѣе, расточалъ просьбы, клялся въ вѣчномъ союзѣ, умолялъ о сокрытіи отъ людей и родителей навсегда ихъ тайны — и, видя слезы и непреклонность Настуси, онъ вышелъ изъ себя... дошелъ до послѣдней дерзости... Но Ангелъ-хранитель спасъ Настусю: она опомнилась въ домѣ...

Послѣ этаго Эмиль былъ мраченъ, суровъ даже противъ Настуси, не говорилъ ничего, оставилъ любимую мысль перемѣнить, исправить безпорядки въ свѣтѣ; онъ молчалъ, уединялся, иногда не выходилъ цѣлый день изъ флигеля своего.

Настуся, невинная Настуся, видя его страданія, давно простила его! Она пошла бы утѣшать и ласкать его, зная изъ его словъ, что въ томъ все блаженство его; но воспоминаніе бывшей сцены удерживало ее. Она молча грустила о состояніи брата своего.

Слѣдующее происшествіе заняло почти всѣхъ жителей города. Товарищъ Эмиля, также какой-нибудь Поль или Эрастъ, влюбился въ замужнюю женщину, мать семейства, до него счастливую любовью мужа и ласками дѣтей. Его ученіе подѣйствовало на слабую женщину. Не могши достигнуть счастія *здѣсь*, онъ уговорилъ ее найти счастіе и вознагражденіе

любви своей *тамъ*. Въ условленный день она, нарядясь получше, въ небытность мужа распорядила въ домѣ, устроила малютокъ-дѣтей, и сказавъ, что идетъ въ гости, скрылась. Чрезъ два дня найдены за городомъ два трупа застрѣлившихся. Это были наши любовники. При немъ лежало письмо, объясняющее намѣреніе ихъ найти свое счастіе *тамъ*, что они счастливы, что не должно ихъ оплакивать и проч. глупости. Должно полагать, что они не вмѣстѣ стрѣлялись и что онъ убилъ прежде ее, а потомъ уже застрѣлилъ себя, потому-что она лежала въ изысканномъ положеніи, съ спокойнымъ и улыбающимся лицемъ, подлѣ нея лежалъ пистолетъ. Онъ же, какъ видно, что не вдругъ застрѣлилъ себя, то и страдалъ долго, что замѣтно было по искаженному лицу его, судорожно сведеннымъ ногамъ и рукамъ, пистолетъ оставался въ окостенѣвшей рукѣ его, и онъ отползъ на довольное растояніе отъ несчастной подруги своей.

Когда пересказали это происшествіе въ бесѣдѣ у Пантелея Степановича и съ какимъ поруганіемъ предали ихъ землѣ, какъ обыкновенно самоубійцъ, то Эмиль, воспламенясь какимъ-то жаромъ и вскочивъ, вскричалъ: «О люди, люди! вы не были достойны имѣть ихъ между собою! Если бы я былъ богатъ и властителенъ, я изумилъ бы свѣтъ пышностью ихъ погребенія и великолѣпіемъ памятника, коего они такъ достойны!.. Но памятникъ имъ въ сердцахъ друзей и понимающихъ ихъ. Да, они одни велики.

Прочіе, слѣдующіе за ними, только подражатели ихъ!

Послѣ этаго Эмиль сдѣлался еще мрачнѣе, смотрѣлъ на все дико, и уже рѣшительно удалялся отъ людей. У себя во флигелѣ, откуда почти рѣдко выходилъ, онъ читалъ, писалъ немного, большею частью лежалъ въ постелѣ, погрузясь въ размышленія. Хозяева не знали, что дѣлать съ нимъ.

Настуся, забывъ все, навѣстила его, какъ больнаго брата. Послѣ обыкновенныхъ распросовъ, глаза его воспламенились, краска показалась въ щекахъ и онъ спросилъ ее: «Нина! любишь ли ты меня?»

— Къ чему опять этотъ вопросъ? Ты знаешь, что я люблю тебя.

«Мы не можемъ быть счастливы въ этомъ гнусномъ мірѣ. Зачѣмъ же намъ влачить эту мучительную жизнь? Оставимъ ее!»

— Что ты это говоришь, Эмиль? одумайся!» вскричала она съ ужасомъ, сцѣпивъ руки и отступя отъ него.

«Нина! Я все обдумалъ. Намъ должно умереть. Если ты вѣруешь въ безсмертіе, ты должна первая рѣшиться на мое предложеніе; и если вѣрованіе твое

справедливо, мы много выиграемъ; если же и ошибаешься, мы ничего не теряемъ. Нина, другъ мой! умремъ, но вмѣстѣ. Неужели тебѣ не завидна участь этихъ счастливцевъ, съ такимъ величіемъ духа оставившихъ этотъ ничтожный свѣтъ съ его мнѣніями?..

Много подобныхъ глупостей говорилъ онъ и все доказывалъ бѣдной Настусѣ, что она непремѣнно должна умереть вмѣстѣ съ нимъ. Она плакала, уговаривала его, заклинала оставить эту адскую мысль, грозила объявить о томъ отцу и уже собиралась уйти отъ него, какъ онъ, удержавъ ее, началъ ходить по комнатѣ, размышлялъ, потомъ сказалъ ей спокойнымъ голосомъ: «Я еще не рѣшился, Нина! Поскромничай и не говори никому. Завтра, въ двенадцать часовъ, приди ко мнѣ и ты услышишь мое рѣшеніе. Впрочемъ размысли, обожаемая Нина! Какое блаженство въ одинъ мигъ угаснуть намъ вмѣстѣ какъ двѣ свѣчи, исчезнуть, не быть; всѣ эти горести, всѣ страданія уничтожены, мы ничто. Но если твое вѣрованіе справедливо и если есть другая жизнь, тамъ конечно лучше этой несносной, мелочной, грязной... и мы вмѣстѣ явимся въ эту новую прекрасную жизнь, явимся, посмѣваясь надъ всѣми скорбями, угнетавшими насъ. Размысли, Ниночка! и принеси завтра рѣшеніе; я тебѣ скажу свое.»

Настуся трепеща поспѣшила оставить его. Она боялась самой себя, боялась открыть отцу о исступленіи

Эмиля—и не сказала. Сама же неусыпно наблюдала за каждымъ его движеніемъ. Видѣла, какъ онъ, скоро послѣ свиданія съ нею, вышелъ со двора... Она была въ большомъ безпокойствѣ, пока онъ не возвратился уже вечеромъ. Онъ съ спокойнымъ духомъ чѣмъ-то занимался, послѣ того писалъ и запечатывалъ нѣсколько свертковъ; поздо ночью погасилъ свѣчу.

Тогда только Настуся перестала наблюдать за нимъ, глядя изъ своего окна во флигель къ нему. Она немного успокоилась, молилась за него и уснула.

Утромъ онъ не приходилъ къ роднымъ, и видно было, что ходилъ по комнатѣ съ спокойнымъ лицемъ. Настуся занималась чѣмъ-то у матери по хозяйству, но услыша, что кукушка прокуковала двенадцать, поспѣшила къ Эмилю во флигель, оставя свое занятіе.

Онъ былъ покоенъ, встрѣтилъ ее съ улыбкою и спросилъ: «надумалась ли, Ниночка? Не умирать ли пришла вмѣстѣ со мною?»

Нина начала-было свои увѣщанія, придуманныя ею къ убѣжденію его, чтобы оставилъ такое ужасное намѣреніе, и какъ дома работала, а потомъ спѣшила къ нему, то и говорила запыхаясь.

«Полно, Ниночка! сказалъ онъ. Я это все шутилъ. Ты устала, жарко; не хочешь ли прохладиться? Вотъ у меня лимонадъ. Выкушай.»

— Ахъ, какой ты добрый, Эмиль!—сказала она съ радостью. — Дай же прежде напиться; въ горлѣ очень засохло. Напьюсь, и тогда накажу тебя поцалуемъ, что ты такъ меня напугалъ.

Эмиль открылъ полотенце, подъ которымъ стояли два стакана съ питьемъ; подалъ одинъ Настусѣ, другой самъ взялъ, чокнулся и сказавъ: «до свиданія» выпилъ его разомъ...

Первые глотки, при жаждѣ, Настуся проглотила безъ вниманія и не почувствовала отвратительнаго вкуса; но далѣе не такъ поспѣшно пила, разбирая, лимонадъ ли это. Эмиль выпилъ свой стаканъ, и полагая, что и Настуся уже кончила, вскричалъ дикомъ голосомъ:

«Побѣда!.. мы приняли ядъ... и умремъ вмѣстѣ!..»

Страшно закричала Настуся, бросила недопитый стаканъ, внѣ себя выбѣжала изъ комнаты Эмиля и продолжала кричать: «спасите!.. я выпила ядъ... спасите меня!..»

Отецъ и мать ея, услышавъ крикъ, выбѣжали и увидѣли Настусю блѣдную, трепещущую, въ ужасѣ бросившуюся къ нимъ и продолжающую кричать: «я погибла!.. я выпила ядъ!.. Маточка родненькая... таточка!.. спасите бѣдную дочь вашу!..»

Если бы одни родители Настуси слышали ея вопли и стонъ, то конечно она и умерла бы на рукахъ у нихъ, а они все не придумали бы, что должно дѣлать: мать держала ее обнявши, и обливая горькими слезами, приговаривала: «что намъ дѣлать съ тобою, бѣдное дитя наше? ты погибаешь?.. что намъ дѣлать?» А отецъ, ходя около нихъ, ломаетъ руки и въ безпамятствѣ ничего не говоритъ болѣе, какъ только: «Настуся... Настуся... дитя мое... дочка милая!..»

Но кромѣ ихъ, совершенно потерявшихся, къ счастію ихъ и Настуси, кухарка, услышавъ шумъ, выбѣжала, и поняла, что случилось. Немедленно послала она въ Часть объявить и требовать пособія; сама же, сколько понимала, начала помогать страдалицѣ. Хотя Настуся выпила только половину стакана, но извѣстность, что она приняла ядъ, ускорила дѣйствіе его. Медикъ, въ-пору явившійся, употребилъ всѣ средства, не имѣя дальней увѣренности, чтобы возможно было спасти ее. Надобно было помогать и Эмилю (пусть уже остается Эмилемъ, когда самъ того хотѣлъ), въ которомъ ядъ началъ дѣйствовать со всею

силою — и онъ страдалъ жестоко! Медикъ бросился къ нему, но взглянувъ, сказалъ, что съ нимъ не остается ничего дѣлать. Однако жъ онъ предписалъ цырюльнику оказывать ему кое-какое пособіе, а самъ пошелъ къ Настусѣ. Средства его, при небольшомъ количествѣ яда, принятаго несчастною, наконецъ оказали благодѣтельное свое пособіе: больная начала страдать меньще, и медикъ, предписавъ продолжать начатое имъ, пошелъ съ полицейскимъ офицеромъ къ страдающему Эмилю для собранія необходимыхъ свѣдѣній.

«Ну, братъ! сказалъ медикъ больному: приготовляйся въ путь, самимъ тобою избранный. Ты черезъ-край хлебнулъ запрещеннаго и такъ сильнаго, что тебя на семъ свѣтѣ удержать никто не можетъ. Такъ ужъ отложи все въ сторону, а раскажика намъ, какъ это случилось? Не имѣешь ли на кого подозрѣнія?»

— Прежде всего скажите мнѣ, кончились ли страданія Ниночкины?» со стономъ спросилъ больной.

«Она уже безопасна, сказалъ медикъ, полагая его тѣмъ успокоить. Она останется жива, перенесетъ.»

— О горе мнѣ! —завопилъ страждущій и сильнѣе метался во всѣ стороны. — Я не достигъ своей

цѣли! Я желалъ насладиться блаженствомъ умереть вмѣстѣ съ нею..!

« Какъ это случилось и для чего?» спрашивалъ полицейскій офицеръ, поспѣшая записывать всѣ слова больнаго.

Сильныя страданія препятствовали Эмилю говорить; судороги во всемъ тѣлѣ связывали даже языкъ его; но онъ, съ большимъ усиліемъ, произносилъ отрывисто: — Я любилъ Нину съ нѣжною... почтительною любовію... неистовое пламя горѣло во мнѣ... обольщеніе и насиліе мнѣ не удалось... Мысль, чтобы она не досталась другому... внушила мнѣ средство... уморить ее и себя... Къ чему мнѣ эта... глупая жизнь?.. скорѣе угаснуть!.. Никто не участвовалъ... Я самъ составилъ... она не знала... О, зачѣмъ и она не...

«Эка, молодецъ! сказалъ медикъ; обратись къ религіи, еще успѣешь. Отраднѣе вступишь въ вѣчность.»

— Отрада... вѣчность... жалкіе предразсудки!.. промычалъ больной, и вдругъ лице его подернулось блѣдностію, выступилъ предсмертный потъ, и онъ почти вскричалъ ужаснымъ голосомъ:—Но... страшно... страшно! Потомъ дикій его взоръ остановился на одномъ мѣстѣ; онъ сильно встрепенулся весь и чуть

не сбросился съ постели; судороги свели ему руки и ноги ужасно! Онъ силился говорить, кричать, и только издавалъ глухой стонъ. Наконецъ, скрежеща зубами, произнесъ: — Я и вамъ не вѣрилъ... куда? — Потомъ точно-какъ заревѣлъ: — О горе! — И съ страшнымъ стономъ, ужаснымъ крикомъ испустилъ духъ....

Медикъ, внимательно наблюдавшій все, увидя, что онъ умеръ, сказалъ: «дураку туда и дорога! Подлинно смерть грѣшника люта! Жаль, что онъ умиралъ не въ обществѣ своихъ товарищей; пусть бы другіе увидѣли, къ чему приводятъ насъ *ложныя понятія*!...»

Страшно было смотрѣть на искаженное смертными мученіями лице Эмиля! Волосы на головѣ его стояли дыбомъ; глаза выкатившіеся всѣ наружу; искривленный, разинутый ротъ, полный запекшейся пѣны; почернѣвшій языкъ; руки и ноги сведенныя судорогами до того, что никакъ не могли исправить ихъ. Весь трупъ представлялъ нѣчто страшное, скаредное, отвратительно-ужасное! Полиція запретила отдавать ему, какъ самоубійцѣ и отвергнувшему утѣшенія религіи, приличное погребеніе. Съ поруганіемъ вывезенъ былъ трупъ его и зарытъ въ дикомъ мѣстѣ.

Стеченіе народа во дворѣ Пантелея, сумятица отъ распоряженій полиціи, не могли укрыться отъ Настуси. Страданія ея прекратились; ядъ былъ совершенно истребленъ; но отъ всего претерпѣннаго ею она была въ сильномъ расслабленіи. Медикъ нашелъ не опаснымъ открыть ей о смерти Эмиля. Она желала проститься съ нимъ; но ее отклонили. Когда же вывозили трупъ его, и она услышала шумъ, тутъ настоятельно просила хотя къ окошку подвести ее. Не ожидая никакихъ послѣдствій, согласились на ея желаніе....

Трупъ лежалъ на телегѣ покрытый. Она смотрѣла равнодушно, обратилась къ образу, молилась о чемъ-то и потомъ съ большимъ умиленіемъ произнесла: «Владычица! помоги!.. Намѣреніе мое неизмѣнно.» Надобно было случиться, что въ самое это время вѣтромъ сорвало покрышу съ трупа — и Настуся увидѣла его ужасающее безобразіе... Она вскричала, начала метаться, боялась всего окружающаго ее, старалась прятаться, говорила что-то невнятно, и лишь положили ее въ постель, какъ у нея открылась горячка съ сильнымъ бредомъ... Ей казался Эмиль въ своемъ страшно-безобразномъ видѣ, подающій ей ядъ, влекущій ее за собою, клянущій ее, зачѣмъ она осталась... Такъ она страдала девять дней.

Молодость и лекарское стараніе скоро истребили въ ней болѣзнь. Но прежняя свѣжесть лица, жи-

вость глазъ, ея веселость, игривость исчезли невозвратно. Главнѣйшимъ ея занятіемъ была уединенная, продолжительная молитва. Она сдѣлалась молчалива, уныла; не выходила никуда изъ дому, не смотря на убѣжденія родителей; съ подругами разорвала всѣ связи, и цѣлый день просиживала одна, задумчива, а часто видали ее плачущую.

«Настуся, милая дочь моя! говорила мать, приголубливая ее: неужели ты убиваешься объ этомъ злодѣѣ, который лишилъ-было тебя жизни? Неужели ты жалѣешь о томъ, кто нанесъ тебѣ безславіе на цѣлый вѣкъ?»

— Маточка моя! Я жалѣю о немъ какъ о погубившемъ себя навѣки своими мыслями и дѣлами. Никогда не потужу о немъ, не потому, что онъ погубилъ-было мою душу, но потому-что, имѣвши умъ, не хотѣлъ знать Бога и его милосердія.

«Отъ чего же ты всегда такая унылая, не веселая, какъ будто потеряла свое счастье?»

— И точно, счастіе мое на вѣкъ потеряно! Могу ли быть веселою или хотя покойною, знавши, что чрезъ меня погибъ братъ мой вѣчно? Хотя и противъ воли, но я была причиною его несчастія. Тяжкій грѣхъ его падаетъ и на мою душу. Маточ-

ка моя родненькая! Дайте мнѣ способъ облегчить мою душу. Дозвольте мнѣ прожить въ монастырѣ, принести покаяніе. Мнѣ легче будетъ. Я возвращусь къ вамъ, можетъ быть, гораздо веселѣе.

Мать не рѣшила просьбы дочери безъ воли отца. Пантелея Степановича дѣла день ото дня все шли хуже и хуже. Какъ онъ, для поддержанія мнѣнія о достаткѣ своемъ, всегда жилъ безрасчетно, и все издерживался на угощеніе именитыхъ особъ (такъ онъ называлъ стряпчаго, квартальнаго и д. п.), а при томъ потерялъ много отъ неудачной торговли, то уже не имѣлъ ничего и долженъ былъ занимать. Дворъ былъ заложенъ, деньги пропиты на чаю и кофе, проѣдены на яблочныхъ пирогахъ, изношены на шитыхъ битью платкахъ Кулины Петровны и «мантонѣ» Настусиномъ. Заплатить было нечѣмъ; онъ близокъ былъ лишиться двора; а чтобы купить лачужку и кое-какъ доживать вѣку, должно было продать свои и Кулины Петровны лучшія платья и вздѣть прежнія, мужицкія, свиты мужицкія! Каково это переносить Пантелею Степановичу Стовбыревскому!

У него оставалась одна надежда на миловидность дочери. «Пассажъ» ея — какъ онъ называлъ — съ Омилемъ конечно разсѣялъ про нее нѣсколько невыгодныхъ слуховъ, но они со-временемъ пройдутъ и все-таки можетъ сыскаться женихъ по его желанію. «На ея замужство вся моя надежда, говорилъ онъ,

лишь бы стихли людскіе пересуды объ этомъ «пассажѣ», а далѣе пойдетъ все хорошо. Тогда, при помощи богатаго зятя, я могъ бы еще исправиться и получить желаемое. Но пока это будетъ, а я теперь же долженъ лишиться почитай всего имущества! Не долженъ тронуть ничего Настусинаго; мы хотя будемъ и бѣдно одѣты, но она пусть закрашиваетъ все и бросается въ глаза женихамъ. Какъ бы только скрыть отъ нея наше положеніе; а то она ничего не пожалѣетъ, чтобы насъ успокоить.»

И какъ кстати, къ такому его размышленію, Кулина Петровна передала ему на разрѣшеніе желаніе дочери — пожить въ монастырѣ нѣсколько времени!

«Отпустимъ ее, Петровна! говорилъ Пантелей— и пусть она возметъ съ собою все свое имущество, чтобы оно не подпало описи съ прочими вещами за наши долги.»

Все шло по общему желанію. Настуся желала взять все свое съ собою, но не смѣла просить, а они сами предложили ей это, чтобы не подпало описи и продажѣ. Ее снарядили скоро и проводили въ монастырь, испрашивая у игуменьи позволенія прожить дочери подъ ея начальствомъ, сколько она пожелаетъ.

Проводивъ дочь въ монастырь, Пантелей Степановичь принялся устроивать свои дѣла. Домъ по закладной отдалъ, вещи представилъ къ описи, ихъ продали —и едва-едва достало на уплату всѣхъ долговъ; а чтобы купить для себя избушку и доживать въ ней вѣка, объ этомъ и думать не можно было. Они нашли пристанище въ подгородной слободѣ у однаго обывателя, съ которымъ прежде Пантелей Степановичь и говорить не хотѣлъ и не иначе величалъ его какъ «мужикъ.» Тутъ поселился Пантелей съ женою, и они оба, за квартиру и харчь, должны были работать какъ и простые наемщики, не слышатъ величанья себѣ по отчеству, но принимать приказанія и упреки: «Сходи», панько, туда и тула! Зачѣмъ ты, Талемонъ, не сдѣлалъ того? Зачѣмъ ты, Кулина, не хочешь доить коровъ? Эка дармоѣдка.» Каково было имъ все это слышать? имъ, которыхъ стряпчій, квартальный и другія именитыя особы, въ-глаза называли любезными пріятелями и честью увѣряли, что все готовы для нихъ сдѣлать и всѣмъ пожертвовать какъ для друзей своихъ; а теперь эти друзья именитыхъ особъ въ такомъ униженіи и на черной работѣ!

Правда, что эти искренніе друзья Пантелея, когда узнали о худомъ положеніи дѣлъ его, перестали вовсе бывать у него и при встрѣчѣ на улицѣ отворачивались какъ отъ незнакомыхъ, но Пантелей никогда не переставалъ хвалиться, что онъ былъ съ

нимп пріятель и имѣлъ счастіе угощать ихъ у себя частенько. Надобно же отдать справедливость прежнимъ сотоварищамъ Пантелея по мужицкому званію: они уже не насмѣхались надъ нимъ, будто не видали его униженія и жалѣли, что «ему такъ непосчастливилось.»

Наконецъ для Пантелея проглянулъ лучь надежды къ улучшенію его положенія. Теперешняго его хозяина сынъ видалъ Настусю, когда она сіяла въ блескѣ богатства и знатности. Тогда онъ только могъ смотрѣть на нее издали, подумать же о сближеніи съ нею, это была бы дерзкая мысль. Теперь же, когда перемѣнились обстоятельства и Настуся стала ниже его, тутъ онъ, по прежней памяти, рѣшился облагодѣтельствовать бѣдную дѣвушку и за ея красивость даже взять за-себя. Онъ открылся о своемъ желаніи отцу Настуси и просилъ ее привезти изъ монастыря съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье сыграть свадьбу. Ему же, какъ тестю богатаго мужика, обѣщаны выгоды, значительныя по тогдашнему его положенію.

Ты ли это, Пантелей Степановичь Стовбыревскій, чванившійся и величавшійся своимъ родомъ и достаткомъ, предполагавшій, кромѣ уже прочаго, выдать свою Настусю, барышню, не иначе, какъ за помѣщика, у котораго были бы свои слободы, теперь, выслушавъ отъ простаго мужика предложеніе «составить

счастье бѣдной Насти, взять ее за-себя и облагодѣтельствовать ее и родителей на-вѣкъ», ты ли поклонился ему почти до земли, благодаря за его милости и вниманіе и собираясь тотчасъ же ѣхать въ монастырь и привезти дочь свою, чтобы не упустить своего и ея счастья? Вспомни висѣвшую у тебя въ гостиненькой картину, на которой безпорядочно сложенныя буквы составляли: «такъ на свѣтѣ все превратно!» вспомни и другую, на коей изображенъ Наполеонъ, падающій съ колеса фортуны! И ты теперь также упалъ! Ты достойно наказанъ за *ложное понятіе*, въ чемъ заключается счастіе! Спѣши въ монастырь: не успокоитъ ли тебя дочь твоя?

Игуменья приняла Пантелея (не будемъ уже величать его по отчеству, чтобы не казалось насмѣшкою надъ его униженіемъ) ласково. Хвалила скромность и послушаніе Анастасіи; говорила, что она у нихъ такъ тиха и незлобна, какъ трехлѣтнее дитя; любима всѣми сестрами...

Пантелей, чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли, благодарилъ игуменью за милости и вниманіе къ дочери и въ заключеніе просилъ отпустить ее съ нимъ по случаю предстоящей ей судьбы.

«Не знаю, согласится ли Анастасія выттн изъ обители нашей» сказала игуменья. Я должна вамъ,

родителямъ, объявить, что она желаетъ на-всегда посвятить жизнь свою Богу, вступивъ въ монашество.

Такое извѣстіе поразило Пантелея. Всѣ надежды его на улучшеніе участи совершенно уничтожатся. Выдавъ Настусю за хозяйскаго сына, еще онъ могъ ожидать и почтенія и уваженія; избавился бы отъ несноснаго для его слуха имени «панька» и подъчасъ могъ бы слышать прельщающее его «Степановичь», а можетъ быть, по времени, уговорилъ бы зятя вписаться въ мѣщане. Теперь же, видя все это разрушающимся, онъ убѣдительно просилъ игуменью отклонить дочь его отъ такаго намѣренія.

«Обязанность званія моего и любовь къ Анастасіи — говорила игуменья — требуютъ отъ меня, чтобы я всѣми мѣрами отклоняла ее отъ такаго намѣренія. Но, сынъ мой, разсуди здраво. Она невольнымъ образомъ впала въ тяжкое преступленіе, была орудіемъ погибели души ближняго. Ея разумъ и совѣсть представляютъ ей это преступленіе ежечасно. Она уже никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ быть покойна. Никакія утѣшенія религіи не успокоиваютъ ее, тѣмъ болѣе, что она, при прахѣ злополучнаго, дала клятву Богу и Матери Его оставить міръ, и въ уединеніи, въ удаленіи отъ всего свѣтскаго, оплакивать свою слабость. Впрочемъ, не смотря на всю видимую мною твердость ея, рѣшимость и упованіе на подкрѣпленіе отъ Бога, она молода, имѣетъ

нѣжное сердце, жалѣетъ о васъ, родителяхъ своихъ. Богъ не требуетъ, а мы не можемъ принять принужденной жертвы, и потому должно употребить всѣ просьбы, убѣжденія, чтобы отклонить ее отъ намѣренія ея. Начнемъ, призвавъ помощь Божію, сей же часъ.»

Настуся была призвана къ игуменьѣ. Обрадовалась свиданію съ отцемъ; съ участіемъ, но безъ скорби, выслушала перемѣну въ положеніи родителей — и не захотѣла слушать о предлагаемомъ ей бракѣ или о возвращеніи въ свѣтъ. «Судьба моя рѣшена! говорила она съ твердостью: и чрезъ самую долголѣтнюю жизнь, ежечасно молясь и каясь, я не могу стереть крови брата, падшей на душу мою. Никакая любовь, никакой блескъ, пышность, богатство, спокойство, ничто не усладитъ горести моей. Гдѣ бы я ни была, я вѣчная страдалица. Въ одномъ Богѣ, предъ Которымъ, по данной мною клятвѣ, всегда буду молиться и проливать слезы, мое утѣшеніе, моя отрада. Таточка! не заграждайте мнѣ пути къ вѣчному блаженству, которое могу обрѣсти покаяніемъ. Мать моя! веди меня къ нему!» и при сихъ словахъ поклонилась отцу и игуменьѣ, по правиламъ монастырскимъ, до земли.

Ни просьбы отца, усиливаемыя горькими слезами; ни убѣжденія игуменьи, объяснявшей при томъ неимовѣрную трудность, въ ея лѣта, провести жизнь

въ монашествѣ, ничто не поколебало твердости Настусиной. Она выслушивала все, плакала съ отцемъ и продолжала говорить: «На мнѣ страшной грѣхъ! Я была поводомъ самоубійства ближняго. Дозвольте мнѣ облегчать его!»

На перемѣну состоянія отцовскаго она говорила: «Вы, таточка, имѣли ложное понятіе о счастіи, которое-было Богъ вамъ послалъ. Вы искали его въ роскоши, наслажденіи, суетномъ употребленіи благъ, данныхъ вамъ. Слѣдовало ихъ точно раздѣлить съ ближними, но съ какими? съ неимущими, съ безкровными. Вы въ этомъ презрѣли заповѣдь Божію; богатство у васъ отнято; гнѣвъ Божій лежитъ на васъ и за легкомысліе дочери вашей. Не раздражайте Его болѣе, не сѣтуйте, несите крестъ свой терпѣливо, равнодушно сносите бѣдность и униженіе, наконецъ пожертвуйте Ему самою большою драгоцѣнностію, единственною дочерью своею, принесите ее въ жертву Ему — и милость Божія осѣнитъ васъ, вы предвкусите спокойную радость еще въ жизни здѣшней.»

Много было испытаній Настусѣ къ отклоненію отъ намѣренія ея. Почти ежедневно отецъ или мать являлися къ Настусѣ съ новыми просьбами, съ новыми убѣжденіями — и всегда съ тѣми же слезами. Женихъ присылалъ ей значительные подарки, обѣщанія устроить, обогатить отца ея. «Но купимъ ли мы на все это вѣчное блаженство, котораго ли-

шить такъ видимо насъ Богъ грозитъ, показавъ надъ нами гнѣвъ свой?» такъ всегда возражала она.

Игуменья сама и чрезъ другихъ монахинь дѣлала все, что могла и должна была дѣлать, для испытанія твердости Настуси въ намѣреніи. Неоднократно, послѣ многихъ увѣщаній, испытаній въ кротости, смиреніи и послушаніи, игуменья объявляла—на завтрашній день постричь Настусю. Она принимала это назначеніе съ радостью, съ умиленіемъ, съ надеждою получить облегченіе горести своей; но когда, по приготовленіи всего къ совершенію обряда, объявляемо было, что постриженіе откладывается, тутъ Настуся плакала, сѣтовала — и скорбь ея возобновлялась съ прежнею силою.

Наконецъ, когда все предписанное правилами время послушанія протекло, твердость ея не поколебалась, просьбы и слезы родителей не подѣйствовала на нее, тогда уже назначенъ рѣшительный день къ постриженію.

Весь городъ, узнавъ о имѣющемъ быть постриженіи Настуси, столь извѣстной всѣмъ по происшествію съ Эмилемъ, подвинулся —и множество народа наполнило монастырь, чтобы видѣть если не самое постриженіе въ церкви, то хотя торжественный ходъ молодой дѣвицы, побѣждающей всѣ слабости міра. Утромъ прибылъ архимандритъ, назначенный началь-

ствомъ принять обѣты посвящающей себя Богу и ввести ее въ ограду избранныхъ. Торжественный звонъ колокола возвѣстилъ о началѣ празднества церкви, пріемлющей въ объятія свои возвратившуюся заблудшую овцу. Отецъ и мать Настусины, послѣдніе дни бывшіе неисходно въ монастырѣ и умолявшіе дочь отложить намѣреніе, въ это утро, по постановленію, не могли видѣть дочери, приносившей предъ духовникомъ исповѣданіе во всѣхъ своихъ грѣхахъ, тяготящихъ совѣсть ея. Исповѣданіе это, какъ бы предсмертное, требовало объясненія всѣхъ поступковъ жизни, и потому необходимо было время для приведенія всего на память. Потомъ приготовляющаяся должна была пребыть въ молитвѣ для испрошенія помощи свыше въ прехожденіи труднаго пути.

Игуменья пригласила къ себѣ отца и мать постригающейся и съ ними проводила время въ назидательной бесѣдѣ, убѣждала ихъ не скорбѣть, но съ чистымъ сердцемъ принести Богу въ жертву кровь свою, избранную Имъ въ служеніе Себѣ. Нерѣдко среди бесѣды, при удобномъ случаѣ, она съ ними падала предъ образомъ и молила, если жертва ея пріятна благости Господней, принять ее, утвердить въ прехожденіи пути сего, укрѣпить слабую и отвратить всѣ искушенія и соблазны, родителямъ же ниспослать спокойство, отраду и надежду, что жертва, ими приносимая, будетъ благоволительно принята,

и они получатъ награду въ сей и въ будущей жизни.

Время — начать дѣйствіе — прервало ихъ бесѣду.

Игуменья провела родителей въ другую церковь, гдѣ не было никакаго служенія и гдѣ одна постригающаяся бесѣдовала съ Богомъ. Отецъ и мать увидѣли дочь свою въ отличномъ отъ прежняго видѣ. Безъ всякихъ украшеній свѣтскихъ, вчера еще по распоряженію игуменьи на ней бывшихъ, она была въ одной власяницѣ; свѣтлые и какъ шелкъ гладкіе волосы ея, распущены были по ея плечамъ. Она, предъ образомъ Богоматери, стояла на колѣняхъ, руки крестообразно сложивъ на груди. Глаза — глаза, исполненные божественнаго огня, радостнаго ожиданія, упованія, вѣры — обращены были къ лику «Радости всѣхъ скорбящихъ» отъ душевнаго волненія, ожиданія. Румянецъ игралъ на бѣлыхъ щекахъ ея. Невыразимо была она прелестна... но все вмѣстѣ въ ней показывало уже не земное, но предуготованное для жизни съ небожителями...

На шумъ въ церкви при входѣ родителей ея и игуменьи она обратилась и съ улыбкою сказала къ родителямъ: «еще мы видимся!»

Игуменья сказала ей, что какъ она уже все исполнила предписанное правилами въ отношеніи при-

готовленія души своей, то эти послѣднія минуты пребыванія ея въ мірѣ она можетъ употребить на принесеніе послѣдняго долга родителямъ — благодарности за всю любовь къ ней... «Но если ты въ эти минуты почувствуешь какое потрясеніе въ душѣ, хотя легкое колебаніе въ исполненіи намѣренія, не скрой его, объяви: мы отложимъ дѣйствіе подъ благовидною причиною и послѣ разберемъ состояніе души твоей.» Такъ сказала игуменья и, сотворивъ молитву у св. вратъ, обратилась къ приготовленной и сказала: «Я иду, дочь моя, во храмъ къ началу служенія и приду вскорѣ за тобою, чтобы тамъ принять тебя въ число сестеръ моихъ.» Родителямъ же сказала: «Эти минуты сама церковь предоставляетъ вамъ. Имѣете полное право дѣйствовать по чувствамъ вашимъ, не боясь преступленій. Богъ не требуетъ принужденной жертвы.»

По уходѣ игуменьи родители дѣйствительно, какъ прежде наставила ихъ игуменья, приступили къ дочери съ самыми сильными убѣжденіями. Тутъ было употреблено все: просьбы, слезы, ласки, увѣщанія, представленіе ихъ старости и безпомощнаго состоянія. Обѣщевали ей не упоминать болѣе ни о какомъ замужствѣ, предоставляли жить по волѣ, но только съ ними; по смерти же ихъ она могла исполнить свой обѣтъ. Все осталось тщетно. Приступающая къ постриженію говорила мало, возражала въ

короткихъ словахъ, на кои родители ея не имѣли что отвѣчать и снова прибѣгали къ слезамъ.

Унылый звонъ колоколовъ возвѣстилъ начало печальнаго, умилительнаго шествія. Услышавъ его, приготовленная отошла съ родителями въ сторону и не усиливалася исторгнуться изъ объятій ихъ, въ которыхъ они держали ее, омывая горькими слезами, какъ предъ вѣчною разлукою.

Игуменья вступила въ церковь, предшествуемая двадцатью духовными своими сестрами; всѣ были въ черныхъ мантіяхъ, неся въ рукахъ большія зазженныя свѣчи. Всѣ хранили глубокое молчаніе.

По принесеніи тайной молитвы, игуменья подошла къ приготовленной, по положенію еще сдѣлала къ ней увѣщаніе и предоставляла ей на волю постриженіе отложить, не обинуясь и не боясь нареканія свѣта и преслѣдованія церкви. Съ тою же твердостью и благоговѣніемъ отвѣчала она.

Тогда игуменья сказала: «И такъ, дочь моя, ты принесла сего утра покаяніе и исповѣданіе во всѣхъ своихъ малѣйшихъ грѣхахъ. Душа твоя нынѣ чиста, ясна и непорочна. Таковую я принимаю тебя изъ міра, изъ объятій даровавшихъ тебѣ жизнь. Ты оставляешь ихъ навсегда, и церковь вручаетъ нынѣ тебя

моей любви и попеченію. Я воспріемная мать твоя. Подъ симъ священнымъ покровомъ (указавъ на мантію свою) я веду тебя къ престолу Божію, гдѣ ты отъ служителя Его примешь одѣяніе, имѣющее неумолкно вѣщать тебѣ, что ты разлучена на-вѣкъ съ міромъ. Соблюди обѣтъ свято и не лиши меня небесной радости при всеобщемъ воздаяніи, явися туда такою же чистою и непорочною, какъ я въ сію минуту принимаю тебя. А вы, родители, введите ее сами подъ мантію мою въ доказательство согласія вашего на принесеніе ея въ жертву Богу.»

Тутъ насталъ жестокій часъ испытанія для родителей! Отречься отъ дочери, лишиться ее на-всегда, разорвать всѣ связи съ нею!.. Они еще крѣпче обняли ее, какъ бы не желая вовсе отпустить ее, никогда не разлучиться съ нею, судорожно сжимали ее въ объятіяхъ, обливали ее слезами, не могли говорить отъ горести... Игуменья и сестры плакали!...

Наконецъ отецъ, побѣдивъ чувства свои, преодолѣвъ скорбь свою, устремивъ глаза на небо, оторвалъ ее отъ матери, съ страшнымъ усиліемъ подвелъ подъ мантію игуменьи, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, павъ на колѣна, воскликнулъ: Господи! твоя отъ твоихъ!... пріими нашу жертву!

Унылый, согласный, трогательный, раздирающій душу хоръ воспѣлъ стихъ изъ обращенія блуднаго

сына, повергающаго себя въ объятія отца милосердаго, чадолюбиваго!... И ходъ начался.

Предшествовали хоругви, знаменія побѣды благодати надъ страстями міра. За ними — примиритель Бога съ человѣкомъ—животворящій крестъ съ изображеніемъ поруганнаго и уязвленнаго за грѣхи наши; далѣе лики святыхъ, въ сію торжественную минуту — по слову Господа—радующихся на небеси о грѣшникѣ кающемся на земли; потомъ умиленно слѣдующія инокини, готовящіяся принять отъ престола Божія новую сестру, сослужебницу въ великомъ дѣлѣ, терпѣливую сотрудницу въ пренесеніи всѣхъ могущихъ послѣдовать искушеній и напастей. Возженныя свѣчи въ рукахъ ихъ знаменовали ихъ внутренній пламень благочестія и упованія на воздаяніе. За ними шла съ торжествующимъ взоромъ игуменья, укрывшая подъ мантіею своею агнца, исхищеннаго ею изъ челюстей сатаны и міра. Самая жертва какъ-будто была осѣнена какимъ-то свѣтомъ... Голубые глаза ея уже не обращались ни на какой предметъ; они устремлены были къ небу, радости и надежды исполненные. Она шла бодрственно, какъ будто попирая стопами всѣ ничтожныя для нея прелести міра; съ каждымъ шагомъ, удаляющимъ ее отъ него и приближающимъ къ желаемой цѣли, лице ея болѣе и болѣе оживлялось радостью. Ее не поражали звуки колоколовъ, издаваемые какъ при погребеніи: она слышала въ нихъ торжество свое, что умираетъ для свѣта и оживаетъ для Господа! Она

не видитъ слезъ, проливаемыхъ всѣмъ народомъ, съ умиленіемъ смотрящимъ на это торжественное шествіе и оплакивающимъ видимую красоту жертвы, готовой сокрыть себя навсегда въ мрачныхъ стѣнахъ монастыря; она не видитъ сего: она созерцаетъ мысленно святыхъ Ангеловъ, готовыхъ поддерживать ее во всякомъ подвигѣ. Къ ней не доходятъ вопли и стоны родителей ея, еще при жизни ея уже осиротѣвшихъ... Она идетъ твердо и бодрственно.

Бывъ приведена во храмъ, она пала предъ св. вратами въ прахъ, распростерши руки крестообразно, готовая не только презрѣть міръ со всѣми сладостями его, но и душу свою положить за Искупителя, принимающаго ее въ число избранныхъ...

Началось дѣйствіе.

Благочестивый служитель Божій, маститый старецъ, повѣдалъ ей торжественнымъ голосомъ, что Ангелы Божіи и всѣ святые невидимо присутствуютъ здѣсь, пріимутъ клятвы ея въ отреченіи отъ міра, вознесутъ ихъ къ престолу Божію и — если она малѣйшаго изъ нихъ не исполнитъ—они будутъ свидѣтельствовать на нее при второмъ и страшномъ пришествіи. И потому, если она не надѣется на силы свои, можетъ возвратиться въ міръ безъ всякой укоризны отъ церкви. Принявъ отъ нея твердое желаніе вступить въ монашество, служитель Божій вопро-

шалъ ее, отрекается ли она отъ міра и всего, что въ мірѣ есть услаждающаго: гордости, богатства, тщеславія; сохранитъ ли навсегда чистоту души, тѣла и самыхъ помышленій; сохранитъ ли смиреніе, кротость, терпѣніе, послушаніе, нищету; готова ли на всякую скорбь, утѣсненіе и безвинное гоненіе? Подтвердивъ твердымъ, торжественнымъ голосомъ, что она исполнитъ все сіе, заключила потомъ клятвою сохранить обѣщаніе свое. Тогда онъ провозгласилъ къ ней роковое слово:

«Подай мнѣ ножницы.»

Она протянула руку взять ихъ, тутъ же положенныя на блюдѣ. Игуменья удержала ее и тихо сказала: «Я замѣняю тебѣ родителей твоихъ; я воспріемная мать твоя, напоминаю тебѣ: обдумай!»

Постригающаяся взяла твердою рукою и поднесла ихъ архимандриту. Онъ положилъ ихъ опять на блюдо и помолчавъ сказалъ опять:

«Подай мнѣ ножницы.»

Игуменья повторила свое увѣщаніе — и постригающаяся опять спѣшила подать ихъ.

Архимандритъ опять положилъ и, подождавъ еще долѣе, сказалъ въ третій разъ:

«Подай мнѣ ножницы.»

Тутъ игуменья сказала только: «взгляни въ послѣдній разъ на родителей своихъ; еще ли не тронешься?»

Она взглянула... Мать лежала безъ чувствъ на рукахъ другой женщины... Отецъ, блѣдный, помертвѣлый, стоялъ на колѣнахъ, трясся, простиралъ къ ней руки, какъ бы умоляя ее... Она взглянула на нихъ, на небо... и съ необычайною твердостью взяла ножницы, подала ихъ безтрепетно архимандриту...

Волосы, украшавшіе доселѣ земную красоту, пали къ ногамъ ея... черная мантія сокрыла навсегда отъ свѣта Анастасію... и, подъ ея покровомъ, въ сонмъ инокинь вступила новая сестра «Агаѳоклея!»..

Основьяненко.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРАФЪ КОНРАДЪ И ЕГО ЖЕНА.

Баллада.

«Рыцарь! солнце взошло;
Въ чистомъ полѣ свѣтло;
Чу, раздался рожокъ селянина!
Удались, милый мой!
Насъ застанутъ съ тобой»...
Говорила Рожеру Мелина.

— Не страшись, милый другъ!
Твой далеко супругъ,
А пажа я задобрилъ дарами...
Страхъ пустой позабудь,
Дай прилечь мнѣ на грудь,
Дай мнѣ крѣпче обвиться руками.—

Озаря небеса,
И луга и лѣса,
Солнце сыплетъ лучи золотые
На глухой, вѣковой,
Весь обросшій травой,
Древній замокъ и башни сѣдыя.

Между-тѣмъ графъ Конрадъ
Возвратился назадъ:
Съ непріятелемъ былъ онъ на схваткѣ.
Скинулъ латы онъ съ плечь,
И сѣкиру и мечь,
И желѣзныя бросилъ перчатки.

«Ну, теперь на покой
Я засяду съ женой!»
Графъ Конрадъ самъ съ собой разсуждаетъ:
«Службу я отслужилъ:
Мечь въ ножны я вложилъ,
Пусть до новой войны отдыхаетъ!

«Ни души въ замкѣ нѣтъ:
Я пріѣхалъ чуть свѣтъ;
Все молчитъ, какъ въ заглохшей пустынѣ.
Дай же, я проберусь,
И нежданый явлюсь
Къ молодой ненаглядной графинѣ!»

Онъ тихонько идетъ
Прямо къ спальнѣ — и вотъ
У дверей, развалившись на стулѣ,
Пажъ-измѣнникъ сидитъ
И безпечно храпитъ,
Позабывъ о своемъ караулѣ.

Не сказавъ ничего,
Графъ обходитъ его
И стучится тихонько къ супругѣ.
«Отвори мнѣ, мой другъ!
Это я, твой супругъ.»
И жена пробудилась въ испугѣ.

— Милый рыцарь, бѣда!
Мужъ стучится сюда:
Насъ оплошность пажа погубила.
Мы пропали съ тобой:
Нѣтъ здѣсь двери другой...
Участь наша, я знаю, могила! —

«Есть одно средство намъ:
Я спасу тебя самъ;
Но должна ты, графиня, рѣшиться
Иль обиду стерпѣть
И со мной умереть,
Иль постылаго мужа лишиться.»

— Нѣтъ, и-такъ я грѣшна! —
«Что же медлишь, жена?»
— Милый графъ, я сей-часъ отворяю!
Ключь куда-то запалъ—...
«Дай, графиня, кинжалъ!»
— Нѣтъ, я смерти ему не желаю! —

«Что же, долго ли ждать?
Или дверь мнѣ ломать?
Съ кѣмъ ты шепотомъ тамъ разсуждаешь?»
— Рыцарь! ломитъ онъ дверь!.. —
«Ну, графиня, теперь
Что ты, жизнь или смерть, выбираешь?»

— Милый рыцарь, спасай! —
«Такъ кинжалъ мнѣ подай!
Больше мнѣ ничего и не нужно...»
Дверь слетѣла съ крючковъ...
Изумленъ и суровъ,
Входитъ въ комнату графъ безоружный.

«Что съ тобою, жена?
Ты смутна и блѣдна!
Что тебѣ отворить помѣшало?..»
Вдругъ кинжалъ заблестѣлъ
И въ костяхъ заскрипѣлъ,
Въ сердце врѣзавъ холодное жало.

Грозны очи закрывъ,
Молча духъ испустивъ,
На полъ падаетъ графъ благородный;
А коварный злодѣй
Мрачнымъ голосомъ ей
Говоритъ: «мы, графиня, свободны!»

Графъ былъ въ латы одѣтъ,
Капеляномъ отпѣтъ,
И снесенъ въ родовую гробницу.
А чрезъ мѣсяцъ иль два
Молодая вдова
Называетъ супругомъ убійцу.

Въ замокъ съѣхалось къ ней
Много званыхъ гостей,
Баронессъ, и графинь, и бароновъ;
Но супругъ молодой
Неспокоенъ душой
И не видитъ привѣтныхъ поклоновъ.

Свѣчи тускло горятъ;
И молчанье хранятъ
Гости, словно въ пиру похоронномъ;
Глухо музыки громъ
Раздается кругомъ;
Эхо носится въ замкѣ огромномъ.

Скучно стало гостямъ;
Рано всѣ по домамъ
Начинаютъ они разъѣзжаться.
И въ безмолвьи ночномъ
Молодые вдвоемъ
На преступное ложе ложатся.

Полночь медленно бьетъ;
Сторожа у воротъ
Застучали въ чугунныя доски;
Въ переходахъ пустыхъ
И подъ сводами ихъ
Отозвались на стукъ отголоски.

— Страшенъ полночи часъ;
Нашъ свѣтильникъ погасъ,
И сова въ старой башнѣ завыла,
И шаги въ тишинѣ
Чьи-то слышатся мнѣ!..—
Такъ Рожеру жена говорила.

«Это вѣтеръ завылъ,
Часовой заходилъ;
Замокъ крѣпокъ: чего намъ страшиться?»
— Милый, свѣчку зажги!
Слышны ближе шаги...
Вотъ подходитъ, вотъ въ двери стучится...—

«Кто тамъ?» крикнулъ Рожеръ.
«Отвори, кавалеръ!
Въ спальню я прихожу не чужую...»
— Боже, помощь пошли!
Страшный часъ удали!
Нѣтъ, я смерти теперь не миную! —

Мужъ въ испугѣ вскочилъ,
Да огниво схватилъ
И свѣчу поскорѣй зажигаетъ...
Вдругъ съ отвагою злой
Кто-то мощной рукой
Двери съ петлей желѣзныхъ сбиваетъ.

Никого не видать,
Ничего не слыхать...
Большій ужасъ молчанье наводитъ...
Но тяжелой стопой,
Прерывая покой,
Кто-то въ спальню невидимый входитъ.

И блѣднѣй полотна
Молодая жена
Завернувшись въ постели лежала;
Съ дикимъ взоромъ въ очахъ
Ко святымъ въ небесахъ
Непонятно мольбы лепетала.

Онъ все ближе идетъ
Мѣрнымъ шагомъ — и вотъ
Подступаетъ онъ къ брачной постели...
И съ четы молодой
Мигомъ сами собой
Всѣ покровы ночные слетѣли.

«Здравствуй, милый мой другъ!
Прогони свой испугъ:
Я пришелъ тебя съ бракомъ поздравить!»
— О всесильный Творецъ!
Это мужъ мой мертвецъ!
Поспѣшите отъ смерти избавить!.. —

«Нѣтъ, напрасенъ твой страхъ:
Ты не въ чуждыхъ рукахъ;
Твой законный супругъ предъ тобою...
Мнѣ свободы одна
Лишь минута дана
Повидаться съ безцѣнной женою.

«Только разъ мнѣ обнять,
Только разъ дай прижать
Крѣпче къ сердцу тебя, другъ мой милый!..»
Онъ ко груди прильнулъ,
Онъ морозомъ дохнулъ,
Душнымъ смрадомъ и тлѣномъ могилы.

Молодая въ-слезахъ
Вопитъ въ мощныхъ рукахъ:
— Помоги мнѣ, Владыка всевышній!
Смерть скорѣй нанеси!..
О мой рыцарь, спаси!..
«Рыцарь твой будетъ съ нами не лишній!»

И рукой, что есть силъ,
Онъ Рожера схватилъ,
Стиснулъ крѣпко ихъ другъ подлѣ друга...
На разсвѣтѣ пѣтухъ
Закричалъ — злобный духъ
Покидаетъ съ супругой супруга.

Вотъ ужъ утро зажглось;
Все кругомъ поднялось;
Въ замкѣ стукъ, и ходьба, и волненье...
Изъ близи и дали
Всѣ вассалы пришли
Новобрачнымъ принесть поздравленье.

Всѣ спѣшатъ къ господамъ,
Всѣ подходятъ къ дверямъ...
Двери сбитыя съ петлей слетѣли —
И объятые сномъ
Непробуднымъ, вдвоемъ
Молодые лежатъ на постели.

Смерть въ померших глазахъ;
На плечахъ, на рукахъ
Видны пятна отъ мощныхъ объятій...
И, какъ жертву земли,
Ихъ на столъ понесли
Прямо съ брачной широкой кровати.

Н. Прокоповичъ.

ХУДОЖНИКЪ.

(ОЛЬ-БУЛЬ *).

По теплой страсти, иль отъ скуки,
Иль увлекаясь новизной,
Къ питомцу музыки на звуки
Стеклися смертные толпой.

* Въ Москвѣ я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣроятія, пре собственное признаніе Оль-Буля, что въ самыхъ критическихъ обстоя тельствахъ его жизни, когда онъ доходилъ почти до отчаянія, явил ся къ нему геній музыки и заповѣдалъ ему тайну трогать и увле кать людей силою смычка — что и подало идею написать эт стихотвореніе. Авт.

Онъ изъ отчизны отдаленной
Привезъ магическій смычекъ,
Чтобы на скрыпкѣ вдохновенной
Дать силамъ творческимъ истокъ.
И вотъ напѣвы думъ крылатыхъ,
И страсть, и нѣжная тоска,
И волны помысловъ богатыхъ
Уже бѣгутъ съ его смычка...
Влекутъ возвышенные звуки
Слухъ жадный силой неземной:
Въ нихъ голосъ творчества и муки;
Въ нихъ споръ съ надменною судьбой.
Въ нихъ то добычи алчность ищетъ
И жертвѣ гибелью грозитъ,
То зависть тѣшится и свищетъ,
То вдругъ младенецъ прокричитъ,
И разольется плачь невинный
Какъ по скаламъ горы пустынной;
То будто лѣсъ застонетъ вдругъ,
И слышенъ въ немъ сѣкиры стукъ;
То будто робкій сынъ вдовицы
Вблизи отеческой гробницы
Уныло воетъ и груститъ;
То будто дождикъ зашумитъ,
И громъ прокатится сердито;
То ропщетъ дѣвица открыто,
И безотрадная тоска
Широко льется какъ рѣка,
И душу рветъ волною горя;
То будто въ ярой безднѣ моря

Борьба съ погибелью, и зовъ
На помощь изъ среды валовъ...

Рукоплесканья, поздравленья,
Громъ похвалы, гулъ одобренья
Смычка полетъ сопровождалъ
И вдохновеніе вѣнчалъ.
Театръ, признательный къ искуству,
Послушный вызванному чувству,
Мятежно, радостно шумитъ
И сыну музыки кричитъ:
«Скажи, Художникъ, гдѣ похитилъ
Смычекъ чарующій ты свой?
Какъ овладѣлъ имъ и насытилъ
Нашъ слухъ музыкой золотой?
Ты обаялъ нашъ умъ и взоры
Волшебной прелестью игры!
Какъ могъ ты, пламенный и скорый,
Бросать намъ рѣдкіе дары?
Какъ могъ излить плодъ думъ широкихъ,
Міръ цѣлый звуковъ неземныхъ,
Разнообразныхъ и глубокихъ
Въ импровизаціяхъ живыхъ?

Художникъ.

Не удивляйтесь этимъ звукамъ:
Въ нихъ жизнь мятежная дрожитъ!
Я обреченъ былъ раннимъ мукамъ,
Несъ бѣдность, горести и стыдъ.

Тамъ, за пучиной моря дальной,
Любовь къ искуству затая,
Въ странѣ суровой и печальной,
Среди толпы скрывался я.
Съ дней первыхъ тяжкаго ученья,
Съ дней первыхъ избраннаго рвенья,
Судьба на-зло со всѣхъ сторонъ
Мнѣ поставляла рядъ препонъ.
Но постоянствомъ терпѣливымъ,
Самозабвеньемъ горделивымъ
Я влекся имъ на-перекоръ
И побѣждалъ заботъ напоръ,
И охладительныя нужды
Сурово гналъ передъ собой...
Но мнѣ привѣты были чужды:
Никто на трудъ безсонный мой,
На сокровенныя мечтанья
И къ долѣ избранной любовь
Не обратилъ тогда вниманья,
Не взволновалъ мнѣ славой кровь.
Моя страна ко мнѣ хладѣла,
Мнѣ отозваться не хотѣла,
Отъ чистой дани отреклась,
Мои надежды смяла въ грязь...
Но то, что васъ влечетъ, волнуетъ,
Что сильно васъ во мнѣ дивитъ,
И поражаетъ, и чаруетъ —
Не мнѣ оно принадлежитъ.
Я не достигъ — моимъ терпѣньемъ,
Всѣмъ жаромъ долгаго труда —

Того, что чуднымъ вдохновеньемъ
Вы именуете всегда.
Въ часы убійственной кручины
И горькихъ мукъ, я получилъ
Отъ неожиданной причины
Избытокъ творчества и силъ.
Неистребимо то страданье
Навѣкъ въ моемъ воспоминаньѣ,
Когда, презрѣнный отъ судьбы,
Презрѣнный также отъ толпы,
Я потерялъ все упованье,
Всю вѣру въ гордое призванье.
Сынъ роковыхъ заботъ и нуждъ,
Безъ помощи, всѣмъ людямъ чуждъ,
Роптадъ я, плакалъ, какъ ребенокъ
Въ досадной тѣснотѣ пеленокъ.
Тогда, отчаянія полнъ,
Подумалъ я: хоть бездна волнъ
Меня бъ отъ жизни поглотила
И мукъ земныхъ освободила —
Я былъ бы радъ, чѣмъ дни влачить
Въ такомъ позорѣ и мученьи,
Чѣмъ безполезно жизнь губить
Въ непросвѣтимомъ заблужденьи.
Потомъ мнѣ въ голову зашла
Невольно мысль о силѣ зла,
Той силѣ губящей, мятежной,
Неотвратимой, неизбѣжной,
Чью роковую власть вовѣкъ
Не разгадаетъ человѣкъ.

Я странно вспыхнулъ, оживился —
И на умѣ изобразился
Души тяжелый произволъ...
Я думалъ: если въ безднѣ золъ
Нѣтъ и не будетъ мнѣ спасенья
Отъ вѣчныхъ бурь и потопленья,
И если братья-люди всѣ
Мнѣ въ чувствѣ сердца отказали
И рока алчнаго косѣ
Въ потраву бѣдственную дали —
Явись хоть ты, о демонъ зла,
Посланникъ силы душегубной,
Пріосѣнить мои дѣла
Твоею лаской дружелюбной!
Хоть ты, таинственная власть,
Почти мой жертвенникъ привѣтомъ,
И возбуди огонь и страсть
Въ глухомъ, болящемъ сердцѣ этомъ,
И противъ бѣдствій дай броню,
Да тщетныхъ слезъ я не роню!
И что же? Воззванная сила
Мгновенно мнѣ себя явила.
Я не былъ въ тяжкомъ забытьи,
Въ какой-нибудь горячкѣ знойной:
Глаза угрюмые мои
Глядѣли съ ясностью спокойной.
Безъ грезъ и низкихъ страховъ, я
Вдругъ вижу гостя у себя:
Слетѣлъ пришелецъ безтѣлесный
Подъ кровъ мой нищенскій и тѣсный.

Взялъ тихо, съ блескомъ на челѣ,
Смычекъ и скрипку на столѣ —
И, не дотрагиваясь полу,
Тутъ сталъ на воздухѣ играть...
Я думалъ, радостный, внимать
Вихрепоющему Эолу.
Такъ сынъ враждебныхъ, тайныхъ силъ
Меня восхитилъ, упоилъ.
И въ звукахъ трепетныхъ и чистыхъ
Дышалъ высокій, неземной
Напѣвъ гармоніи святой.
Въ порывахъ ярко-голосистыхъ
Лилися буйство и тоска,
И невозвратное паденье,
И безутѣшное мученье...
И долго мощная рука
Смычекъ пирующій водила
И въ полныхъ жизнію струнахъ
Восторгъ и плачь производила,
Раждала гнѣвъ, любовь и страхъ.
Недосягаемые звуки!
Живой и пламенный ручей
Высокой скорби и страстей!
Въ тѣхъ стонахъ, стонахъ бѣдъ и муки,
Жалѣлъ, оплакивалъ онъ рай...
Но вотъ умолкнулъ духъ враждебный,
И мнѣ подавъ смычекъ волшебный,
Печально молвилъ: «на, играй!»
Потомъ исчезъ. Я, пораженный,
Неодолимо увлеченный,

Алкалъ еще ему внимать
И слухъ несытый услаждать.
Но, послѣ чуднаго видѣнья,
Не повторилось посѣщенья.
Судьба, на-диво мнѣ, съ тѣхъ поръ
Перемѣнила приговоръ:
Я сталъ надѣяться успѣха,
Не трепетать стыда и смѣха.
Съ тѣхъ поръ, едва касаюсь струнъ,
Летитъ съ нихъ сила и перунъ,
И звуковъ цѣлая пучина,
Клокоча, рвется на просторъ —
Для самаго меня причина
Неразрѣшимая. Съ тѣхъ поръ,
Надменный, гордый и лукавый,
Мнѣ улыбнулся призракъ славы,
И запоздалою молвой
Я удостоенъ былъ толпой.
Съ тѣхъ поръ, ласкаемый привѣтомъ,
Вниманье міра заслуживъ,
Дѣлюсь я звуками со свѣтомъ,
Ему несу смычка порывъ,
Какъ дорогое достоянье,
Какъ мой высокій капиталъ...
Но въ торжествѣ рукоплесканья,
Среди восторговъ и похвалъ,
Ко мнѣ мысль грустная тѣснится,
Что я всѣмъ счастіемъ моимъ
Обязанъ демону; что съ нимъ
Я подружился; что кружится

Подлѣ меня онъ день и ночь,
Со мной живетъ, не улетаетъ
Отъ своего знакомца прочь,
И самовластно управляетъ
Его безплотная рука
Движеньемъ, звуками смычка.
Тогда моей стыжусь я славы,
И точитъ сердце червь отравы;
Читаетъ внутренній мой взоръ
Неотразимый тотъ укоръ,
Что съ сыномъ вѣчнаго паденья
Вошелъ я въ грѣшныя сношенья,
И содрагаюсь, плачу я,
Какъ злополучное дитя...

И такъ, что васъ влечетъ, волнуетъ,
Что сильно васъ во мнѣ дивитъ,
И поражаетъ, и чаруетъ —
Не мнѣ оно принадлежитъ.
Я не достигъ—моимъ терпѣньемъ,
Всѣмъ жаромъ долгаго труда —
Того, что чуднымъ вдохновеньемъ
Вы именуете всегда!

Эм--нъ.

ЖЕНЩИНА И БАЛЪ.

Мнѣ скучны бальныя волненья
И этотъ странный хороводъ,
Гдѣ все расчитано — и поступь и движенья,
И взгляды, и слова ничтожнаго значенья,
Когда бѣснуется танцующій народъ
Живою выставкою модъ!

Какъ тягостно внимать заученнымъ привѣтамъ
Пустой, безъ смысла болтовнѣ,

Скользя лѣниво по паркетамъ,
Въ какомъ-то скучномъ полуснѣ!
Когда съ подругами по лѣтамъ
Вмѣшаюсь я въ ихъ дѣтскій разговоръ,
Напрасно мой радушный взоръ
Слѣдитъ ихъ косвенные взгляды:
Въ умѣ, въ рѣчахъ у нихъ — лишь танцы да наряды.
Чѣмъ занятъ нашъ цвѣтущій кругъ,
Какъ не прическами и платьями подругъ?

Среди всеобщаго за-полночь наслажденья,
Я безучастная сижу;
На эти тщетныя къ веселью покушенья
Одна лишь я безчувственно гляжу.
Мнѣ хочется тогда подъ кровъ уединенья
Къ любимымъ книгамъ и мечтамъ,
Къ семейству, въ мой домашній храмъ,
Гдѣ все такъ полно вдохновенья.
Какъ веселы простые вечера,
Гдѣ нѣжитъ души откровенность,
Собраній дружескихъ прямая драгоцѣнность,
Гдѣ умъ работаетъ для пользы и добра!

Люблю я женщину въ кругу ея семейномъ,
За чайнымъ столикомъ, хозяйкой молодой,
Безъ пышности въ нарядѣ беззатѣйномъ,
Съ любезностью въ рѣчахъ страны ея родной.

Когда вечерній часъ досуга
Съ друзьями, съ кровными дѣлитъ она всегда,
О, какъ удѣлъ ея отца, супруга,
Быть долженъ радостенъ тогда!
Какая въ женщинѣ святая добродѣтель
Быть Ангеломъ семьи, счастливя тѣсный кругъ,
Когда родители, друзья или супругъ,
Одни всѣхъ дѣлъ ея—признательный свидѣтель!

Какъ въ храмѣ женщина возвышена небесно,
Когда склоняется до праха головой,
Въ устахъ съ молитвою живой!
О, какъ она тогда прекрасна безтѣлесно!
Какъ самая тогда любовь ея свѣтла!
Въ пылу моленія, она не покраснѣетъ,
Чье имя въ-слухъ произнесла...
То имя самое, что вымолвить не смѣетъ
Въ кругу приличія и зла.

Но если женщина является на балѣ,
Ребяческимъ восторгамъ предана,
И все, чѣмъ жить душа должна,
Сосредоточиваетъ въ залѣ...
Сестрою Ангеловъ никто не назоветъ
Красавицу, гордящуюся пиромъ:
Кто можетъ быть пустымъ баловъ кумиромъ,
Тотъ отъ небеснаго далеко отстаетъ!

Нѣтъ, скученъ балъ для чистаго призванья!
Когда мнѣ женщина съ восторгомъ говоритъ
О свѣтскихъ пиршествахъ—полна негодованья,
Душа моя по Ангелѣ скорбитъ.

Е. Шахова.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота дерёвъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно-сиротѣющей землею
И — какъ предчувствіе сходящихъ бурь —
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Божественной стыдливости страданья.

Ѳ. Т---въ.

КАКЪ ЖАЛЬ ЕЕ!

Some die of withered or of broken hearts

SHAKESPEARE.

Ея нестало!.. Замолчите,
Укоръ обиженной любви,
Судъ мести страстной! пощадите
Покой страдальческой души!

Какъ дорого она платила
За слёзы друга прежнихъ дней!
Какой борьбою искупила
Ошибку юности своей!

Какъ долго бѣдная томилась,
Желѣзной цѣпью обвита!
Какъ рано сгибла и затмилась
Ея живая красота!..

Родныхъ холодные расчеты
На жертву предали ее...
Власть сокрушительнаго гнета
Ей отравила бытіе.

Блестящій свѣтъ она видала,
Какъ узникъ видитъ свѣтъ дневной;
Ей ревность строго запрещала
Смѣхъ рѣзвый воли молодой.

Неумолимое сомнѣнье
За нею всюду слѣдомъ шло;
Улыбки, взоры и движенья
Въ ней подозрѣнье стерегло.

Нѣмымъ свидѣтелемъ являлась
Она на праздники другихъ,
Въ нихъ безучастная мѣшалась,
Страшилась искушенья ихъ...

Въ своемъ пріютѣ одинокомъ,
Быть можетъ, въ часъ мольбы ночной,
Она мечтала о далекомъ...
Къ нему стремилася душой...

Быть можетъ, съ жаркими слезами,
Съ живымъ раскаяньемъ, она
Передъ святыми образами
Свою измѣну прокляла..

А *онъ*, въ отчаяньѣ сокрытомъ
Назвавшійся ея врагомъ,
Онъ почиталъ себя забытымъ,
Онъ проклялъ думу о быломъ.

Они встрѣчались какъ чужіе:
На нихъ обоихъ свѣтъ смотрѣлъ...
Пріемы, рѣчи заказныя
Обоимъ затвердить велѣлъ.

Сердца, разрозненныя рокомъ,
Сойдетесь вы въ краю иномъ!
Конецъ всѣмъ распрямъ, всѣмъ упрекамъ.
Она въ пріютѣ гробовомъ!

Передъ безвременной могилой
Пусть обвиненье замолчитъ;
Пусть слово мира тѣни милой
Жилецъ земли проговоритъ!..

Гр--ня Е. Рас--на.

Село Анна. Генварь.
1840.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIX ТОМА.

Конецъ девятнадцатаго тома.